

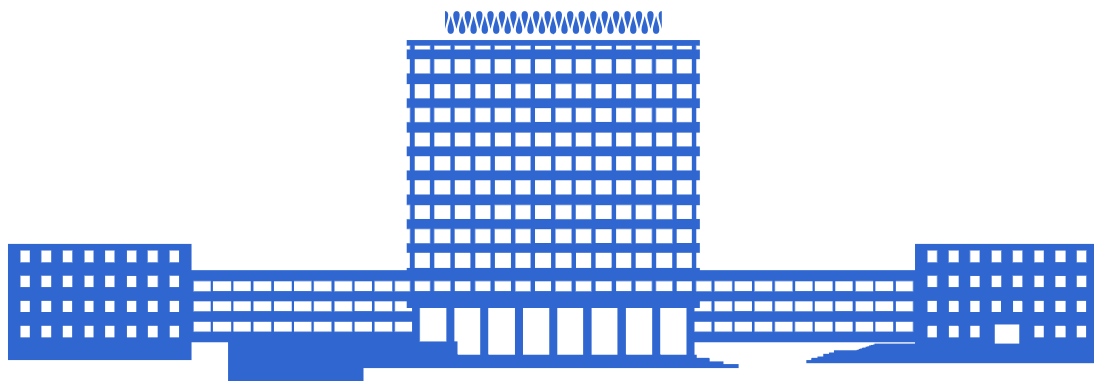
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 20 Выпуск 4 (66) 2024

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2024. – Т. 20. – Вып. 4 (66). – 155 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 13 от 3 декабря 2024 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 20 Выпуск 4 (66) 2024

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Е. С. Сысоева (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2024

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 20 Issue 4 (66) 2024

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. Ye. S. Sysoieva (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 20, Вып. 4 (66), 2024

Германские языки

<i>Кабанкова Е. Н., Чалая Ю. П.</i> Прагматический потенциал метафоры в рекламном тексте (на материале английского языка).....	5
<i>Казачкова А. Д.</i> Лексемы со значением 'море' в «Старшей Эдде» и их древнегерманские параллели.....	14
<i>Чекалина Е. М.</i> Русский союз «пока» и его шведские эквиваленты.....	25

Теория языка

<i>Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В., Слышкин Г. Г.</i> Языковая политика Украины: отражение в медиа.....	37
<i>Романов А. А., Абросимова-Романова Л. А.</i> Манипулятивное конструирование фейковых дискурсивных практик-подделок.....	53

Романские языки

<i>Безус С. Н.</i> Синтаксические доминанты староиспанского языка XIV века.....	64
<i>Трофимова Н. А., Литарова Н. Л.</i> Маргинальная языковая личность во французской поэтической исповеди.....	77

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Ветрова Э. С.</i> Эмотивные высказывания с компонентом «Аллах / Бог» в лезгинском и украинском языках.....	87
<i>Войтенко Е. Ю.</i> Английские и русские полисемантические фразеологические единицы с компонентами, обозначающими природные объекты и явления: лингвокультурологический аспект.....	98
<i>Дубицкая М. М., Калиущенко В. Д.</i> Эмотивно-оценочные высказывания как средство побуждения к действию.....	111
<i>Лукашова И. В.</i> Заимствования в терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках.....	121

Перевод

<i>Ломова О. Е.</i> Реализация когнитивно-тематического принципа при переводе немецкоязычных фильмонимов.....	134
---	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 20, Issue 4 (66), 2024

Studies in Germanic Languages

<i>Kabankova E. N., Chalaya Yu. P.</i> Pragmatic Potential of Metaphor in an Advertising Text (Based on the Material of the English Language).....	5
<i>Kazachkova A. D.</i> Words for 'Sea' in the Poetic Edda and their Parallels in Old Germanic Languages.....	14
<i>Chekalina E. M.</i> The Russian Conjunction «Poka» And its Swedish Equivalents.....	25

Theory of Language

<i>Bessonov N. Yu., Gordienko E. V., Slyshkin G. G.</i> Language Policy of Ukraine: Media Aspect...	37
<i>Romanov A. A., Abrosimova-Romanova L. A.</i> Manipulative Construction of the Fake Discursive False Practices.....	53

Studies in Romance Languages

<i>Bezus S. N.</i> Syntactic Dominants of the Old Spanish Language of the XIV th Century: Structure of Word Combinations.....	64
<i>Trofimova N. A., Litarova N. L.</i> Marginal Linguistic Personality in the French Poetic Confession.....	77

Typological and Contrastive Studies

<i>Vetrova E. S.</i> Emotive Utterances with the «Allah / God» Component in Lezgian and Ukrainian.....	87
<i>Voitenko E. Yu.</i> English and Russian Polysemantic Idioms with Components Denoting Natural Objects and Phenomena: Linguocultural Aspect.....	98
<i>Dubitskaya M. M., Kaliuščenko V. D.</i> Emotive-Evaluative Statements as a Means of Inducement to Action.....	111
<i>Lukashova I. V.</i> Loanwords in Business and Management Terminology in English and Russian.....	121

Translation

<i>Lomova O. E.</i> Cognitive-Thematic Principle Implementation in the German-Language Film Names Translation	134
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.11-112

© 2024 Е. Н. Кабанкова, Ю. П. Чалая

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена анализу особенностей употребления метафоры в англоязычном рекламном дискурсе. На материале рекламных текстов сферы дизайна, представленных в журнале The Art of Design, показан прагматический потенциал и значимость антропоморфной и артефактной моделей метафоры в рекламном сообщении. Согласно авторам, предназначение метафоры в тексте рекламы сводится к оказанию речевого воздействия на реципиента, привлечению внимания к рекламируемому товару или услуге с целью его последующего приобретения.

Ключевые слова: англоязычный рекламный дискурс, антропоморфная метафора, артефактная метафора, прагматические особенности метафоры, рекламный текст, речевое воздействие, сфера дизайна.

© 2024 E. N. Kabankova, Yu. P. Chalaya

PRAGMATIC POTENTIAL OF METAPHOR IN AN ADVERTISING TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article considers the specific use of metaphor in the English-language advertising discourse. The pragmatic potential and importance of anthropomorphic and artifact metaphor models in the field of advertising have been described. Advertising design texts issued in The Art of Design magazine were used as a basis for the analysis. According to the authors, the purpose of the metaphor in the advertising text is to provide a speech effect on the recipient, to attract attention to the advertised product or service in order to purchase it later.

Key words: English-language advertising discourse, anthropomorphic metaphor, artifact metaphor, pragmatic features of metaphor, advertising text, speech impact, design sphere.

Введение

Реклама является неотъемлемой частью нашей жизни, она присутствует на регулярной основе и окружает современного человека повсюду [Медведева, 2004; Cook, 1992]. Столь существенная роль рекламы в информационную эпоху обусловлена ее уникальной и многогранной природой, имеющимся коммуникативно-прагматическим потенциалом и направленностью на массового адресата, позволяющими воздействовать на аудиторию и ее мировоззрение.

Сегодня реклама не только стимулирует развитие торговли, но и формирует определенные взгляды, стереотипы поведения, вкусы и ценности [Armstrong, 2010; Scott, 2012]. Именно посредством рекламного сообщения и информирования

потенциального потребителя о товаре или услуге в сознании реципиента закрепляется четкий образ рекламируемого продукта, выделяются его достоинства и отличительные свойства, принимая во внимание которые человек делает конкретный выбор. Очевидно, что для успешного решения такой непростой задачи и достижения максимального эффекта рекламы рекламодатели используют определенный набор средств (лексические единицы, изображения, графические приемы и т. д.).

Многочисленные исследования, посвященные специфике рекламной коммуникации, свидетельствуют о том, что одним из наиболее распространенных языковых приемов речевого воздействия, применяемых адресантами рекламных сообщений, является метафора, дающая возможность экспрессивно и ярко описать тот или иной товар, проводя аналогию с уже известными реципиенту предметами, явлениями [Вариясова, 2012; Милетова, Чалая, 2022; Цолоева, 2021а; 2021б и др.].

В фокус настоящей статьи попадают англоязычные рекламные тексты сферы дизайна и интерьера и их метафорическая репрезентация в журналах соответствующей тематики.

Теоретические основы исследования

Рекламный дискурс, служащий пространством манифестации рекламных сообщений различной направленности, регулярно привлекает к себе внимание ученых (маркетологов, психологов, социологов, экономистов, филологов и других специалистов) [Булатова, 2012; Рекламный дискурс и рекламный текст, 2011; Cook, 1992 и др.]. Примечательно, что каждое научное направление расставляет определенные акценты, исходя из собственных целей, задач, имеющегося инструментария: маркетологи занимаются проблемой продвижения товаров на рынке и изучают рекламу в контексте ее влияния на спрос и распределение тех или иных продуктов, услуг; психологи анализируют природу психологического воздействия рекламы, реакцию массового потребителя, его эмоции и ощущения; социологи рассматривают рекламу как социальный феномен, затрагивающий как общество в целом, так и отдельных представителей, группы, объединения и т. д.; для экономистов первостепенное значение имеет финансовая составляющая и возможность увеличения прибыли за счет рекламы; филологи фокусируют свой исследовательский интерес непосредственно на языке рекламы и языковом оформлении рекламного текста, а также основных механизмах манипулирования и убеждения реципиента.

Реализуя на практике замысел рекламодателей, текст рекламы в значительной степени воздействует на реципиента и побуждает его приобрести те или иные товары (услуги) [Жданова, 2015; Калиновская, Кобышева, 2021; Кудряшева, 2022; Мусина, 2019;

Рюкова, 2021; Селеменова, 2019]. Очевидно, что для достижения заданной цели используется ряд лексических средств, среди которых метафоре отводится особая роль. Именно изучению прагматического потенциала метафоры в контексте рекламного сообщения посвящено настоящее исследование.

Взяв за основу постулаты теории когнитивной метафоры, мы рассматриваем метафору как ментальную операцию, отображающую понятийную систему человека, позволяющую систематизировать и структурировать знания о мире. Опираясь на аналогию и перенос значения с одного понятия на другое, метафора участвует в формировании нового фрагмента знаний с опорой на уже знакомое и хорошо известное [Лакофф, Джонсон, 2004; Складская, 2004; Ferrari, 2018; Forceville, 2019 и др.].

Безусловно, стоит сказать, что при помощи метафоры в рекламе осуществляется манифестация положительной оценки продукта, что является обязательным условием всякого рекламного сообщения. Осознавая ценность и пользу товара, потенциальный потребитель стремится стать его обладателем, испытать на себе имеющиеся достоинства, выгодно отличающиеся от аналогов, следовательно, в основе рекламы – оценка со знаком (+), провозглашающая уникальность и неповторимость рекламируемого товара, его красоту, простоту, комфорт и т. д. [Милетова, 2008; 2011; Судина, 2021]. В связи с этим, не станет преувеличением мысль о том, что так или иначе текст рекламы обусловлен и определяется вкусами и предпочтениями целевой аудитории, ориентирован на удовлетворение потребностей потенциальных пользователей и имеет ярко выраженную направленность на адресата, подразумевающую оказание воздействия на его эмоциональное состояние и, что немаловажно, конечный выбор.

Учитывая высокую частотность метафоры в рекламных текстах, мы подчеркиваем ее прагматический потенциал и отмечаем эффективность метафорической репрезентации тех или иных характеристик, особенностей рекламируемых товаров или услуг. Далее представим результаты анализа языкового материала.

Результаты исследования

Эмпирический анализ фактического материала, включающего 250 рекламных сообщений, свидетельствует о том, что в рассматриваемом контексте метафора играет важную роль и выступает одним из наиболее распространенных приемов, которые используют рекламодатели для того, чтобы донести адресату информацию о товаре и убедить его купить данный продукт. В выборке текстов рекламы, посвященных строительным материалам, элементам дизайна и интерьера, присутствуют метафоры, построенные на аналогии с человеком и его способностями (антропоморфная модель

метафоры), а также с вещами, предметами, созданными человеческими руками (артефактная модель метафоры).

Рассмотрим каждую модель метафоры подробнее. Начнем с антропоморфной метафорической модели, зафиксированной в 120 примерах из выборки (48% анализируемого материала), отражающей в тексте рекламы идею о наличии у рекламируемого товара характеристик, сближающих его с живым существом (человеком). К числу наиболее распространенных свойств, репрезентируемых при участии метафоры, отнесем, прежде всего, способность «говорить», вести свое особое повествование. Обратимся к примерам:

1) *In the realm of luxury, true distinction lies in the ability to tell a story – your story. Sempre is not just about the products we create but the stories they embody and the atmospheres they inspire. If you’ve ever dreamed of a space that narrates your journey echoes your passion, and feels unequivocally yours, **Sempre invites you to explore the horizon of possibilities with us*** [The Art of Design] ‘В мире роскоши главное отличие заключается в умении рассказать историю – свою историю. Sempre – это не только продукты, которые мы создаем, но и истории, которые они воплощают, и атмосфера, которую они вдохновляют. Если вы когда-либо мечтали о пространстве, которое рассказывает о вашем путешествии, отражает вашу страсть и безоговорочно принадлежит вам, **компания Sempre приглашает вас исследовать горизонт возможностей вместе с нами**’.

2) *We understand that light is an essential element of life which influences architecture by defining volumes, visual appeal and textures. We want to go so much further by fostering sensations and emotions, so that lighting becomes a dialogue between people and whatever happens in the spaces they inhabit.*

That is why we take pride in offering the ability to personalise all lighting products to your needs [The Art of Design] ‘Мы понимаем, что свет является неотъемлемым элементом жизни, который влияет на архитектуру, определяя объемы, визуальную привлекательность и текстуры. Мы хотим пойти гораздо дальше, способствуя ощущениям и эмоциям, чтобы освещение стало диалогом между людьми и всем, что происходит в пространствах, которые они населяют.

Вот почему мы гордимся тем, что предлагаем возможность персонализировать все осветительные приборы в соответствии с вашими потребностями’.

В приведенных выше примерах отмечаем употребление антропоморфных метафор, в соответствии с которыми каждый продукт, описываемый в рекламе, несет некое сообщение потенциальному потребителю. Примечательно, что форма транслируемого

сообщения варьируется, поскольку в тексте (1) товар рассказывает свою историю (*to tell a story, a space that narrates your journey*), в тексте (2) элементы освещения создают неповторимый и индивидуальный дизайн, способствуют диалогу между жильцами и пространствами (*lighting becomes a dialogue between people and whatever happens in the spaces they inhabit*). Очевидно, что значение метафор реализуется семантикой существительных (*story, dialogue*) и глаголов (*tell, narrate*), представляющих собой ключевые лексические компоненты соответствующих метафор.

Не менее значимой моделью метафоры в анализируемом контексте выступает артефактная метафора, отмеченная в 85 примерах из выборки (34% фактического материала), подразумевающая мысль о том, что рекламируемый продукт – плод усилий, творение человеческих рук и т. д. Приведем примеры:

3) *With high performance, almost total silence and perfect ambient lighting, Skydome Plus is a star for your home* [The Art of Design] ‘Благодаря высокой производительности, практически полной бесшумности и идеальному окружающему освещению **Skydome Plus** станет звездой вашего дома’.

4) *Each product in the Axor Edge Collection is a jewel, a masterpiece, a unique architectural object* [The Art of Design] ‘Каждое изделие коллекции **Axor Edge** – это драгоценность, шедевр, уникальный архитектурный объект’.

В текстах (3) и (4) используется артефактная метафора, ярко и экспрессивно характеризующая рекламируемый продукт, а именно, отождествляя его со *звездой (star)* и *драгоценным камнем (jewel)*. Очевидно, что подобная аналогия неслучайна, поскольку подразумевает интенцию рекламодателей подчеркнуть ценность и неповторимость товаров. С точки зрения языка, основными способами реализации данной модели метафоры служат имена существительные.

Как показал анализ фактического материала, зачастую в рекламном тексте употребляются сразу две метафорические модели, каждая из которых воздействует на адресата и создает эмоциональный фон в тексте. Рассмотрим пример:

5) *At our core, we don't just craft items; we sculpt atmospheres. Our philosophy is a symphony of nature's unadorned beauty and a meticulous passion for detail, crafting spaces that whisper the true essence of luxury* [The Art of Design] ‘В основе нашей деятельности лежит не просто создание предметов, мы создаем атмосферу. Наша философия – это симфония нетронутой красоты природы и скрупулезная страсть к деталям, создание пространств, которые шепчут истинную сущность роскоши’.

В представленном фрагменте рекламы артефактная метафора характеризует деятельность фирмы как *симфонию нетронутой красоты природы* (*our philosophy is a symphony of nature's unadorned beauty*), подразумевая при этом использование натуральных материалов в производстве рекламируемых товаров (мебель и иные элементы дизайна), в свою очередь, антропоморфная метафора репрезентирует идею о том, что создаваемые пространства способны *шептать*, сообщая потребителю о том, что из себя представляет роскошь (*crafting spaces that whisper the true essence of luxury*). Вновь отмечаем, что языковым средством актуализации артефактной метафоры выступает имя существительное (*symphony*), антропоморфной метафоры – глагол (*whisper*).

Выводы

На основании проведенного исследования могут быть сформулированы следующие выводы:

1. Англоязычный рекламный дискурс, неотъемлемой частью которого является рекламный текст, служит пространством манифестации когнитивной метафоры. В выборке, включающей рекламные тексты сферы дизайна, доминируют две модели метафоры, антропоморфная (основанная на аналогии между живым существом – человеком) и артефактная (подразумевающая ассоциацию между рекламируемым товаром и творением, произведением дизайнерского искусства). С точки зрения прагматики, указанные метафорические модели выступают средством воздействия на адресата (потребителя) и направлены на стремление рекламодателей подчеркнуть уникальные свойства и характеристики товара (услуги) и, тем самым, убедить целевую аудиторию в необходимости его приобретения.

2. В масштабе выборки из 250 рекламных текстов: 48% материала приходится на антропоморфную метафорическую модель (120 примеров), 34% материала (85 примеров) – на артефактную метафорическую модель, 18% материала (45 примеров) характеризуются отсутствием метафоры. Наиболее распространенными языковыми средствами реализации метафоры в англоязычном рекламном тексте сферы дизайна служат имена существительные и глаголы. При этом, примечательно, что существительные актуализируют в рассматриваемом контексте как антропоморфную, так и артефактную модели метафоры, в то время как глаголы преобладают при описании свойств товаров, сближающих их с человеком (антропоморфная метафора).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатова Э. В. Стилистика текстов рекламного дискурса. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 265 с.
2. Вариясова Е. В. Метафора в рекламном тексте как прием суггестии (на материале экспериментальных рекламных текстов) // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 392-397.
3. Жданова Е. Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки ТГУ. 2015. № 2. С. 76-85.
4. Калиновская Е. А., Кобышева А. С. Прагматика рекламного текста в аспекте его суггестивного воздействия // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 58-67. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-58-67.
5. Кудряшева Ф. С. Лингвистическая прагматика французского рекламного текста // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 6. С. 398-404. DOI: 10.33184/dokbsu-2022.6.7.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Metaphors We Live By. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 280 с.
8. Милетова Е. В. О проблеме определения лингвистического статуса слов категории состояния в отечественной и зарубежной литературе (на примере русского и английского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 69. С. 177-181.
9. Милетова Е. В. Фреймовый способ репрезентации категории «качество» в искусствоведческом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 93-97.
10. Милетова Е. В., Чалая Ю. П. Процесс метафоризации в дискурсе СМИ (на материале британской газеты The Guardian) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15. С. 125-134.
11. Мусина А. А. Лингвистические особенности рекламного дискурса в английском языке // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1 (30). С. 757-760.
12. Рекламный дискурс и рекламный текст / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 296 с.
13. Рюкова А. Р. Языковые средства воздействия в рекламном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4. С. 1049-1056. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.34.
14. Селеменова О. А. Суггестивный потенциал языковых единиц в рекламных текстах международных женских глянцевого журналов мод // Научный диалог. 2019. № 11. С. 72-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-72-85
15. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург, 2004. 166 с.
16. Судина Л. В. Концептуализация понятия «красота» в рекламном дискурсе // Современный ученый. 2021. № 2. С. 129-134.
17. Цолоева С. Б. Метафора как средство речевого воздействия в англоязычном рекламном тексте // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2021а. С. 174-177.
18. Цолоева С. Б. Процесс метафоризации в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021б. № 2. С. 69-81. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_2_69.
19. Armstrong J. S. Persuasive Advertising: Evidence-based Principles. Palgrave Macmillan, 2010. 386 p.
20. Cook G. The discourse of advertising. London, New York: Routledge, 1992. 272 p.
21. Ferrari F. Metaphor and persuasion in strategic communication. L-NY: Routledge, 2018. 284 p. DOI: 10.4324/9781315188461.

22. Forceville Ch. Multimodal metaphor and metonymy in advertising // Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 139. P. 126-128.
23. Scott W. D. The Psychology of Advertising. Forgotten Books, 2012. 282 p.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

The Art of Design. Available at: <https://viewer.joomag.com>. (accessed: 15.10.2024).

REFERENCES

1. Bulatova, E. V. (2012). *Stilistika tekstov reklamnogo diskursa* [Stylistics of advertising discourse texts]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. (In Russ.).
2. Variyasova, E. V. (2012). Metafora v reklamnom tekste kak priem suggestii (na materiale eksperimentalnykh reklamnykh tekstov) [Metaphor in an advertising text as a suggestion technique (based on the material of experimental advertising texts)]. In *Yazyk i sotsialnaya dinamika*. No 12-1. Pp. 392-397. (In Russ.).
3. Zhdanova, E. Yu. (2015). Reklamnyy tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya [Advertising text as an object of linguistic research]. In *Vektor nauki TGU*. No 2. Pp. 76-85. (In Russ.).
4. Kalinovskaya, E. A., Kobysheva, A. S. (2021). Pragmatika reklamnogo teksta v aspekte ego suggestivnogo vozdeystviya [Pragmatics of the advertising text in the aspect of its suggestive effect]. In *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki*. Vol. 25. No 1. Pp. 58-67. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-58-67. (In Russ.).
5. Kudryasheva, F. S. (2022). Lingvisticheskaya pragmatika frantsuzskogo reklamnogo teksta [Linguistic pragmatics of the French advertising text]. In *Doklady Bashkirskogo universiteta*. Vol. 7. No 6. Pp. 398-404. DOI: 10.33184/dokbsu-2022.6.7. (In Russ.).
6. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
7. Medvedeva, E. V. (2004). *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising communication]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
8. Miletova, E. V. (2008). O probleme opredeleniya lingvisticheskogo statusa slov kategorii sostoyaniya v otechestvennoy i zarubezhnoy literature (na primere russkogo i angliiskogo yazykov) [On the problem of determining the linguistic status of state category words in Russian and foreign literature (on the material of the Russian and the English languages)]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No 69. Pp. 177-181. (In Russ.).
9. Miletova, E. V. (2011). Freymovyy sposob reprezentatsii kategorii «kachestvo» v iskusstvovedcheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Frame method of representing the category «quality» in art discourse (based on the English language)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No 4. Pp. 93-97. (In Russ.).
10. Miletova, E. V., Chalaya Yu. P. (2022). Protsess metaforizatsii v diskurse SMI (na materiale britanskoy gazety The Guardian) [The process of metaphorization in media discourse (based on the British newspaper The Guardian)]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No 15. Pp. 125-134. (In Russ.).
11. Musina, A. A. (2019). Lingvisticheskie osobennosti reklamnogo diskursa v angliyskom yazyke [Linguistic features of advertising discourse in English]. In *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. No 1 (30). Pp. 757-760. (In Russ.).
12. *Reklamnyy diskurs i reklamnyi tekst* [Advertising discourse and advertising text]. In nauch. red. T. N. Kolokoltseva. Moskva: FLINTA: Nauka, 2011. (In Russ.).
13. Ryukova, A. R. (2021). Yazykovye sredstva vozdeystviya v reklamnom diskurse [Linguistic means of influence in advertising discourse]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 26. No 4. Pp. 1049-1056. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.34. (In Russ.).

14. Selemenewa, O. A. (2019). Suggestivnyy potentsial yazykovykh edinit v reklamnykh tekstakh mezhdunarodnykh zhenskikh glyantsevykh zhurnalov mod [Suggestive potential of linguistic units in the advertising texts of international women's glossy fashion magazines]. In *Nauchnyy dialog*. No 11. Pp. 72-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-72-85. (In Russ.).
15. Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
16. Sudina, L. V. (2021). Kontseptualizatsiya ponyatiya «krasota» v reklamnom diskurse [Concept of «beauty» in advertising discourse]. In *Sovremennyy uchenyy*. No 2. Pp. 129-134. (In Russ.).
17. Tsoloeva, S. B. (2021a). Metafora kak sredstvo rechevogo vozdeystviya v angloyazychnom reklamnom tekste [Metaphor as a means of speech influence in an English-language advertising text]. In *Lingvokulturnye universalii v mirovom prostranstve*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. Pp. 174-177. (In Russ.).
18. Tsoloeva S. B. (2021b). Protsess metaforizatsii v angloyazychnom professionalnom reklamnom diskurse [Metaphorization Process in English-speaking professional advertising discourse]. In *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. No 2. Pp. 69-81. DOI: 10.51955/2312-1327_2021_2_69. (In Russ.).
19. Armstrong, J. S. (2010). *Persuasive Advertising: Evidence-based Principles*. Palgrave Macmillan.
20. Cook, G. (1992). *The discourse of advertising*. London, New York: Routledge.
21. Ferrari, F. (2018). *Metaphor and persuasion in strategic communication*. L-NY: Routledge. DOI: 10.4324/9781315188461.
22. Forceville Ch. (2019). Multimodal metaphor and metonymy in advertising. In *Journal of Pragmatics*. Vol. 139. Pp. 126-128.
23. Scott, W. D. (2012). *The Psychology of Advertising*. Forgotten Books.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

The Art of Design. Available at: <https://viewer.joomag.com>. (accessed: 15.10.2024).

Кабанкова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Института общественных наук и международных отношений (e-mail: ENKabankova@sevsu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет» 299053, Севастополь, Университетская, 33

Kabankova Elena N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages at the Institute of Social Sciences and International Relations (e-mail: ENKabankova@sevsu.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University» 33, Universitetskaya, Sevastopol, 299053

Чалая Юлия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» Института общественных наук и международных отношений (e-mail: chalaya.yulia@yandex.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет» 299053, Севастополь, Университетская, 33

Chalaya Yulia P. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology at the Institute of Social Sciences and International Relations (e-mail: chalaya.yulia@yandex.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University» 33, Universitetskaya, Sevastopol, 299053

Поступила в редакцию 29 октября 2024 г.

ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'МОРЕ' В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ» И ИХ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье анализируются лексемы, обозначающие море в эддических песнях о богах, и их параллели в других древнегерманских языках. Другая задача исследования – найти возможные континуанты этих древних лексем в ряде современных германских языков (норвежском, датском, шведском, английском и немецком) и отметить сохранение, изменение или потерю исконного значения.

Ключевые слова: синонимы, континуанты, этимология, древнегерманские языки, море, «Старшая Эдда».

© 2024 A. D. Kazachkova

WORDS FOR 'SEA' IN THE POETIC EDDA AND THEIR PARALLELS IN OLD GERMANIC LANGUAGES

The article deals with the lexemes designating sea in the Poetic Edda Mythological poems and their cognates in old Germanic languages. The author examines the old lexemes' continuants (descendant words) in modern Norwegian, Danish, Swedish, English and German, noting whether their original meaning remains unchanged, has been changed or lost.

Key words: synonyms, continuants (descendant words), etymology, old Germanic languages, sea, Poetic Edda.

Море в эддических песнях о богах – один из важнейших космологических элементов. Согласно «Прорицанию вёльвы», земле суждено потонуть в море (*i mar*, строфа 57), а потом вновь подняться из него же (*ór ægi*, строфа 59). Также море – это место, где разворачиваются некоторые мифические события «Эдды»: в море, окружающем весь мир, максимально далеко от Асгарда, рыбачат Тор и Хюмир в «Песни о Хюмире» [Løkka, 2010: 97].

Наименования отдельных элементов эддического ландшафта ранее рассматривались лингвистами, в том числе российскими (например, [Топорова, 2011]). В частности, Т. В. Топорова, исследуя природу эпического слова, обращалась к лингвистическому анализу обозначений воды в «Старшей Эдде», лексемы рассматривались в том числе с точки зрения стилистики [Топорова, 2015]. Однако еще не было работ, посвященных отдельно лексемам со значением 'море' в «Старшей Эдде», в которых эти лексемы рассматривались бы в контексте древнегерманской этимологии, а также, где были бы подробно рассмотрены континуанты этих лексем в современных языках. Именно такие задачи ставятся в данной статье. Цель исследования: этимологический анализ древнеисландских лексем 'море' на древнегерманском и германском уровнях.

Поиск лексем проводился в десяти песнях, содержащихся в рукописи Codex Regius 2365, в издании «Эддические песни: Эдда Сэмунда» под редакцией Г. Йонссона [Jónsson, 1954]. В одной из песней, а именно в «Песни о Трюме» («*Prymskviða*»), искомым лексем обнаружено не было. В песни «Перебранка Локи» («*Lokasenna*») единственная «морская» лексема *ægir*, которая будет подробно рассматриваться далее в этой статье, встречается 11 раз, однако во всех случаях она является теонимом (*Ægir* ‘Эгир’). Интерес для данного исследования представляют оставшиеся восемь песней. Далее приводятся их названия в оригинале и в переводе А. И. Корсуна и принятые в таблице сокращения: «*Völuspá*» / «Прорицание вёльвы» (Vs), «*Hávamál*» / «Речи Высокого» (Hvm), «*Vafþrúðnismál*» / «Речи Вафтруднира» (Vm), «*Grímnismál*» / «Речи Гримнира» (Gm), «*Skírnismál*» / «Поездка Скирнира» (Sk), «*Hárbarðsljóð*» / «Песнь о Харбарде» (Hbl), «*Hymiskviða*» / «Песнь о Хюмире» (Hmk) и «*Alvíssmál*» / «Речи Альвиса» (Am). Всего было выделено восемь лексем, которые могли служить обозначением моря. Они приведены в алфавитном порядке в таблице, где также указано число упоминаний каждой лексемы в вышеуказанных песнях «Старшей Эдды».

Таблица. Лексемы со значением ‘море’ в восьми эддических песнях о богах

Лексема	Vs	Hvm	Vm	Gm	Sk	Hbl	Hmk	Am	Всего
<i>brim</i>	–	–	–	1	–	–	1	–	2
<i>haf</i>	–	–	–	2	–	–	–	–	2
<i>lögr</i>	1	–	–	–	1	–	2	1-3 ¹	5-7
<i>marr</i>	1	1	1	–	–	–	1	2	6
<i>sær</i>	2	3	1	1	–	–	–	1	8
<i>unnr</i>	2	–	–	1	–	–	–	–	3
<i>vágr</i>	–	2	1	–	–	4	2	2	11
<i>ægir</i>	1	–	–	2	–	–	2	–	5

Существительное среднего рода *brim* ‘прибой’ являлось также поэтическим обозначением моря. В строфе 27 «Песни о Хюмире» слово использовано в качестве первого элемента композита *brim-svín* ‘свинья прибой’. Согласно словарю Г. Зойга, это сложное слово является поэтическим обозначением корабля [Zoëga, 1910]. М. И. Стеблин-Каменский в примечаниях к песни придерживается иного мнения. В его толковании «вепрь прибой» (в переводе А. И. Корсуна) – это кит [Стеблин-Каменский, 1975: 679].

В древнеанглийском языке есть слово *brim* ‘прибой’, ‘прилив’, ‘море’. В среднеанглийском его континуант зафиксирован в значении ‘водоем’; отмечается, что слово по большей части встречается в текстах северного региона. В современном английском языке слово не сохранилось.

¹ Точное число зависит от толкования первого элемента композита *lagastaf* (см. ниже).

Из всех континентальных скандинавских языков лексема сохранилась только в некоторых диалектах норвежского. В них современное существительное среднего рода *brim* означает 'прибой'.

Существительное среднего рода *haf* 'море, в особенности открытое', 'океан' в песнях о богах использовано только в прозаической части «Речей Гримнира». В обоих случаях во фразе используется наречие *út* 'наружу, прочь', например *vindr rak þá í haf út* 'ветер погнал их в море наружу / прочь', т. е. в открытое море.

Континуант хорошо сохранился во всех современных континентальных языках: норв., дат., швед. *hav* 'море', 'океан'. Это слово используется в том числе в топонимах океанов, морей и некоторых больших озер, ср. норв. *Dødehavet*, дат. *Døde Hav*, швед. *Döda havet* 'Мертвое море'.

Древнеисландская лексема имеет параллели в англо-фризском ареале: древнеанглийское *hæf* и древнефризское *hef* 'море'. В западногерманских языках сохранность лексемы плохая. Словари отмечают лишь нижненемецкий континуант *Haff*, обозначающий залив, отделенный косой от моря (существительное *haf* означает 'море' в средненижненемецком).

Существительное мужского рода *lögr* имеет в древнеисландском значения 'море'; 'вода', 'жидкость'. Также оно могло служить местным названием большого озера или большой дельты: например, озеро Меларен в Швеции в «Саге об Олаве Святом» называется *Lögr*. Кроме того, этим словом называлась руна *l*. Готское название этой руны – *laaz*, древнеанглийское – *lagu*, также означавшее 'море', 'вода'. Реконструируемое о/г соответствие – **laguz*. Восходит к и/е **laku-* 'озеро', 'море' [Lehmann, 1986: 224].

В «Речах Альвиса» дважды встречается композит в форме винительного падежа *laga-staf*. Его толкование разными исследователями неоднозначно. В строфе 24 это слово служит обозначением моря, а в строфе 32 – семян. В обоих случаях слово отнесено к языку альвов. Э. Петтит толкует композит как 'водный столб', где первый элемент связывается с *lögr*. При этом появление этого же композита среди хейти семян исследователь толкует как по ошибке допущенный писцом повтор слова из строфы 24 [Pettit, 2023: 382]. Примечательно, что Ф. Йонссон, напротив, считал, что *laga-staf* проще объяснить в строфе 32 – там оно обозначает ячмень, из которого варят пиво – а в строфе 24, по мнению исследователя, это слово могло оказаться случайно [Jónsson, 1932]. При другом толковании первый элемент связывается с *lag* 'правильное положение, порядок', который «содержит намек на гармонию космизированной вселенной» [Топорова, 2015: 57].

Лексема имеет континуанты в современных норвежском и шведском языках. Так, в букмоле *låg*, в нюнорске *log* обозначают травяной отвар или воду, наливаемую на солод в процессе пивоварения. В этой связи интересно отметить, что в «Речах Альвиса» названием пива на языке турсов служит композит *hreina-lögr* ‘чистая влага’, вторым элементом которого как раз является *lögr*. В некоторых западно-норвежских диалектах континуант зафиксирован в значениях ‘море’, ‘озеро’, ‘река’ и ‘водная поверхность’, ‘поверхность моря’. В шведском языке континуант *lag* означает ‘маринад’.

Существительное мужского рода *marr* ‘море’ встречается также в топонимах. Так, *Aust-marr* ‘Восточное море’ обозначает восточную часть Балтийского моря. В древнеанглийском существует схожий составной композит *Ēst-mere*, которым может обозначаться Калининградский залив. Помимо древнеанглийского *mere* ‘озеро’, которое также является поэтическим обозначением моря, древнеисландская лексема имеет параллели в готском (*marei* ‘море’, а также композит *mari-saiws* ‘озеро’, второй элемент которого тоже означает ‘море’), древнесаксонском (*meri* ‘море’) и древневерхненемецком (*meri* ‘море’), а также в древнефризском, где параллельная лексема *mar* имеет значение ‘ров’ [Vries, 1977: 379; Kroonen, 2013: 354]. Эти лексемы восходят к о/г **marin-*, **marī-* ‘водоем’ [Lehmann, 1986: 245], которое, в свою очередь, является продолжением и/е **mori*, **mōri* ‘море’ [Pokorny, 1959: 748].

Примечательно, что, спрашивая Альвиса в строфе 23 «Речей Альвиса» о названиях моря на языках разных существ, Тор в первый и единственный раз за всю песнь использует для обозначения интересующего его понятия слово не из языка людей. Этим словом как раз и является *marr*. Как следует из строфы 24, карлики называют море *djúpan mar*, т. е. глубоким морем. Эпитет несет на себе метрическое ударение и потому играет важную роль с точки зрения аллитерации; третья, непарная, строка льодахатта² аллитерирует сама с собой [Стеблин-Каменский, 2003]. В данном случае обозначение моря должно аллитерировать с *dvergar* ‘карлики’.

Интересно, что континуанты этого слова сохранились в немецком и английском, но были практически полностью утеряны как самостоятельные лексические единицы континентальными скандинавскими языками. Так, в датском и норвежском *mar-* сохранилось только в композитах: норв. *marbakke* ‘подводный береговой обрыв’, норв., дат. *marehalm* ‘песколюб’ и ‘колосняк песчаный’ соответственно. В шведском *mar-* также может быть первым звеном композита, но в диалектах употребляется и как самостоятельное слово в значении ‘мелкий / илистый морской залив’. В составных топонимах в современных

² «Диалогический» размер в эддической поэзии.

континентальных скандинавских языках используются лексемы, восходящие к древним *sær* и *haf*, ср. норв. *Østersjøen*, дат. *Østersøen*, швед. *Östersjön* 'Балтийское море'.

Что касается немецкого, современное существительное *Meer* 'море' используется в том числе в топонимах в применении к южным морям: *Asowsches Meer* 'Азовское море', *Rotes Meer* 'Красное море'. В английском языке значение 'море' у континуанта не сохранилось; современное *mere* 'озеро' используется в основном как поэтизм или в диалектах.

Лексемы, континуанты которых сохранились во всех современных германских языках, привлекаемых в данной статье, восходят к о/г **saiwi-* 'море'. В древнеисландском это *sær* (*sjór*, *sjár*) 'море', когнатом которого в готском является **saiws* 'море'. Согласно словарю Р. Клисби и Г. Вигфуссона, древнеисландское слово, в отличие от, например, древневерхненемецкого *sē(o)*, не имеет значение 'озеро' [Cleasby-Vigfusson, 1874]. «Словарь языка древнескандинавской прозы» все же приводит значение 'море с пресной водой', 'озеро', проиллюстрированное немногочисленными примерами. Однако во всех этих примерах реализуется одно из следующих условий: 1) в предложении есть уточняющее слово *vatn* 'озеро' (*þar er vatn eða sjár eptir* 'там стало пресное море / озеро или озеро' («Сага об Инглингах»)) – о вышеупомянутом озере Меларен); 2) речь идет о Тивериадском озере, иначе Галилейском море, а сами примеры взяты из переводных текстов, например, из «Саги о двух апостолах: Петре и Павле». Отметим, что в английском переводе Евангелия этот водоем тоже называется морем: *And Jesus, walking by the sea of Galilee, saw two brethren, Simon called Peter, and Andrew his brother, casting a net into the sea: for they were fishers* (Мф 4:18).

В строфе 20 «Прорицания вёльвы» *sær* используется как синоним для *Urðar-brunnr* 'источник Урд', из которого возникли три мудрые девы (норны). Однако в другом манускрипте, содержащем эту песнь, «Книге Хаука» (*Hauksbók*), на месте *sær* находим *salr* 'комната, зал'.

Во всех современных континентальных скандинавских языках континуанты – норв. *sjø*, дат. *sø* и швед. *sjö* – сохраняют значение 'море', но также могут обозначать озеро и волну.

Интересно, что другое обозначение озера в современных норвежском, датском и шведском языках – *innsjø*, *indsø* и *insjö* соответственно – образовано от континуантов *sær* и префикса со значением 'внутри'. В этом контексте назовем немецкое существительное мужского рода *Binnensee*, образованное при помощи элемента *binnen*, тоже обладающего значением 'внутри', от *der See* 'озеро', континуанта древнего *sē(o)*. Омонимичное *die See* 'море' вторично по отношению к существительному мужского рода; значения 'озеро'

и ‘море’ расходятся с XVI века [Kluge, 1989: 663].

Древнеанглийская параллель *sæ* ‘море’ стала основным обозначением моря в современном английском языке – *sea*.

Существительное женского рода *unnr* ‘волна’ имеет также более древнюю форму *uðr*. Лексема является поэтизмом, в прозе встречается только в составе композита *unn-vörp* ‘прибой’, ‘течение волн’. Также обе формы (*unnr* и *uðr*) используются в качестве женского имени. Так, одну из девяти дочерей Эгира и Ран звали *Unnr* [Lind, 2007: 210]. Интересно, что в строфе 46 «Речей Гримнира» Один говорит, что одно из его имен – *Uðr*.

Древнеисландская лексема имеет параллели в древнеанглийском (*ūð*, *ȳð*), древнесаксонском (*ūthia*, *ūðia*), древневерхненемецком (*undea*). О/г форма – **unþiō* [Vries, 1977: 635]. Континуантов в современных языках словари не приводят.

Существительное мужского рода *vágr* означает ‘волна’, ‘море’, ‘бухта’, ‘залив’. Также лексема используется как топоним, например, *Vágar* – рыбацкое поселение на севере Норвегии. Это поселение существовало до конца XIX в. на острове Эуствогёй в архипелаге Лофотен [Bertelsen, 2022]. В «Песни о Харбарде» *vágr* используется как синоним *sund* ‘пролив’, через который Тор просит Харбарда переправить его (см., например, строфу 2).

Примечательно, что в «Речах Альвиса» *vágr* встречается не только в перечне названий моря (строфа 24), но и в перечне названий огня (строфа 26). Возможно, за этим стоит идея уподобления языков пламени волнам. Х. Гюнтерт считал появление *vágr* в строфе 26 ошибкой писца [Güntert, 1921: 148].

В «Песни о Хюмире» лексема встречается в том числе в топониме *Éli-vága* ‘бушующие волны’. *Élivágar* – это название нескольких мифологических рек с ядовитыми водами, берущих начало из источника Хвергельмир в Нифльхейме [Næss, 2019].

Древнеисландская лексема *vágr* имеет параллели в других древних германских языках, при этом значение когнатов несколько отличается: в готском *wēgs* означает ‘шторм’, ‘бушующие волны’, древнеанглийское *wæg* значит ‘волна’, ‘вода’, ‘море’, древнефризское *wēg* – ‘вал’, ‘вода’, древнесаксонское *wāg* – ‘волна’, ‘прилив’, древневерхненемецкое *wāg* – ‘вал’, ‘море’ [Vries, 1977: 639].

Современное немецкое *Woge* ‘большая, сильная волна’, ‘вал’ относится к высокому стилю. Род слова изменился на женский под влиянием нижненемецкого [Kluge, 1989: 797].

Современное норв. *våg* (диалектное или поэтизм) ‘море’, ‘волна’, дат. *vove* (поэтизм или шутливое) ‘волна’ и швед. *våg* ‘волна’, вероятно, заимствованы из средненижненемецкого (от варианта женского рода *wāge* ‘вал’).

Существительное мужского рода *ægir* 'море', 'океан', 'открытое море' восходит к о/г **ēgja* 'море'. Лексема часто употребляется в древнеисландской поэзии. *Ægir* – это еще и имя морского бога, называемого также великаном, но причисляемого к асам. С супругой Ран у них было девять дочерей, имена которых обозначали волны [Lind, 2007: 230]. Эгир – это персонификация моря, океана [Dronke, 1997: 356]. Река Айдер (нем. *Eider*) в Средневековье называлась *Egidora*, что соответствует древнеисландскому *Ægis-dyrr* 'дверь Эгира' [Holtsmark, 1970: 168].

Слово, этимологически родственное древнеисландскому *ægir*, используется в качестве первого элемента древнеанглийского композита *æg-weard* 'караул на берегу моря'. Существительное очень плохо сохранилось в современных германских языках. Я. де Фрис приводит континуант только в фарерском языке – слово *ægi* 'море' [Vries, 1977: 681].

Выводы. В данной статье были рассмотрены различные обозначения моря в восьми песнях «Старшей Эдды», а также их параллели в других древних германских языках. Рассмотренные лексемы демонстрируют разную степень сохранности в современных норвежском, датском, шведском, английском и немецком. Так, параллели древнеисландского существительного *sær* сохранились во всех современных германских языках, привлекаемых для данного исследования. В современных континентальных скандинавских языках континуант сохранил и расширил древнее значение. В немецком языке значения 'море' и 'озеро' разошлись по роду существительного. Очень хорошую сохранность в континентальных скандинавских языках демонстрирует лексема *haf*. Изменения исконного значения не произошло. В западногерманских языках, напротив, параллели древнеисландского *haf* сохранились плохо. Существительное *marr* практически не сохранилось как самостоятельное слово в континентальных скандинавских языках, тогда как его параллель в древневерхненемецком получила продолжение и не изменила исконного значения в современном немецком языке. Лексема, родственная древнеисландскому *vágr*, сохранилась в немецком, но относится к высокому стилю. Что касается континуантов в современных норвежском, датском и шведском, здесь произошло заимствование из близкородственного языка, хотя в древности существовала «своя» лексема, этимологически однокоренная заимствованной. Слово *lögr* потеряло значение 'море' (кроме некоторых западно-норвежских диалектов) и испытало сильное изменение значения в норвежском и шведском. В датском языке эта лексема не сохранилась. Наименьшую сохранность демонстрируют три лексемы: *brim*, *ægi* и *unnr*. Первая представлена лишь в диалектах норвежского языка. Существительное *ægir* сохранилось лишь в фарерском языке, который находится за рамками данного исследования, а лексема *unnr*, по данным словарей, не сохранилась в современных германских языках вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература // Труды по филологии. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. Доступ: <https://norroen.info/articles/steblink/literature>. (дата обращения: 17.10.2024).
2. Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда (примечания) // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы. Москва: Художественная литература, 1975. Т. 9. 769 с.
3. Топорова Т. В. Сопоставительный анализ обозначений земли и неба в былинах и в «Старшей Эдде» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И. М. Тронского). Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 507-512.
4. Топорова Т. В. Эпическое слово: обозначения воды в Старшей Эдде. Москва: Тезаурус, 2015. 310 с.
5. Bertelsen R. Vágar, mellomalderby og et urbant fiskevær i Lofoten // Manuskript til Nordland fylkesleksikon og Håøygminne. 2022. Доступ: <https://arkivinordland.no/fylkesleksikon/innhold/kommuner/vagan/vagar-mellomalderby-og-et-urbant-fiskevar-i-lofoten.54759.aspx>. (дата обращения: 17.10.2024).
6. Dronke U. Mythological Poems // The Poetic Edda. Oxford: Clarendon Press, 1997. Vol. II. 443 p.
7. Güntert H. Von der Sprache der Götter und Geister. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer, 1921. 185 S.
8. Holtsmark A. Norrøn mytologi: tro og myter i vikingtiden. Oslo: Det Norske Samlaget, 1970. 193 s.
9. Jónsson F. (udgiver). De gamle Eddadigte. København: G. E. C. Gads Forlag, 1932. Доступ: https://heimskringla.no/wiki/De_gamle_Eddadigte. (дата обращения: 17.10.2024).
10. Lind I. Norrøn mytologi fra A til Å. Oslo: Det Norske Samlaget, 2007. 264 s.
11. Løkka N. Steder og landskap i norrøn mytologi: En analyse av topografi og kosmologi i gudediktene av Den eldre Edda // Avhandling for phd-graden Det humanistiske fakultet Institutt for lingvistiske og nordiske studier Universitetet i Oslo. 2010. 288 s.
12. Næss E. M. Elivåger // Store norske leksikon. 2019. Доступ: <https://snl.no/Eliv%C3%A5ger>. (дата обращения: 17.10.2024).
13. Pettit E. The Poetic Edda: A Dual-Language Edition. Cambridge: Open Book Publishers, 2023. 873 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берков В. П. Новый большой русско-норвежский словарь. Москва: Живой язык, 2006. Доступ: <http://norsk.dicts.aulismedia.com>. (дата обращения: 17.10.2024).
2. Bokmålsordboka. Доступ: <https://ordbokene.no/nob>. (дата обращения: 17.10.2024).
3. Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. Доступ: <https://bosworthtoller.com>. (дата обращения: 17.10.2024).
4. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 17.10.2024).
5. Cleasby R., Vigfusson G. Old Norse dictionary. 1874. Доступ: <https://cleasby-vigfusson-dictionary.vercel.app>. (дата обращения: 17.10.2024).
6. Den Danske Ordbog. Доступ: <https://ordnet.dk/ddo>. (дата обращения: 17.10.2024).
7. Det Norske Akademis Ordbok. Доступ: <https://naob.no/>. (дата обращения: 17.10.2024).
8. Duden. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 17.10.2024).
9. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. 1922. Доступ: <https://runeberg.org/svetym>. (дата обращения: 17.10.2024).

10. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor völlig neu bearb. von Elmar Seebold. Berlin / New York: de Gruyter, 1989. 829 S.
11. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden / Boston: Brill, 2013. 794 p.
12. Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986. 713 p.
13. Middle English Dictionary // Middle English Compendium. Доступ: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary>. (дата обращения: 17.10.2024).
14. Norsk Ordbok. Доступ: <https://alfa.norsk-ordbok.no/?men=noob&mc0=vno&mc1=ah>. (дата обращения: 17.10.2024).
15. Nynorskordboka. Доступ: <https://ordbokene.no/nob/nn>. (дата обращения: 17.10.2024).
16. Oxford English Dictionary: Second Edition / CD-ROM. 1989.
17. Ordbog over det norrøne prosasprog. Доступ: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?>. (дата обращения: 17.10.2024).
18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: A. Francke AG Verlag, 1959. Band II. 773 S.
19. Svenska Akademiens ordlista. Доступ: <https://svenska.se>. (дата обращения: 17.10.2024).
20. Svensk ordbok. Доступ: <https://svenska.se>. (дата обращения: 17.10.2024).
21. Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch: zweite verbesserte Auflage. Leiden: E. J. Brill, 1977. 689 S.
22. Zoëga G. T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. 1910. Доступ: <https://old-icelandic.vercel.app>. (дата обращения: 17.10.2024).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы; перевод А. И. Корсун. Москва: Художественная литература, 1975. Т. 9. 769 с.
2. Jónsson G. (útgefandi). Eddukvæði: Sæmundar-Edda. 1954. Доступ: <https://heimskringla.no/wiki/Eddukv%C3%A6%C3%B0i>. (дата обращения: 17.10.2024).
3. Matthew / New Testament // King James Bible. Доступ: <https://thekingsbible.com>. (дата обращения: 17.10.2024).

REFERENCES

1. Steblin-Kamenskii, M. I. (2003). Drevneskandinavskaya literatura [Old Norse literature]. In *Trudy po filologii*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiiy fakultet SpbGU. Available at: <https://norroen.info/articles/steblink/literature>. (accessed: 17.10.2024). (In Russ.).
2. Steblin-Kamenskii, M. I. (1975). Starshaya Edda (primechaniya) [The Poetic Edda (notes)]. In *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungakh. Biblioteka vseirnnoy literatury*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. (In Russ.).
3. Toporova, T. V. (2011). Sopotavitelnyy analiz oboznacheniy zemli i neba v bylinakh i v «Starshey Edde» [A comparative study of the designations of earth and sky in the Elder Edda and Russian epic poems]. In *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XV (chteniya pamyati I. M. Tronskogo)*. Sankt-Peterburg: Nauka. Pp. 507-512. (In Russ.).
4. Toporova, T. V. (2015). Epicheskoe slovo: oboznacheniya vody v Starshey Edde. [Epic word: the designations of water in the Poetic Edda]. Moskva: Tezaurus. (In Russ.).
5. Bertelsen, R. (2022). Vágur, mellomalderby og et urbant fiskevær i Lofoten. In *Manuskript til Nordland fylkesleksikon og Håløygminne*. Available at: <https://arkivinordland.no/fylkesleksikon/innhold/kommuner/vagan/vagar-mellomalderby-og-et-urbant-fiskevar-i-lofoten.54759.aspx>. (accessed: 17.10.2024).

6. Dronke, U. (2022). *Mythological Poems*. In *The Poetic Edda*. Oxford: Clarendon Press. Vol. II.
7. Güntert, H. (1921). *Von der Sprache der Götter und Geister*. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer.
8. Holtsmark, A. (1970). *Norrøn mytologi: tro og myter i vikingtiden*. Oslo: Det Norske Samlaget.
9. Jónsson, F. (ed.). (1932). *De gamle Eddadigte*. København: G. E. C. Gads Forlag. Available at: https://heimskringla.no/wiki/De_gamle_Eddadigte. (accessed: 17.10.2024).
10. Lind, I. (2007). *Norrøn mytologi fra A til Å*. Oslo: Det Norske Samlaget.
11. Løkka, N. (2010). Steder og landskap i norrøn mytologi: En analyse av topografi og kosmologi i gudediktene av Den eldre Edda. In *Avhandling for phd-graden Det humanistiske fakultet Institutt for lingvistiske og nordiske studier Universitetet i Oslo*.
12. Næss, E.M. (2019). Elivåge. In *Store norske leksikon*. Available at: <https://snl.no/Eliv%C3%A5ger>. (accessed: 17.10.2024).
13. Pettit, E. (2023). *The Poetic Edda: A Dual-Language Edition*. Cambridge: Open Book Publishers.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Berkov, V.P. (2006). *Novyy bolshoy russko-norvezhskiy slovar* [New Big Russian-Norwegian Dictionary]. Moskva: Zhivoy yazyk. Available at: <http://norsk.dicts.aulismedia.com>. (accessed: 17.10.2024).
2. *Bokmålsordboka*. Available at: <https://ordbokene.no/nob>. (accessed: 17.10.2024).
3. Bosworth, J., Toller, T. N. *An Anglo-Saxon Dictionary*. Available at: <https://bosworthtoller.com>. (accessed: 17.10.2024).
4. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org>. (accessed: 17.10.2024).
5. Cleasby, R., Vigfusson, G. (1874). *Old Norse dictionary*. Available at: <https://cleasby-vigfusson-dictionary.vercel.app>. (accessed: 17.10.2024).
6. *Den Danske Ordbog*. Available at: <https://ordnet.dk/ddo>. (accessed: 17.10.2024).
7. *Det Norske Akademis Ordbok*. Available at: <https://naob.no>. (accessed: 17.10.2024).
8. *Duden*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 17.10.2024).
9. Hellquist, E. (1922). *Svensk etymologisk ordbok*. Available at: <https://runeberg.org/svetyt>. (accessed: 17.10.2024).
10. Kluge, F. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Unter Mithilfe von Max Bürgisser u. Bernd Gregor völlig neu bearb. von Elmar Seebold*. Berlin / New York: de Gruyter.
11. Kroonen, G. (2013). *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
12. Lehmann, W.P. (1986). *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: E. J. Brill.
13. *Middle English Dictionary. Middle English Compendium*. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary>. (accessed: 17.10.2024).
14. *Norsk Ordbok*. Available at: <https://alfa.norsk-ordbok.no/?men=noob&mc0=vno&mc1=ah>. (accessed: 17.10.2024).
15. *Nynorskordboka*. Available at: <https://ordbokene.no/nob/nn>. (accessed: 17.10.2024).
16. *Oxford English Dictionary: Second Edition*. (1989) / CD-ROM.
17. *Ordbog over det norrøne prosasprog*. Available at: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?>. (accessed: 17.10.2024).
18. Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: A. Francke AG Verlag. Vol. 2.
19. *Svenska Akademiens ordlista*. Available at: <https://svenska.se>. (accessed: 17.10.2024).
20. *Svensk ordbok*. Available at: <https://svenska.se>. (accessed: 17.10.2024).

21. Vries, J. de. (1977). *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*: zweite verbesserte Auflage. Leiden: E. J. Brill.
22. Zoëga, G.T. (1910). *A Concise Dictionary of Old Icelandic*. Available at: <https://old-icelandic.vercel.app>. (accessed: 17.10.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Starshaya Edda [The Poetic Edda]. In *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungakh. Biblioteka vsemirnoi literatury*; perevod A. I. Korsun. Moskva: Khudozhestvennaya literature, 1975. Vol. 9. (In Russ.).
2. Jónsson, G. (ed.). (1954). *Eddukvæði: Sæmundar-Edda*. Available at: <https://heimskringla.no/wiki/Eddukv%C3%A6%C3%B0i>. (accessed: 17.10.2024).
3. Matthew. New Testament. In *King James Bible*. Available at: <https://thekingsbible.com>. (accessed: 17.10.2024).

Казачкова Анна Дмитриевна – преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков (e-mail: anna.kazachkova99@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет» 119034, Москва, Остоженка, 38, стр. 1

Kazachkova Anna D. – Lecturer of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages (e-mail: anna.kazachkova99@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University» 38/1, Ostozhenka, Moscow, 119034

Аспирант кафедры германской и кельтской филологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Postgraduate Student of the Department of Germanic and Celtic Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 28 октября 2024 г.

УДК 811.113.6+81'255.2

© 2024 Е. М. Чекалина

РУССКИЙ СОЮЗ «ПОКА» И ЕГО ШВЕДСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

В статье проводится функционально-семантический анализ четырех аспектуальных типов сложноподчиненных предложений с союзом «пока» в русском языке и способов их перевода на шведский язык с использованием различных союзных средств. Материалом для исследования служат примеры из произведений русской художественной литературы и их переводы на шведский язык, включенные в Национальный корпус русского языка.

Ключевые слова: русский язык, шведский язык, гипотаксис, подчинительный союз, длительность, одновременность, предшествование, аспектуальная семантика, переводной эквивалент.

© 2024 E. M. Chekalina

THE RUSSIAN CONJUNCTION «POKA» AND ITS SWEDISH EQUIVALENTS

The article carries out a functional and semantic analysis of four aspectual types of compound sentences with 'poka' and their translations into Swedish by different conjunctive means. The material used for the research has been selected from the Russian fiction included in the National Corpus of the Russian Language as well as its translation into the Swedish language.

Key words: Russian, Swedish, hypotaxis, subordinate conjunction, duration, simultaneity, anteriority, aspectual semantics, translation equivalent.

Введение. О семантике подчинительного союза *пока* писали многие лингвисты, отмечая, что связь между главной и придаточной частями определяется его русской спецификой – сложным взаимодействием с видом и акциональными классами глаголов на основе выведения «смысла целого из смысла частей» [Падучева, 2014: 350]. Во всех его употреблениях выражается ограниченная длительность, которая проявляется в том, что ситуация главной части предложения ограничивается временным пределом осуществления ситуации придаточной части. А. Барентсен называл *пока* очень интересным представителем этого класса функциональных слов в русском языке, который употребляется для выражения различных таксисных отношений [Барентсен, 2007, 2011, 2014]. Н. В. Зорихина-Нильссон отмечала в его семантике и употреблении «единство противоположностей», позволяющее передавать как одновременность, так и различные виды предшествования [Зорихина-Нильссон, 2014: 100]. Отдельно выделялось также иллокутивное употребление этого союза [Iordanskaja, Mel'čuk, 2009: 233]. Наиболее значительным фактором, определяющим различные проявления многозначности союза *пока*, является аспектуальный характер предикатов в обеих частях сложноподчиненного предложения; важную роль играет также

присутствие или отсутствие отрицания в придаточной части. Роль вербального и ситуативного контекста для выявления семантической функции подчинительного союза *пока* особенно актуальна при переводе с русского на другие, прежде всего неславянские языки, в которых используются различные союзы; см., например, [Iordanskaja, Mel'čuk, 2009].

В предлагаемой статье проводится анализ различных способов передачи его функционально-семантического потенциала при переводе на шведский язык. Выделяются четыре группы, в зависимости от соотношения видовых форм предикатов главной и придаточной части; внутри каждой группы рассматриваются также особенности употребления придаточной части с отрицанием или без него. Материалом для исследования служат примеры из произведений русской художественной литературы и их переводы на шведский язык, включенные в Национальный корпус русского языка. Указания на источник оригинала и перевода приводятся в сносках в конце страницы.

1. НСВ в главной и придаточной части. В предложениях данного аспектуального типа представлено таксисное значение полной одновременности, при которой ситуация в главной части существует некоторое время одновременно с ситуацией придаточной части и прекращается одновременно с последней. Для передачи «ограниченной одновременности» в шведском языке чаще всего используется подчинительный союз *medan* «пока, в то время как»; при этом для указания на длительность процесса в придаточной части нередко употребляются лексические добавления:

– лексико-синтаксическая конструкция с глаголом положения в пространстве *sitta* «сидеть» и основным смысловым глаголом в качестве однородных членов с союзом *och* «и»:

По целым часам, пока било семь, восемь, девять, пока за окнами наступала осенняя ночь, я осматривал её старую перчатку или перо, которым она всегда писала. I timtal, medan klockan slog sju, åtta, nio, och medan höstnatten sänkte sig utanför fönstren, kunde jag sitta och betrakta (букв. «мог сидеть и рассматривать») någon gammal handske som var hennes eller pennan med vilken hon brukade skriva³;

– глагол положения в пространстве *ligga* «лежать» вместо связки *быть*:

Владимир был в упоении, вставал рано, пока озеро было тихим и светлым. Vladimir var hänförd, steg tidigt upp, medan sjön låg ljus och stilla⁴;

– словосочетание *hela tiden* «всё время» и частица *kvar* после глагола *stå* «стоять» (букв. «оставаться стоять»):

³ А. П. Чехов. Моя жизнь (1896) | Anton Tjechov. Mitt liv (Asta Wickman, 1960).

⁴ Татьяна Толстая. Охота на мамонта (1985) | Tatjana Tolstaja. Jakt på mammut (Annika Bäckström, 1990).

Пока Василий Петрович, Крылов и Колян закидывали поклажу в тамбур, пока волокли её, пока устраивали вещи, незнакомка стояла внизу. Medan Vasilij Petrovitj, Krylov och Koljan hivade upp packningen från perrongen, medan de släpade den längs den solstrimmiga korridoren, medan de stuvade undan alltihop i kupén, stod den okända *hela tiden kvar* nedanför⁵.

Как показывают приведенные примеры, придаточные с союзом *medan* содержат указание на внешние временные рамки протекания процесса, определяющие временную границу прекращения ситуации в главной части.

В других случаях в функции подчинительного союзного средства в шведском переводе используется адverbиальное словосочетание *så länge (som)* (букв. «так долго (как)»), в семантике которого содержится указание на ограничительную функцию прекращения ситуации главной части одновременно с прекращением ситуации в придаточном:

Теперь он спокоен, пока при нем говорят. Nu är han lugn så länge man talar omkring honom⁶.

В таких предложениях содержится указание на тесную смысловую связь причинно-следственного характера между главной и придаточной частями, при которой причина выражается в придаточной, а следствие в главной части. Об этом свидетельствует, в частности, выражение референтной связи между главной и придаточной частью личными местоимениями в анафорической функции.

Сохранение отрицания в переводе свидетельствует о том, что и в оригинале оно не обусловлено здесь ограничительной семантикой союза *пока* как средства выражения предшествования, а употребляется со значением одновременности:

И он мог обманывать себя, пока *ничего не* волновало его. Och så länge *ingenting* oroadе honom kunde han lura sig själv⁷;

Hu один человек *не* счастлив, пока он *не* считает себя счастливым. Ingen människa är lycklig så länge hon *inte* anser sig vara det⁸.

Как отмечала Н.В. Зорихина-Нильссон, в контекстах, выражающих «ограниченность жизни», в шведском языке в качестве эквивалента русского союза *пока* возможно употребление только этого союза [Зорихина-Нильссон, 2003: 168]:

Пока мы живы и пока мы его помним, он будет с нами (Маринина). Så länge vi lever och minns honom kommer han att vara med oss.

⁵ Ольга Славникова. 2017 (2006) | Olga Slavnikova. 2017 (Maxim Grigoriev, Mikael Nydahl, 2013).

⁶ Л. Н. Андреев. Красный смех (1904) | Leonid Andreev. Det röda skrattet (Helga Backhoff-Malmquist, 1957).

⁷ Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886) | Lev Tolstoj. Ivan Iljitjs död (Bengt Jangfeldt, 1974).

⁸ Михаил Шишкин. Письмовник (2010) | Michail Sjsjkin. Brevboken (Elin Parkman, 2013).

Иногда при переводе предложений с союзом *пока* может использоваться шведский союз недифференцированной временной семантики *när* «когда»:

Я ведь *тогда* на даче приходила к тебе в комнату, пока тебя не было. *Då, den där sommaren på landet, brukade jag gå in i ditt rum när du inte var hemma*⁹.

Представляется, что здесь это обусловлено переводом дейктического наречия *тогда* шведским эквивалентом *då* с уточняющим субстантивным словосочетанием «в то лето», к которому относится придаточное.

В том случае, когда придаточное с союзом *пока* является уточнением к обстоятельству, выражающему временной период неопределенной длительности именным словосочетанием в функции опорного слова, в переводе используется относительное придаточное с союзом *som*:

За всё время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. *På alla år (букв. «за все годы») som vi har känt varandra har jag inte haft en enda ledig dag*¹⁰.

2. СВ в главной / НСВ в придаточной части. При переводе предложений данного аспектуального типа, в главной части которых часто выражается изменение состояния, обычно используется союз *medan*:

Я заснул, пока мы шли. *Jag somnade medan vi gick*¹¹;

Пока Алехин рассказывал, дождь перестал, и выглянуло солнце. *Medan Aljochin berättade, hade regnet upphört, och solen tittade fram*¹².

В предложениях такого типа может содержаться указание на начало изменения состояния:

Пока я сидел в парке, стало темнеть. *Det började skymma medan jag satt där i parken*¹³;

И Лаптева, пока он сидел в гостиной и говорил с доктором о своей сестре, стало мучить одно подозрение. *Och medan Laptjev satt i salongen och talade med doktorn om sin syster, började han plågas av en misstanke*¹⁴.

Союз *så länge som*, имеющий ограничительную семантику, употребляется в контекстах, выражающих причинно-следственную связь между содержанием придаточной и главной части:

Никто не узнает, пока у меня есть запас морфия. *Ingen får reda på det så länge som jag*

⁹ Михаил Шишкин. Письмовник (2010) | Michail Sjisjkin. Brevboken (Elin Parkman, 2013).

¹⁰ М. Горький. Тоска (1896) | Maksim Gorkij. I mörkret (Carl Elof Svenning, 1946).

¹¹ Л. Н. Андреев. Красный смех (1904) | Leonid Andreev. Det röda skrattet (Helga Backhoff-Malmquist, 1957).

¹² А. П. Чехов. О любви (1898) | Anton Tjechov. Kärlek (Ellen Rydelius, 1920).

¹³ А. П. Чехов. Ариадна (1895) | Anton Tjechov. Ariadne (Staffan Dahl).

¹⁴ А. П. Чехов. Три года (1895) | Anton Tjechov. Tre år (Ellen Ryddelius, 1949).

har mitt morfinförråd¹⁵.

3. НСВ в главной части / СВ в придаточной части. В большинстве предложений данного аспектуального типа союз *пока* употребляется с отрицанием в придаточной части, которое не сохраняется при переводе. Процесс, выраженный в главной части, происходит до тех пор, пока длится «состояние ненаступления события» в придаточной части, выражающей условие его прекращения, и прекращается с его наступлением [Падучева, 2014: 342]. Чаще всего при переводе на шведский язык в таких случаях используются предложения с ограничительным союзом предшествования *tills* «до тех пор пока», образованным в результате стяжения словосочетания *till dess att* (букв. «до того, что»). В главной части используются преимущественно неопределённые глаголы, в том числе глаголы положения в пространстве, что является в шведском языке релевантным признаком таких предложений [SAG, 1999: 597-598; Жильцова, 2006: 48]. При этом в контексте оригинала и перевода содержится указание на внутреннюю связь содержания главной и придаточной части при одном и том же референте подлежащего:

Еще час все трое сладострастно спорили, пока, наконец, не утомили друг друга окончательно. I ytterligare en timme grälade de vällustigt med varandra tills de slutligen hade tröttnat ut varandra alldeles¹⁶.

Я ехал, не видя пути, я ехал, не оборачиваясь, пока не встретил Воробьева. Jag red, utan att veta vart, jag red utan att vända mig om tills jag mötte Vorobjov¹⁷;

Я стоял над могилой до поры, пока снег не покрыл её. Jag stod vid graven tills den blivit täckt med snö;

Он кричал, пока не выбился из сил. Han skrek tills krafterna svek honom¹⁸;

Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою. Jag fogar mig och kommer att foga mig tills mitt liv tar slut av sig självt¹⁹.

Если в главной части содержится указание на длительность и интенсивность процесса, в переводе может использоваться уточнение *ända* «до тех пор»:

И каждый вечер буду приходить на телеграф и провожать вас домой, буду *десять – двадцать лет, пока* вы не прогоните. Och jag ska vänta på er varenda kväll utanför telegrafan

¹⁵ Михаил Булгаков. Морфий (1927) | Michail Bulgakov. Morfin (Lars Erik Blomqvist, 1984).

¹⁶ Марина Степнова. Женщины Лазаря (2011) | Marina Stepnova. Lasarus kvinnor (Johanna Lindblad, 2013).

¹⁷ Исаак Бабель. Конармия (1926) | Isaak Babel. Rytterarmén (Staffan Dahl, 2014).

¹⁸ В. Г. Гаршин. Красный цветок (1883) | Vsevolod Garsjin. Den röda blomman (Robert Leijon, 2017).

¹⁹ А. П. Чехов. Дядя Ваня (1896) | Anton Tjechov. Morbror Vanja (Lars Kleberg, 2004).

och följa er hem, jag ska fortsätta i tio-tjugo år, ända tills ni kör bort mig²⁰;

Егор глядит на них и провожает их глазами *do tex por, пока* они, превратившись в три едва видные точки, *не* опускаются далеко за лесом. Jegor ser efter dem och följer dem med ögonen *ända tills* de likt tre knappt skönjbara punkter sänker sig långt bort bakom skogen²¹.

В предложениях без отрицания подчеркивается актуальность результата действия в придаточной части:

Я хорошо знаю дорогу, но уже на лестнице начинаю жечь спички и жгу их, пока найду свечу. Jag vet hur man skall gå, men redan i trappan börjar jag tända tändstickor och fortsätter med det tills jag har fått tag på ett ljus²².

В тех случаях, когда внутренняя связь между событиями главной и придаточной части отсутствует, а референты подлежащего в них различны, в переводе используется союз с семантикой предшествования *innan* «прежде чем», не имеющий ограничительной функции; о его употреблении см. подробнее [Чекалина, 2023]. В предложениях с союзом *innan* выражается только время осуществления одного события относительно другого [Жильцова, 2006: 48]. В таких случаях в придаточном содержится указание на внешнюю границу или обстоятельство, вызывающее прекращение ситуации в главной части:

Я умолял его не показываться до тех пор, пока гость не уйдет. Jag tiggde honom att inte visa sig innan min gäst gått²³;

Потом долго укладывала свои вещи, пока не рассвело. Sedan höll hon länge på att packa sina saker innan det redan ljusnade²⁴.

При отрицании в главной части в соответствии с нормами шведского синтаксиса в переводе требуется союз предшествования *förrän* «прежде чем» (букв. «раньше чем»):

Я знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь. Jag vet att ni inte kommer att få en lugn stund förrän ni betalat igen den²⁵;

Мама вас просит: пока она не уехала, чтоб не рубили сада. Mamma ber er att inte börja hugga i trädgården förrän hon har rest²⁶;

Спектаклей не начинали раньше, пока она не появлялась в первом ряду. Föreställningarna tog aldrig sin början förrän hon hade uppenbarat sig på första bänken i salongen²⁷.

²⁰ А. П. Чехов. Три сестры (1900) | Anton Tjechov. Tre systrar (Lars Kleberg, 2004).

²¹ А. П. Чехов. Егерь (1885) | Anton Tjechov. Jägarn (Asta Wickman, 1953).

²² Л. Н. Андреев. Красный смех (1904) | Leonid Andreev. Det röda skrattet (Helga Backhoff-Malmquist, 1957).

²³ Исаак Бабель. В подвале (1926) | Isaak Babel. Källarvåningen (Ester Riwkin, Josef Riwkin, 1960).

²⁴ А. П. Чехов. Три года (1895) | Anton Tjechov. Tre år (Ellen Ryddelius, 1949).

²⁵ А. С. Пушкин. Пиковая дама (1833) | Aleksandr Pusjkin. Spader dam (Manja Benkow, 1948).

²⁶ А. П. Чехов. Вишневый сад (1904) | Anton Tjechov. Körsbärsträdgården (Lars Kleberg, 2004).

²⁷ А. П. Чехов. Моя жизнь (1896) | Anton Tjechov. Mitt liv (Asta Wickman, 1960).

В тех случаях, когда предикатом главной части выражается ожидание, в шведском переводе иногда используются придаточные изъяснительные с союзом *att* и грамматически обязательным предикатом со значением будущего в прошедшем, выраженным аналитической конструкцией *skulle* + инфинитив:

Аксинья сидела за дверью в ожидании, пока кончится банная операция. *Aksinja satt utanför dörren och väntade på att badoperationen skulle ta slut*²⁸;

Остаться тут и спокойно ждать, пока увидят. *Att stanna kvar och helt lugnt avvakta att de skulle få syn på en*²⁹.

Выбор стратегии перевода на шведский язык в приведенных примерах подтверждает наблюдение Н. В. Зорихиной-Нильссон о том, что в таких предложениях с союзом *пока* таксисное значение одновременности несколько стирается, и придаточное становится ближе к дополнительному [Зорихина-Нильссон, 2002б: 252].

4. СВ в обеих частях СПП. В большинстве предложений данного аспектуального типа союз *пока* также употребляется с отрицанием. Как отмечала Н. В. Зорихина-Нильссон, особенностью таких предложений является то, что значения одновременности и предшествования в них выражены синкретично и строго не разграничены [Зорихина-Нильссон, 2002а: 88]. В переводе на шведский язык здесь наблюдается наибольшее разнообразие и используются все подчинительные союзы, встретившиеся выше. Значительную группу переводов составляют предложения с союзом предшествования *innan*:

Они двое суток там просидели, пока их не нашли. *Där satt de sedan i två dygn innan någon hittade dem*³⁰.

Выбор союза *innan* при переводе предложений данного аспектуального типа встречается, в частности, в побудительных высказываниях различной синтаксической структуры:

А его вы разбудите, пока не разоспался. *Men honom måste ni väcka innan han somnat in för tungt*³¹;

Пойдемте, пока там не началось. *Låt oss gå in innan det börjar*³²;

²⁸ Михаил Булгаков. Вьюга (1926) | Michail Bulgakov. Snöstorm (Lars Erik Blomqvist, 1984).

²⁹ Евгений Замятин. Мы (1920) | Jevgenij Zamjatin. Vi (Sven Vallmark, 1959).

³⁰ Михаил Шишкин. Письмовник (2010) | Michail Sjisjkin. Brevboken (Elin Parkman, 2013).

³¹ Л. Н. Андреев. Красный смех (1904) | Leonid Andreev. Det röda skrattet (Helga Backhoff-Malmquist, 1957).

³² Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886) | Lev Tolstoj. Ivan Iljitjs död (Bengt Jangfeldt, 1974).

Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошел с букетом, позвольте мне... целовать вас... När ingen är här, innan morbror Vanja kommer med sin bukett, låt mig få... kyssa er...³³

Показательно, что в этом примере придаточное предложение с союзом *пока* в инициальной позиции темы и предикатом в форме НСВ, выражающее одновременность с ситуацией в главной части, переводится на шведский язык союзом недифференцированной семантики *när*.

При переводе предложений с отрицанием в главной части СПП в соответствии с нормами шведского синтаксиса используется союз *förrän* «прежде чем» [SAG, 1999: 596]:

Я не уеду, пока ты не возвратишь того, что взял у меня. Jag åker inte förrän du ger tillbaka det du har tagit av mig³⁴.

При выражении полной одновременности прекращения ситуаций главной и придаточной части, связанных отношением причины и следствия, в переводе встретилось употребление союза с выраженной ограничительной семантикой *så länge*:

До тех пор, пока не скажешь, не сделаю! Så länge du inte säger det gör jag det inte!³⁵

Иногда при переводе предложений данного аспектуального типа используется ограничительный союз *tills*:

Пошел на кухню и проплакал там, пока мама не встала. Jag gick ut i köket och stod där och grät (букв. «стоял и плакал») tills mamma vaknade³⁶.

Для передачи акциональной семантики русского приставочного глагола СВ со значением ограниченно-непрерывной длительности в шведском переводе используется лексико-синтаксическая конструкция с двумя неопределёнными глаголами – *stå* «стоять» и *gråta* «плакать», что принципиально меняет аспектуальный тип высказывания.

При уточнении длительности и интенсивности предшествующего процесса в главной части перед союзом *tills* может употребляться усилительное наречие *ända* «до тех пор»:

Цудечкис <...> стал повторять про дули и калачи до тех пор, пока мальчик не заснул и пока солнце не дошло до середины блистающего неба. Tsudetjkis <...> började ta om det där med päronen och kringlorna, ända tills den lille hade somnat, och solen nått mitt på den skimrande himlen³⁷;

Ему поневоле придется остаться во Франкфурте, пока не придет ответ от одного

³³ А. П. Чехов. Дядя Ваня (1896) | Anton Tjechov. Morbror Vanja (Lars Kleberg, 2004).

³⁴ А. П. Чехов. Дядя Ваня (1896) | Anton Tjechov. Morbror Vanja (Lars Kleberg, 2004).

³⁵ Н. В. Гоголь. Мёртвые души. Том 1 (1842) | Nikolaj Gogol. Döda själar (Staffan Skott, 2014).

³⁶ Михаил Шишкин. Письмовник (2010) | Michail Sjsjkin. Brevboken (Elin Parkman, 2013).

³⁷ Михаил Булгаков. Морфий (1927) | Michail Bulgakov. Morfin (Lars Erik Blomqvist, 1984).

берлинского приятеля. Han ändå var tvungen att stanna i Frankfurt ända tills han fick svar från en vän i Berlin³⁸.

В переводе на шведский язык предложений данного аспектуального типа с придаточными без отрицания в главной части могут использоваться предикаты с неопределёнными глаголами, часто с указанием на временной интервал ограниченной длительности:

Он осторожно поднял ее и положил на постель и просидел возле нее *минут десять*, пока она *очнулась*. Försiktigt lyfte han upp henne och lade henne på sängen, sedan *satt* han bredvid henne *i tio minuter* tills hon hade vaknat ur svimningen³⁹.

В данном случае это обусловлено переводом русского приставочного глагола *просидеть* с семантикой непрерывно-ограниченной длительности шведским неопределённым глаголом *sitta* «сидеть», а также указанием на временной интервал.

Благоприятным контекстом предложений такого типа являются предикаты с семантикой ожидания в главной части:

Он *остановился в ожидании*, пока я оденусь. Han stod och väntade medan jag tog på mig (букв. «Он стоял и ждал, пока я оделся / одевался»)⁴⁰;

Я *еле дождался*, пока написал он мне удостоверение о болезни на сегодня и на завтра. Det var nätt och jämnt att jag förmådde ge mig till tåls medan han skrev ut ett sjukintyg för denna och följande dag (букв. «Еле-еле я смог набраться терпения, пока он выписал / выписывал удостоверение о болезни на этот и следующий день»)⁴¹;

Дайте обогреться, – говорит он с таким выражением, что как будто только надо *немножко подождать*, пока он обогрется. Jag ska bara värma mig lite, säger han med ett uttryck som om det bara gällde att vänta medan han värmde sig⁴².

Н. В. Зорихина-Нильссон отмечала «своеобразный оттенок результативной ориентированности» в значении придаточных с союзом *пока* и их перевода союзом *medan* после сказуемого главной части с семантикой ожидания [Зорихина-Нильссон, 2002б: 252].

Заключение. Анализ материала показал, что при передаче всего многообразия русских предложений с союзом *пока* в шведском языке используются различные союзные средства, в зависимости от выражения одновременности или предшествования. Внутри каждого

³⁸ И. С. Тургенев. Вешние воды (1872) | Ivan Turgenjev. Vårflöden (Alfred Jensen, 1921).

³⁹ А. П. Чехов. Три года (1895) | Anton Tjechov. Tre år (Ellen Ryddelius, 1949).

⁴⁰ А. П. Чехов. Рассказ неизвестного человека (1893) | Anton Tjechov. En okänd människas berättelse (Staffan Dahl, 1981).

⁴¹ Евгений Замятин. Мы (1920) | Jevgenij Zamjatin. Vi (Sven Vallmark, 1959).

⁴² Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886) | Lev Tolstoj. Ivan Ijits död (Bengt Jangfeldt, 1974).

функционально-семантического типа в переводах на шведский язык наблюдается вариативность союзных средств, обусловленная наличием внутренней связи между событиями главной и придаточной части: *så länge (som)* при выражении одновременности / *(ända) tills* при выражении предшествования – или её отсутствием: *medan* при выражении одновременности / *innan* при выражении предшествования. Таким образом, результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о системных различиях в видо-временной структуре сложноподчиненных предложений с семантикой ограниченной длительности. В то время как в русском языке она определяется категорией вида, в шведском языке определяющую роль играет категория таксиса, предполагающая вариативность союзных средств, выражающих не только одновременность или предшествование, но и смысловой характер связи между событиями главной и придаточной части. При этом только в контекстах с внутренней причинно-следственной связью между ними в шведском языке используются подчинительные союзы с ограничительной семантикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный вид, СПП – сложноподчиненное предложение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барентсен А. Об ограничительных временных союзах в сербском, русском и польском языках // Сборник Матице српске за славистику 71-72. Нови Сад, 2007. С. 237-253.
2. Барентсен А. О сходствах и различиях в употреблении ограничительных союзов в современных славянских языках // Граматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународног симпозијума. Нови Сад, 2011. С. 33-54.
3. Барентсен А. Проблемы описания союза *пока* // Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic languages: Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists. Editors: Motoki Nomachi, Andrii Danylenko, Predrag Piper. Die Welt der Slaven. Sammelbände – Sborniki, 55. München-Berlin-Washington/D. 2014. С. 377-410.
4. Жильцова Е. Л. Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. Москва: Издательство Московского университета, 2006. 104 с.
5. Зорихина-Нильссон Н. В. Семантика высказываний с союзом *пока* и признаки длительности и контролируемости ситуации // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Санкт-Петербург, 2001. С. 76-78.
6. Зорихина-Нильссон Н. В. Еще раз о семантике высказываний с союзом «пока» // Scando-Slavica. 2002a. No 48. С. 81-102.
7. Зорихина-Нильссон Н. В. Шведский союз *medan* и его русские эквиваленты // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, 28. Stockholm, 2002b. С. 247-259.
8. Зорихина-Нильссон Н. В. Выражение отношения одновременности действий в русском и шведском языках (сопоставительный анализ союзов на основе параллельных корпусов) // Swedish contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15-21 August 2003. Lund, 2003. P. 157-179.
9. Падучева Е. В. Эксплицитное отрицание и семантика союза *пока* // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. Санкт-Петербург:

Алетейя, 2014. С. 339-350.

10. Чекалина Е. М. Парадоксы ‘до’ и ‘после’ – структура и семантика сложноподчиненных предложений с союзами предшествования и следования в современном шведском языке и их перевод на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 120-128.

11. Iordanskaja L., Mel’čuk I. Semantics of the Russian Conjunction ПОКА ‘while, before, until’. Berger, Tilman et al. (Hrsg.). Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. Wien, 2009. P. 237-262.

12. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ., 1999. 981 p. [SAG].

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (шведский). Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=swe>. (дата обращения: 21.09.2024).

REFERENCES

1. Barentsen, A. (2007). Ob ogranichitelnykh vremennykh soyuzakh v serbskom, russkom i polskom yazykakh [On Restricting Time Conjunctions in Serbian, Russian and Polish]. In *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*, 71-72. Novi Sad. Pp. 237-253. (In Russ.)

2. Barentsen, A. (2011). O skhodstvakh i razlichiyakh v upotreblenii ogranichitelnykh soyuzov v sovremennykh slavyanskikh yazykakh [On Similarities and Distinctions in the Use of Restricting Conjunctions in Modern Slavic Languages]. In *Grammatika i lexika u slovenskim jezitsima. Zbornik radova s mezdunarodnogo simpozijuma*. Novi Sad. Pp. 33-54. (In Russ.)

3. Barentsen, A. (2014). Problemy opisaniya soyuza ‘poka’ [The problems of describing the conjunction ‘poka’]. In *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic languages: Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists*. Editors: Motoki Nomachi, Andrii Danylenko, Predrag Piper. Die Welt der Slaven. Sammelbände – Sborniki, 55. München-Berlin-Washington/D.C. Pp. 377-410. (In Russ.)

4. Zhiltsova, E. L. (2006). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v sovremennom shvedskom yazyke* [Subordinate clauses in modern Swedish]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)

5. Zorikhina-Nilsson, N. V. (2001). Semantika vyskazyvaniy s soyuzom ‘poka’ i priznaki dlitelnosti i kontroliruyemosti situatsii [The semantics of utterances with the conjunction ‘poka’ and the properties of durativeness and controllability of the situation]. In *Teoreticheskie problemy funktsionalnoy grammatiki*. Sankt-Peterburg. Pp. 76-78. (In Russ.)

6. Zorikhina-Nilsson, N. V. (2002a). Yesche raz o semantike vyskazyvaniy s soyuzom ‘poka’ [Once again on the semantics of utterances with the conjunction ‘poka’]. In *Scando-Slavica*. No 48. Pp. 81-102. (In Russ.)

7. Zorikhina-Nilsson, N. V. (2002b). Shvedskiy soyuz *medan* i yego russkiye ekvivalenty [The Swedish conjunction *medan* and its Russian equivalents]. In *Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson*. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, 28. Stockholm. Pp. 247-259. (In Russ.)

8. Zorikhina-Nilsson, N. V. (2003). Vyrazheniye otnosheniya odnovremennosti deystviy v russkom i shvedskom yazykakh (sopostavitelnyy analiz soyuzov na osnove parallelnykh korpusov) [Expression of Simultaneity of Action in Russian and Swedish (comparative analysis of conjunctions on the basis of parallel corpora)]. In *Swedish contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Ljubljana, 15-21 August 2003. Lund. Pp. 157-179. (In Russ.)

9. Paducheva, E. V. (2014). Eksplitsitnoe otritsanie i semantika soyuza ‘poka’ [Explicit

negation and the semantics of the conjunction 'poka']. In *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Alexandra Yevgenevicha Kibrika*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. Pp. 339-350. (In Russ.)

10. Chekalina, E. M. (2023). Paradoksy 'do' i 'posle' – struktura i semantika slozhnopodchinennykh predlozheniy s soyuzami predshestvovaniya i sledovaniya v sovremennom shvedskom yazyke i ikh perevod na russkiy yazyk [The paradoxes of 'before' and 'after' – the structure and semantics of complex sentences with subordinate conjunctions of anteriority and posteriority in modern Swedish and their translation into Russian]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Iss. 4 (872). Pp. 120-128. (In Russ.)

11. Iordanskaja, L., Mel'čuk, I. (2009). *Semantics of the Russian Conjunction POKA 'while, before, until'*. Berger, Tilman et al. (Hrsg.). Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. Wien. Pp. 237–262.

12. Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). *Svenska Akademiens grammatik*. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. Parallelnyy korpus (shvedskiy) [The National Corpus of the Russian Language. The parallel korpus (Swedish)]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=swe>. (assecced: 21.09.2024).

Чекалина Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и кельтской филологии (e-mail: etch1@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1/51

Chekalina Elena M. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology (e-mail: etch1@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1/51, Leninskie Gory, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 22 октября 2024 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 316.774; 81'272

© 2024 Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко, Г. Г. Слышкин

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ: ОТРАЖЕНИЕ В МЕДИА

В настоящем исследовании осуществлен анализ способов презентации государственной языковой и культурной политики в современных украинских СМИ, рассмотрены механизмы политизации украинского и русского языков в украинском медиадискурсе. Отмечаются противоречия между международными нормативно-правовыми актами, принятыми Украиной, и ее национальным законодательством в части языковой и культурной политики. На конкретном лингвоюридическом материале иллюстрируется и обосновывается дискриминативный характер языковой политики Украины по отношению к носителям русского языка. Эмпирической базой исследования стали тексты 150 публикаций украинских медиа за период 2022-2023 гг., отражающих положение русского языка на Украине. В ходе исследования использовались критический анализ медиадискурса и коммуникативный анализ стратегий и тактик дискурса. По результатам исследования продемонстрирована системность дискриминационной политики Украины в отношении русского языка и русской культуры, заключающаяся во взаимоинтеграции закрепления деструктивных ценностей в нормативно-правовых текстах и стратегий оправдания/обоснования этой деструктивности в медиадискурсе.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, социолингвистика, языковая политика, языковая дискриминация, языковое законодательство, медиадискурс.

© 2024 N. Yu. Bessonov, E. V. Gordienko, G. G. Slyshkin

LANGUAGE POLICY OF UKRAINE: MEDIA ASPECT

This study analyzes the ways of presenting state language and cultural policies in modern Ukrainian media, and examines the mechanisms of politicization of the Ukrainian and Russian languages in Ukrainian media discourse. There are contradictions between international legal acts adopted by Ukraine and its national legislation regarding language and cultural policy. The discriminatory nature of the language policy of Ukraine in relation to native speakers of the Russian language is illustrated and justified using specific linguistic and legal material. The empirical basis of the study is the texts of 150 publications in Ukrainian media from 2022 through 2023, reflecting the situation of the Russian language in Ukraine. The study employs critical media discourse analysis and communicative analysis of discourse strategies and tactics. Based on the results of the study, the systematic nature of Ukraine's discriminatory policy towards the Russian language and Russian culture is demonstrated, consisting in the mutual integration of the consolidation of destructive values in legal texts and strategies for justifying this destructiveness in media discourse.

Key words: linguistic security, sociolinguistics, language policy, language discrimination, language legislation, discourse of media.

Введение. В аспекте функционирования государства языковая политика играет одну из ключевых ролей. На территории современной Украины языковой вопрос, по сути,

является камнем преткновения, что часто становилось объектом исследования лингвистов [Костенко, 2020; Маркова, 2020; Плотников, 2023]. Это касается языковых взаимоотношений, двуязычия и, кроме того, языка как инструмента в борьбе против так называемого врага. Неудивительно, что экстралингвистические факторы становятся катализатором формирования и ужесточения языковой политики на Украине в контексте нынешних российско-украинских отношений. Данный тезис основывается на двух факторах: 1) дискриминационные украинские нормативно-правовые акты по отношению не только к русскому языку, но и общему для постсоветских республик историческому наследию; 2) очернение России и всего русского в украинских СМИ. В данном исследовании более подробно и доказательно рассматривается второй фактор.

В качестве рычага внедрения, а в данном случае – подготовки, политики дискриминации русского языка уже более трёх десятилетий (с момента обретения Украиной независимости) в украиноязычном дискурсе подогревался тезис об угрозе на Украине со стороны русскоязычной литературной, телевизионной, кинематографической, музыкальной продукции. Проводилась затяжная агрессивная медийная кампания по противопоставлению всего русского всему украинскому, пропагандировался образ России как угнетателя и грабителя. Этот процесс протекал по аналогии с методами, присущими западным партнерам Украины [Byessonova, Gordienko, 2021]. Как показало время, такого рода информационная обработка служила подспорьем для дальнейших политических шагов местных властей и со временем облегчала для них продвижение дискриминационных по отношению к русскому языку законов на территории Украины.

Методы исследования. Исследование продолжает серию работ, посвященных различным аспектам лингвобезопасности, в частности, в русле научно-исследовательских проектов по изучению противодействия нацизму и экстремизму [Кузьминская, 2023; Слышкин, Бессонов, Гордиенко, 2023; Слышкин, Бессонов, Гордиенко, 2024], а также на изучение противодействия русофобии, фальсификации исторической памяти и реабилитации нацизма [Бессонов, Гордиенко, Слышкин, 2024; Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580], реализуемых в рамках деятельности научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

Представляется необходимым уточнить терминологию, используемую в данном исследовании. Под государственной языковой политикой понимаются «практические меры государства, касающиеся статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных

сферах, регламентации применения «“местных” языков» [Беликов, Крысин, 2001: 263]. По мнению В. И. Беликова и Л. П. Крысина, основным инструментом языковой политики должны выступать законы о языке.

Хотелось бы уточнить, что несмотря на распад СССР и приобретение Украиной формального статуса государства, создать собственную лингвокультуру и идентичность она не смогла. Эта идентичность конструировалась искусственно путем враждебного противопоставления русской культуре в целом и языку в частности. Показательным в этом смысле является название книги второго президента Украины Леонида Кучмы «Украина – не Россия» [Кучма, 2003].

Помимо прочего, поддержка и продвижение украинского языка на территории нынешней Украины начались до момента 1991 г. Так, первый в истории Украины закон, который придал украинскому языку статус государственного языка, был принят 28 октября 1989 г. – это Закон Украинской ССР «О языках в Украинской ССР», в котором украинскому языку обеспечивается статус государственного «в целях содействия всестороннему развитию духовных творческих сил украинского народа, гарантирования его суверенной национально-государственной будущности» [Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки «Про мови в Українській РСР», 1989], русский язык в документе определяется как язык межнационального общения народов СССР. Примечательно, что русский язык был признан государственным языком СССР только в 1990 г. Законом СССР «О языках народов СССР», что послужило неким ответом на принятие в период с 1987 по 1989 гг. всеми союзными республиками, кроме РСФСР, законов, подобным вышеупомянутому Закону УССР (напр., законы «О языках Латвийской ССР», «О языках в Казахской ССР» 1989 г. и др.).

На данный момент, основные направления государственной языковой политики Украины отражены в Конституции Украины, принятой в 1996 г. Статья 10 устанавливает статус украинского языка как государственного языка Украины [Конституція України, 1996]. Согласно официальному толкованию Конституционного суда, это означает, что украинский язык является обязательным средством общения на всей территории Украины и в то же время гарантирует свободное развитие языков национальных меньшинств [Рішення Конституційного Суду України від 14.12.1999 №10-рп/99, 1999]. Это полностью согласуется с государствообразующей ролью украинской нации, которая является автохтоном в стране и дала официальное название государству.

Следует отметить, что определение термина «государственный язык» отсутствует в Конституции Украины. Этот термин дается в «Комментарии к Конституции Украины»:

государственный язык называют основным языком государства, признанным Конституцией или законом, обязательным для использования в законодательстве, служебной деятельности, судопроизводстве, образовании и т. д. [Коментар до ст. 10 Конституції України]. Использование языков на Украине также регулируется международно-правовыми актами (например, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, Конвенция ООН «О борьбе с дискриминацией в сфере образования» (ст. 5, ч. с-ii)). Так, согласно Приложению 2 Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, на Украине признаны и существуют такие региональные языки и языки меньшинств, на которые распространяется действие данной Хартии: белорусский; болгарский; крымско-татарский; гагаузский; немецкий; греческий; венгерский; караимский; крымчатский; молдавский; польский; романи-цыганский; румынский; русский; русинский; словацкий; идиш [Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, 1992]. При этом, 16 июля 2023 г. вступил в силу закон «Об обеспечении функционировании украинского языка как государственного», ограничивающий использование русского языка по сути во всех сферах жизни общества [Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної», 2019].

Г. Г. Слышкин утверждает, что основным инструментом осуществления языковой политики остается регламентация коммуникативного процесса в нормативных актах различного уровня, а также правоприменительная практика, связанная с санкциями за нарушение данных норм [Слышкин, 2018]. Кроме того, на наш взгляд, полная картина языковой ситуации открывается при обращении к реальным ситуациям, отраженным в средствах массовой информации.

В фокусе настоящего исследования находятся сферы, в которых языковая политика украинского государства находит свое отражение. Материалом исследования послужили более 150 публикаций украинских медиа, опубликованные в 2022-2023 гг., и отражающие актуальное положение русского языка на Украине. В ходе исследования использовались критический дискурс-анализ медиадискурса, коммуникативный анализ стратегий и тактик дискурса, при систематизации результатов использовался общенаучный описательный метод.

Результаты исследования. Предлагаем рассмотреть несколько примеров, которые иллюстрируют характер тенденций по отношению к функционированию русского языка на Украине.

Для начала можно проиллюстрировать некий парадокс о соотношении употребления русского и украинского языков на территории Украины. Например, из публикации *Исключительно на русском общаются дома только 9% украинцев, на украинском –*

почти 60% [Виключно російською спілкуються вдома лише 9% українців, українською – майже 60%] от 23.08.2023 нас пытаются убедить в том, что на русском языке в бытовом контексте общается совершенно незначительное количество украинцев. Однако, несмотря на это стабильно увеличивается количество привлекаемых к ответственности людей за использование русского языка [Зростає кількість звернень щодо порушення мовного закону]. Помимо прочего, активно внедряются бесплатные курсы украинского языка для людей-представителей различных сфер, в том числе и для военнослужащих ВСУ [В Україні започаткували мовні курси для військових]. Казалось бы, для чего народ обучать языку, который якобы 82% населения считает родным [Виключно російською спілкуються вдома лише 9% українців, українською – майже 60%]?

Подтверждением приведенного тезиса является и следующая новость от 02.05.2023: ***Когда украинцы прекратят гуглить на русском? Как отказаться от языка врага онлайн?*** [Коли українці припинять гуглити російською? Як відмовитися від мови ворога онлайн]. Опять-таки, несмотря на то, что по официальной статистике 28% населения Украины считают украинский родным языком, в украинском интернет-пространстве процент использования русского языка вдвое превышает применение украинского. И это учитывая тот факт, что большинство украинских интернет-ресурсов отказались от своих русскоязычных версий.

Так, в публикации ***Языковой омбудсмен выступил за устранение препятствий для использования украинского языка в сфере промышленного производства*** [Мовний омбудсман виступив за усунення перешкод для застосування української мови у сфері промислового виробництва] от 30.08.2023 речь идет об очередной проверке одного из предприятий промышленности (государственного предприятия «Антонов») на предмет использования русского языка. В ходе проверки языковой омбудсмен выявил на предприятии целый ряд проблем, ведущих к дальнейшему использованию языка «государства-агрессора» при ведении технической и проектной документации, а также препятствующих применению украинского языка в области авиастроения. Примечательным является сам факт самого существования такой должности, как языковой омбудсмен, которого на Украине называют «уполномоченным по защите государственного языка». Так, в законе «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної», 2019] указано, что языковой омбудсмен должен подавать в правительство предложения по улучшению государственной политики по защите и развитию украинского языка, контролировать соблюдение законодательства о

государственном языке, рассматривать жалобы на действия власти по соблюдению законов о языках и составлять протоколы о нарушениях. Существование и деятельность подобного должностного лица определенно вызывает вопросы. Так, Статьей 101 Конституции Украины установлено, что парламентский контроль за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина осуществляет Уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека [Конституція України, 1996]. Статьей 10 Конституции Украины установлено:

– Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины.

– На Украине *гарантируется* свободное *развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины* [Конституція України, 1996].

То есть, согласно Конституции Украины, украинский язык *не требует защиты*, а наоборот *русский и другие языки национальных меньшинств* должны иметь *защиту*, как это *прямо* требует статья 10 Конституции Украины, то есть именно они должны иметь «*мовных омбудсменов*», а не украинский язык). При этом не стоит забывать, что законы принимаются на основе и должны соответствовать Конституции Украины, которая предусматривает *только* Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Соответственно, ни о каком «уполномоченном по защите государственного языка» не может идти речи в соответствии с нормами правоприменения, поскольку статус данного должностного лица определяется Законом Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который является нормативно-правовым актом более низкого порядка по сравнению с Конституцией.

Целесообразным находим привести «объяснение» расхождению между Статьей 10 Конституции Украины, в которой выделено место русского языка (см. выше), и проводимой на данный момент политикой в отношении русского. При этом мы обращаемся к статье от 30.01.2023 ***Потребности выделения русского среди других языков нацменьшинств в Конституции нет*** [Потреби виділення російської з-поміж інших мов нацменшин у Конституції немає] высказыванию некоего Владимира Вятровича, Директора института национальной памяти, который утверждает, что появление отдельно выделенного русского языка в 10 Статье Конституции, очевидно, было «данью политической ситуации 1996 года» [Потреби виділення російської з-поміж інших мов нацменшин у Конституції немає], когда она принималась. Вятрович констатирует, что тогда для значительной части политиков русскоязычность была инструментом мобилизации избирателей, поэтому они публично отстаивали этот тезис.

Тем самым Вятрович ставит под сомнение верховенство Конституции.

Тем не менее, не стоит забывать, что украинские власти охотно идут на уступки населению, говорящему на румынском и венгерском языках, под давлением властей Румынии и Венгрии [см., например, На Закарпатті виявили школи, де викладають угорською всупереч законодавству України; Румунія подякувала Україні за відмову від «молдовської мови», бо це винахід РФ; Як Україна повертає навчання угорською заради вступу в ЄС і що буде з російською мовою].

Подобные уступки конечно же не распространяются на огромное число русскоговорящих. Прослеживаются даже попытки отменить само понятие «русскоговорящие», заменяя его на «русифицированных» – именно так утверждается в статье *«Русскоязычных украинцев» не существует. Есть только русифицированные* [«Російськомовних українців» не існує. Є лише русифіковані] от 17.06.2022. Считается, что применение населением Украины русского языка может быть только следствием идеологической и психологической «обработки» со стороны «страны-агрессора» с целью дальнейшей оккупации страны.

Кроме того, в средствах массовой информации активно продвигается идея «доносов», направленных на выявление так называемых нарушений языкового законодательства, то есть использование русского языка. Например, публикация от 25.07.2023 *Языковой омбудсмен начал проверку по применению государственного языка в АО «Украинские железные дороги»* [Мовний омбудсмен розпочав перевірку щодо застосування державної мови в АТ «Укрзалізниця»] подтверждает продолжающееся повсеместное использование русского языка не только в рамках бытового общения. Так, «серьезным нарушением языкового законодательства» признается применение негосударственного (= русского) языка на пассажирских железнодорожных билетах без перевода информации на украинский. При этом, языковой омбудсмен ссылается на статью 36 «Закона об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», в соответствии с которой «услуги в сфере транспорта в Украине должны предоставляться на государственном языке» [Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної», 2019]. Однако эта же статья позволяет при необходимости дублирование информации на английском языке, который также не является государственным языком на Украине. Здесь мы четко можем проследить тезис «все, что угодно, только не русский».

Данный тезис подтверждается и тем фактом, что 22 ноября 2023 г. Верховный Совет Украины принял внесенный Президентом Зеленским законопроект о применении

английского языка, закрепляющий таким образом его статус как языка международного общения на Украине. При этом, определяются целые категории должностных лиц, которые будут обязаны владеть английским языком и применять его в работе органов государственной власти [Законопроект «Про застосування англійської мови в Україні», 2023]. Добавим, что 5 июня 2024 г. законопроект был утверждён Верховным Советом во втором чтении, тем самым наделяя английский статусом языка международного общения на Украине, а также нормируя особенности применения английского языка в работе органов власти, органов местного самоуправления, в сферах образования, культуры, транспорта, здравоохранения и предусматривая бюджетную поддержку для кинотеатров за демонстрацию англоязычных фильмов.

В продолжение этого тезиса приведем пример из публикации от 30.06.2023 *Английский язык – против русского. Почему новый закон – средство информационной безопасности для Украины* [Англійська мова – проти російської. Чому новий закон – засіб інформаційної безпеки для України]. Здесь отмечается, что нужно максимально форсировать изучение, применение и распространение английского языка на территории Украины. При этом отмечается, что английский является не конкурентом украинского, а конкурентом русского на Украине. Представляется необходимым привести красноречивую цитату известного украинского аналитика Ю. Гайдая: «Если ребенок смотрит «Маша и Медведь» или российских тиктокеров – это растёт маленькая РУСНЯ» [Англійська мова – проти російської. Чому новий закон – засіб інформаційної безпеки для України].

Еще одной из сфер, в которой можно проследить попытки отказа от русского языка, является сфера культуры. Здесь речь может идти как о запрете на ввоз книг из России и Беларуси и их печать [На 16-й місяць великої війни в Україні заборонили російські книги; В Україні зареєстрували законопроект про заборону продажу книг з росії та білорусі], так и о запрете на прослушивание музыкальных произведений на русском языке [Київська влада заборонила публічне програвання пісень і творів російською]. Все это объясняется попыткой защитить украинское информационное пространство от гибридного влияния России.

Обобщая все выше сказанное, можно сказать, что основным аргументом в пользу борьбы с русским языком на Украине являются тезисы о том, что русский язык – это, в первую очередь, оружие, с помощью которого Россия пытается «поработить» независимую Украину. В публикации *русский язык для них – это средство мягкой оккупации нас* [російська мова для них — це засіб м'якої окупації нас] открыто говорится о том, что русский язык – якобы постоянный повод для России посягать на территории Украины и именно Россия делает из русского языка оружие, а от оружия нужно

защищаться. Как говорится, сами придумали – сами поверили. При этом, конечно, робко умалчивается само происхождение так называемого «украинского языка» и роль русского в становлении государственного языка Украины [В Раде возмутились признанием того, что украинский язык произошел от русского; ООН удалила инфографику о том, что украинский язык произошел от русского].

Подводя итог, хотим еще раз подчеркнуть абсурдность ситуации с использованием русского языка на территории современной Украины. В своем заявлении секретарь Совета национальной безопасности Украины подчеркнул, что призывы вернуть использование русского языка (повторим, что призывают к этому, наверняка 82% населения, считающего родным украинский язык) должна заниматься СБУ (Служба безопасности Украины), поскольку это подрывает безопасность Украины как государства [Закликами до повернення і поширення російської мови в Україні має займатися СБУ]. Подобные высказывания снова возвращают нас к вопросам о том, насколько запрет на использование русского языка является законным в силу того, что он противоречит не только Конституции Украины как основного документа страны, но и международным нормативно-правовым актам, ратифицированным Украиной.

Заключение. Таким образом, подтверждается тезис, что на Украине осуществляется политика дискриминации и культурного угнетения русскоязычного населения посредством, кроме прочего, языковой политики. Это осуществляется путем законодательной деятельности, когда законы более низкого уровня противоречат актам более высокого уровня и изменяется практика правоприменения. Фактически, в медийном поле отрицается важность русского языка для местного населения. Само существование русских на Украине ставится под сомнение, что, по сути, является еще одним примером дискриминации и переписывания истории. Указанные факты позволяют сделать вывод, что при распространении данных деструктивных инициатив на русский язык, культуру и этнос политика приобрела характер не просто языковой, а культурной и этнической дискриминации и подавления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 439 с.
2. Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В., Слышкин Г. Г. Урбанонимия Киева 2014-2024 гг.: от декоммунизации и дерусификации к нацификации // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2024. Т. 20. Вып. 1 (63). С. 46-62.

3. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств // Серии европейских договоров. 1992. № 148. Доступ: <https://rm.coe.int/168007c098>. (дата обращения: 12.09.2023).
4. Костенко Ю. В. Языковая политика Украины на юге и востоке страны как метод этнократии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 4 (65). С. 58-65.
5. Кузьминская С. И. Языковой экстремизм как форма радикального национализма // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма. 2023. С. 74-76.
6. Кучма Л. Д. Украина – не Россия. Москва: Время, 2003. 559 с.
7. Маркова Е. А. Политика Украины в языковой сфере: основные итоги // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 1. С. 73-83.
8. Плотников Д. С. Языковая политика в Украине как фактор российско-украинских отношений // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 1. С. 60-69.
9. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация»: № 2024621184: заявл. 26.03.2024: опубл. 10.04.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Е. В. Гордиенко, Н. Ю. Бессонов.
10. Слышкин Г. Г., Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В. Дискредитация как коммуникативная угроза национальной безопасности // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», 2023. Ч. 2. С. 194-199.
11. Слышкин Г. Г., Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В. Дискриминация русского языка на Украине: нормативно-правовое оформление // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 2. С. 125-148. Доступ: www.tverlingua.ru. (дата обращения: 12.09.2024).
12. Слышкин Г. Г. Языковая политика: аксиология и прагматология // Взаимодействие языков и культур. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. Т. 2. С. 110-113.
13. Byessonova O., Gordienko E. Binary opposition 'Us/Them' in British and American media texts about conflicts // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2021. Vol. 18. No 2. P. 91-111.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Англійська мова – проти російської. Чому новий закон – засіб інформаційної безпеки для України // Фокус, 2023. Доступ: <https://focus.ua/uk/opinions/576037-angliyska-mova-proti-rosiyskoji-chomu-noviy-zakon-zasib-informaciynoi-bezpeki-dlya-ukrajini>. (дата обращения: 04.09.2023).
2. В Раде возмутились признанием того, что украинский язык произошел от русского // Ura.ru, 2018. Доступ: <https://ura.news/news/1052325586>. (дата обращения: 22.02.2024).
3. В Україні започаткували мовні курси для військових // Укрінформ, 2024. Доступ: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3830160-v-ukraini-zapocatkuvali-movni-kursi-dla-vijskovih.html>. (дата обращения: 22.02.2024).
4. В Україні зареєстрували законопроект про заборону продажу книг з росії та білорусі // Район ін юа, 2022. Доступ: <https://kultura.rayon.in.ua/news/521889-v-ukraini-zareestruvali-zakonoproekt-pro-zaboronu-prodazhu-knig-z-rosii-ta-bilorusi>. (дата обращения: 22.02.2024).
5. Виключно російською спілкуються вдома лише 9% українців, українською – майже 60% // Укрінформ, 2023. Доступ: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3752281->

ukraina-otrimala-vid-unisef-20-neonatalnih-svidkih-dla-ditacih-likaren.html. (дата обращения: 04.09.2023).

6. Закликами до повернення і поширення російської мови в Україні має займатися СБУ – Данілов // Інтерфакс-Україна, 2023. Доступ: <https://interfax.com.ua/news/general/909475.html>. (дата обращения: 04.09.2023).

7. Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної» № 2704-VIII від 25.04.2019 // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2019. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text>. (дата обращения: 12.09.2023).

8. Законопроект «Про застосування англійської мови в Україні» № 9432 від 28.06.2023. Доступ: <https://itd.rada.gov.ua/billInfo/Bills/Card/42201>. (дата обращения: 12.09.2023).

9. Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки «Про мови в Українській РСР» від 28 жовтня 1989 року № 8312-11. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/8312-11#Text>. (дата обращения: 23.02.2024).

10. Зростає кількість звернень щодо порушення мовного закону – Опендатабот // Suspilne, 2023. Доступ: <https://suspilne.media/517193-zrostaie-kilkist-zvernien-sodo-porusenna-movnogo-zakonu-opendatabot>. (дата обращения: 04.09.2023).

11. Київська влада заборонила публічне програвання пісень і творів російською // Радіо Свобода, 2023. Доступ: <https://www.radiosvoboda.org/a/news-kyivska-vlada-zaborona-publichne-prohravannia-kontent-rosiiskoju/32502481.html>. (дата обращения: 04.09.2023).

12. Коли українці припинять гуглити російською? Як відмовитися від мови ворога онлайн // speka.media, 2023. Доступ: <https://speka.media/skilki-rokiv-znadobitsya-na-vidmovu-vid-yazyuka-plelqv>. (дата обращения: 04.09.2023).

13. Коментар до ст. 10 Конституції України. Доступ: <https://konstitutsiyaua.ru/st-10#-10>. (дата обращения: 23.02.2024).

14. Конституція України (Із змінами, внесеними Законами України від 8.12.2004 року N 2222-IV, від 1 лютого 2011 року N 2952-VI, від 19 вересня 2013 року N 586-VII, від 21 лютого 2014 року N 742-VII, від 2 червня 2016 року N 1401-VIII, від 07 лютого 2019 року N 2680-VIII) // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996. Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text>. (дата обращения: 12.09.2023).

15. Мовний омбудсман виступив за усунення перешкод для застосування української мови у сфері промислового виробництва // Детектор медіа, 2023. Доступ: <https://detector.media/infospace/article/216227/2023-08-30-movnyy-ombudsman-vystupyv-za-usunennya-pereshkod-dlya-zastosuvannya-ukrainskoi-movy-u-sferi-promyslovogo-vyrobnystva>. (дата обращения: 04.09.2023).

16. Мовний омбудсмен розпочав перевірку щодо застосування державної мови в АТ «Укрзалізниця» // Інтерфакс-Україна, 2023. Доступ: <https://interfax.com.ua/news/general/925010.html>. (дата обращения: 04.09.2023).

17. На 16-й місяць великої війни в Україні заборонили російські книги // Forbes, 2023. Доступ: <https://forbes.ua/money/na-16-misyats-velikoi-viyni-v-ukraini-zaboronili-rosiyski-knigi-vidavtsi-v-ochikuvanni-stribka-ale-u-rinku-e-dekilka-duzhe-seryoznikh-problem-06072023-14634>. (дата обращения: 22.02.2024).

18. На Закарпатті виявили школи, де викладають угорською всупереч законодавству України // Нова Українська Школа, 2023. Доступ: <https://nus.org.ua/news/na-zakarpatti-vyuvavly-shkoly-de-vykladayut-ugorskoyu-vsuperech-zakonodavstvu-ukrayiny>. (дата обращения: 04.09.2023).

19. ООН удалила инфографику о том, что украинский язык произошел от русского // РИА Новости, 2018. Доступ: <https://ria.ru/20180302/1515644237.html>. (дата обращения: 04.09.2023).

20. Потреби виділення російської з-поміж інших мов нацменшин у Конституції немає – В'ятрович // Укрінформ, 2023. Доступ: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3661898-potrebi-vidilenna-rosijskoi-zpomiz-insih-mov-nacmensin-u-konstitucii-nemaie-vatrovic.html>. (дата обращения: 04.09.2023).

21. Рішення Конституційного Суду України від 14.12.1999 №10-рп/99 про офіційне тлумачення положень статті 10 Конституції України щодо застосування державної мови органами державної влади, органами місцевого самоврядування та використання її у навчальному процесі в навчальних закладах України (справа про застосування української мови). Доступ: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v010p710-99#Text>. (дата обращения: 12.09.2023).

22. російська мова для них – це засіб м'якої окупації нас // Видавничий Дім «Високий Замок», 2023. Доступ: <https://wz.lviv.ua/blogs/483279-rosiiska-mova-dlia-nykh-tse-zasib-miakoi-okupatsii-nas>. (дата обращения: 04.09.2023).

23. «Російськомовних українців» не існує. Є лише русифіковані // Українська правда, 2023. Доступ: <https://www.pravda.com.ua/columns/2022/06/17/7352949>. (дата обращения: 04.09.2023).

24. Румунія подякувала Україні за відмову від «молдовської мови», бо це винахід РФ // Українська правда. 2023, Доступ: <https://www.pravda.com.ua/news/2023/10/18/7424696>. (дата обращения: 22.02.2024).

25. Як Україна повертає навчання угорською заради вступу в ЄС і що буде з російською мовою // BBC News Україна, 2023. Доступ: <https://www.bbc.com/ukrainian/articles/crgp8w380eyo>. (дата обращения: 22.02.2024).

REFERENCES

1. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).

2. Bessonov, N. Yu., Gordienko, E. V., Slyshkin, G. G. (2024). Urbanonimiya Kieva 2014-2024 gg.: ot dekommunizatsii i derusifikatsii k natsifikatsii [Kiev urbanonymy 2014 through 2024: from decommunization and de-russification to nazification]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 20. No 1. Pp. 46-62. (In Russ.).

3. Evropeiskaya khartiya regionalnykh yazykov ili yazykov menshinstv [European Charter for Regional or Minority Languages] In *Serii evropeiskikh dogovorov*, 1992. No 148. Available at: <https://rm.coe.int/168007c098>. (accessed: 12.09.2023).

4. Kostenko, Yu. V. (2020). Yazykovaya politika Ukrainy na yuge i vostoке strany kak metod etnokratii [Language policy of Ukraine in the South and East of the country as a method of ethnocracy] In *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. No 4 (65). Pp. 58-65. (In Russ.).

5. Kuzminskaya, S. I. (2023). Yazykovoy ekstremizm kak forma radikalnogo natsionalizma [Linguistic extremism as a form of radical nationalism] In *Problemy patrioticheskogo vospitaniya sotrudnikov pravookhranitelnykh organov i protivodeistviya ideologii neonatsizma i ekstremizma*. Pp. 74-76. (In Russ.).

6. Kuchma, L. D. (2003) *Ukraina – ne Rossiya* [Ukraine is not Russia]. Moskva: Vremya. (In Russ.).

7. Markova, E. A. (2020). Politika Ukrainy v yazykovoy sfere: osnovnye itogi [Language policy of Ukraine: major results]. In *Problemy postsovetskogo prostranstva*. Vol. 7. No 1. Pp. 73-83. (In Russ.).

8. Plotnikov, D. S. (2023). Yazykovaya politika v Ukraine kak faktor rossiysko-ukrainskikh otnosheniy [Language policy in Ukraine as a factor of Russian-Ukrainian relations]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. Vol. 17. No 1. Pp. 60-69. (In Russ.).

9. *Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2024621580 Rossiyskaya Federatsiya. Toponimicheskaya baza dannykh «Dinamicheskie izmeneniya gorodskoy*

mikrotoponimiki Kieva: derusifikatsiya, vesternizatsiya, natsifikatsiya: № 2024621184: zayavl. 26.03.2024: opubl. 10.04.2024 [Certificate of state registration of the database No 2024621580 Russian Federation. Toponymic database 'Dynamic changes in urban microtoponymy of Kiev: derusification, westernization, nazification': No 2024621184: applied: 26.03.2024: publ. 10.04.2024] / G. G. Slyshkin, I. V. Smirnova, E. V. Gordienko, N. Yu. Bessonov. (In Russ.).

10. Slyshkin, G. G., Bessonov, N. Yu., Gordienko, E. V. (2023). Diskreditatsiya kak kommunikativnaya ugroza natsionalnoy bezopasnosti [Discrediting as a communicative threat to the national security]. In *Intellectualnyy potentsial obrazovatel'noy organizatsii i sotsialno-ekonomicheskoe razvitie regiona*. Yaroslavl: Obrazovatel'naya organizatsiya vysshego obrazovaniya (chastnoe uchrezhdenie) «Mezhdunarodnaya akademiya biznesa i novykh tekhnologii (MUBiNT)». Ch. 2. Pp. 194-199. (In Russ.).

11. Slyshkin, G. G., Bessonov, N. Yu., Gordienko, E. V. (2024). Diskriminatsiya russkogo yazyka na Ukraine: normativno-pravovoe oformlenie [Russian language discrimination in Ukraine: regulatory and legal formalization]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. No 2. Pp. 125-148. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 12.09.2024). (In Russ.).

12. Slyshkin, G. G. (2018). Yazykovaya politika: aksiologiya i praksiologiya [Language policy: axiology and praxeology]. In *Vzaimodeistvie yazykov i kultur*. Chelyabinsk: Izdatelskiy tsentr YuUrGU. Vol. 2. Pp. 110-113. (In Russ.).

13. Byessonova, O., Gordienko, E. (2021). Binary opposition 'Us/Them' in British and American media texts about conflicts. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. Vol. 18. No 2. Pp. 91-111.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Angliyska mova – proty rosiyskoyi. Chomu novyy zakon – zasib informatsiynoyi bezpeky dlya Ukrayiny [English against Russian. Why the new law is a means of information security for Ukraine]. In *Fokus*, 2023. Available at: <https://focus.ua/uk/opinions/576037-angliyska-mova-proti-rosiyskoji-chomu-noviy-zakon-zasib-informatsiynoyi-bezpeki-dlya-ukrajini>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

2. V Rade vozmutilis priznaniem togo, chto ukrainskiy yazyk proizoshel ot russkogo [In Rada, the people were outraged by the admission that the Ukrainian language was derived from Russian]. In *Ura.ru*, 2018. Available at: <https://ura.news/news/1052325586>. (accessed: 22.02.2024). (In Russ.).

3. V Ukrayini zapochatkuvaly movni kursy dlya viyskovykh [In Ukraine, language courses for the military have been launched]. In *Ukrinform*, 2024. Available at: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3830160-v-ukraini-zapochatkuvali-movni-kursi-dla-vijskovih.html>. (accessed: 22.02.2024). (In Ukr.).

4. V Ukrayini zareestruvaly zakonoproekt pro zaboronu prodazhu knyg z rosiyi ta bilorusi [In Ukraine, a bill banning the sale of books from Russia and Belarus has been registered]. In *Raion in yua*, 2022. Available at: <https://kultura.rayon.in.ua/news/521889-v-ukraini-zareestruvali-zakonoproekt-pro-zaboronu-prodazhu-knig-z-rosii-ta-bilorusi>. (accessed: 22.02.2024). (In Ukr.).

5. Vykylyuchno rosiyskoyu spilkuyutsya vdoma lishe 9% ukrayintsiv, ukrayinskoyu – mayzhe 60% [Only 9% of Ukrainians communicate exclusively in Russian at home, almost 60% in Ukrainian]. In *Ukrinform*, 2023. Available at: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3752281-ukraina-otrimala-vid-unisef-20-neonatalnih-svidkih-dla-ditacih-likaren.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

6. Zaklykamy do povernennya i poshyrennya rosiyskoyi movy v Ukrayini mae zaymatysya SBU – Danilov [SBU should deal with calls for the return and spread of the Russian language in Ukraine – Danilov]. In *Interfaks-Ukraina*, 2023. Available at: <https://interfax.com.ua/news/general/909475.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

7. Zakon Ukrayiny «Pro zabezpechennya funktsionuvannya ukrayinskoyi movy yak

derzhavnoyi» № 2704-VIII vid 25.04.2019 [Law of Ukraine 'On Ensuring Ukrainian's Functioning as the State Language']. In *Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny* (VVR), 2019. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text>. (accessed: 12.09.2023). (In Ukr.).

8. *Zakonoproekt «Pro zastosuvannya angliyskoyi movy v Ukrayini» № 9432 vid 28.06.2023*. [Draft law 'On the Use of English in Ukraine']. Available at: <https://itd.rada.gov.ua/billInfo/Bills/Card/42201>. (accessed: 12.09.2023). (In Ukr.).

9. *Zakon Ukrayinskoyi Radyanskoyi Sotsialistychnoyi Respubliki «Pro movy v Ukrayinskiy RSR» vid 28 zhovtnya 1989 roku № 8312-11* [Law of the Ukrainian Soviet Socialist Republic 'On Languages in the Ukrainian SSR']. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/8312-11#Text>. (accessed: 23.02.2024). (In Ukr.).

10. Zrostaє kilkist zvernєn shchodo porushennya movnogo zakonu – Opendatabot [The number of appeals for violation of the language law is growing – Opendatabot]. In *Suspilne*, 2023. Available at: <https://suspilne.media/517193-zrostaє-kilkist-zvernєn-sodo-porushennya-movnogo-zakonu-opendatabot>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

11. Kyivska vlada zaboronyla publichne progravannya pisen i tvoriv rosiyskoyu [Kiev authorities banned public playback of songs and artworks in Russian]. In *Radio Svoboda*, 2023. Available at: <https://www.radiosvoboda.org/a/news-kyivska-vlada-zaborona-publichne-prohravannya-kontent-rosiiskoju/32502481.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

12. Koly ukrayintsi pryynyat guglyty rosiyskoyu? Yak vidmovytysya vid movy voroga onlayn [When will Ukrainians stop Googling in Russian? How to abandon the language of the enemy online]. In *speka.media*, 2023. Available at: <https://speka.media/skilki-rokiv-znadobitsya-na-vidmovu-vid-yazyka-plelqv>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

13. *Komentar do st. 10 Konstitutsiyi Ukrayiny* [Commentary to Article 10 of the Constitution of Ukraine]. Available at: <https://konstitutsiyaua.ru/st-10#-10>. (accessed: 23.02.2024). (In Ukr.).

14. Konstytutsiya Ukrayini (Iz zminamy, vnesenymy Zakonamy Ukrayiny vid 8.12.2004 roku N 2222-IV, vid 1 lyutogo 2011 roku N 2952-VI, vid 19 veresnya 2013 roku N 586-VII, vid 21 lyutogo 2014 roku N 742-VII, vid 2 chervnya 2016 roku N 1401-VIII, vid 07 lyutogo 2019 roku N 2680-VIII) [The Constitution of Ukraine]. In *Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny* (VVR), 1996. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text>. (accessed: 12.09.2023). (In Ukr.).

15. Movnyy ombudsman vystupyv za usunennya pereshkod dlya zastosuvannya ukrayinskoyi movy u sferi promislovogo virobnytstva [Language ombudsman advocated the removal of obstacles to the use of the Ukrainian language in the field of industrial production]. In *Detektor media*, 2023. Available at: <https://detector.media/infospace/article/216227/2023-08-30-movnyy-ombudsman-vystupyv-za-usunennya-pereshkod-dlya-zastosuvannya-ukrayinskoyi-movy-u-sferi-promyslovogo-vyrobnytstva>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

16. Movnyy ombudsmen rozpochav perevirku shchodo zastosuvannya derzhavnoyi movy v AT «Ukrzaliznytsya» [Language ombudsman began an audit on the use of the state language in JSC 'Ukrzaliznytsia']. In *Interfaks-Ukrayina*, 2023. Available at: <https://interfax.com.ua/news/general/925010.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

17. Na 16-i misyats velikoyi viyny v Ukrayini zaboronyly rosiyski knygy [After 16 months of the great war in Ukraine Russian books have been banned]. In *Forbes*, 2023. Available at: <https://forbes.ua/money/na-16-misyats-velikoi-viyni-v-ukraini-zaboronili-rosiyski-knygi-vidavtsi-v-ochikuvanni-stribka-ale-u-rinku-e-dekilka-duzhe-seryoznikh-problem-06072023-14634>. (accessed: 22.02.2024). (In Ukr.).

18. Na Zakarpatti vyvavyly shkoly, de vykladayut ugorskoyu vsuperech zakonodavstvu Ukrayiny [In Transcarpathia, schools where they teach Hungarian contrary to the legislation of Ukraine have been found]. In *Nova Ukrayinska Shkola*, 2023. Available at: <https://nus.org.ua/>

news/na-zakarpatti-vyyavyly-shkoly-de-vykladayut-ugorskoyu-vsuperech-zakonodavstvu-ukrayiny. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

19. OON udalila infografiku o tom, chto ukrainskiy yazyk proizoshel ot russkogo [The UN has deleted an infographic about the fact that the Ukrainian language is derived from Russian]. In *RIA Novosti*, 2018. Available at: <https://ria.ru/20180302/1515644237.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Russ.).

20. Potreby vydilennya rosiyskoy z-pomizh inshykh mov natismenshyn u Konstytutsiyi nemae – Vyatrovich [There is no need to distinguish Russian from other languages of national minorities in the Constitution – Viatrovych]. In *Ukrinform*, 2023. Available at: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3661898-potrebi-vidilenna-rosijskoi-zpomiz-insih-mov-nacmensin-u-konstitucii-nemae-vatrovic.html>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

21. *Rishennya Konstytutsijnogo Sudu Ukrayiny vid 14.12.1999 № 10-rp/99 pro ofitsiynе tlumachennya polozhen statti 10 Konstytutsiyi Ukrayiny shchodo zastosuvannya derzhavnoyi movy organamy derzhavnoyi vlady, organamy mistseвого samovryaduvannya ta vykorystannya yiyi u navchalnomu protsesi v navchalnykh zakladakh Ukrayiny (sprava pro zastosuvannya ukrayinskoyi movy)* [Decision of the constitutional court of Ukraine of December 14, 1999 No. 10-rp/99 On the constitutional idea of 51 People's Deputies of Ukraine of official interpretation of provisions of article 10 of the Constitution of Ukraine on application of state language by public authorities, local government bodies and its uses in educational process in educational institutions of Ukraine (case on application of Ukrainian)]. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v010p710-99#Text>. (accessed: 12.09.2023). (In Ukr.).

22. rosiyska mova dlya nykh – tse zasib myakoyi okupatsiyi nas [Russian for them is a means of soft occupation of us]. In *Vydavnychyy Dim «Vysokyy Zamok»*, 2023. Available at: <https://wz.lviv.ua/blogs/483279-rosiiska-mova-dlia-nykh-tse-zasib-miakoi-okupatsii-nas>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

23. «Rosiysskomovnykh ukrayintsiv» ne isnuе. Є lyshe rusyfikovani [«Russian-speaking Ukrainians» do not exist. There are just Russified]. In *Ukrayinska pravda*, 2023. Available at: <https://www.pravda.com.ua/columns/2022/06/17/7352949>. (accessed: 04.09.2023). (In Ukr.).

24. Rumuniya podyakovala Ukrayini za vidmovu vid «moldovskoyi movy», bo tse vynakhid RF [Romania thanked Ukraine for abandoning the 'Moldovan language,' because it is an invention of the Russian Federation]. In *Ukrayinska pravda*. 2023, Available at: <https://www.pravda.com.ua/news/2023/10/18/7424696>. (accessed: 22.02.2024). (In Ukr.).

25. Yak Ukrayina povertay navchannya ugorskoyu zarady vstupu v ES i shcho bude z rosiyskoyu movoyu [How Ukraine returns to learning Hungarian for the sake of joining the EU and what will happen to the Russian language]. In *BBC News Ukrayina*, 2023. Available at: <https://www.bbc.com/ukrainian/articles/crgp8w380eyo>. (accessed: 22.02.2024). (In Ukr.).

Бессонов Никита Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: bessonov-ny@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1

Bessonov Nikita Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Senior Researcher of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: bessonov-ny@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 1-82 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Гордиенко Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: gordienko-ev@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

Слышкин Геннадий Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности (e-mail: slyshkin@ranepa.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

Главный научный сотрудник
Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко
105064, Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, стр. 1

Gordienko Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Senior Researcher of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: gordienko-ev@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 1-82 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Slyshkin Gennady G. – Doctor of Philology, Professor, Director of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security (e-mail: slyshkin@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 1-82 Vernadsky Av., Moscow, 119571

Chief Researcher
N. A. Semashko National Research Institute of Public Health
1-12 Vorontsovo Pole St., Moscow, 105064

Поступила в редакцию 28 октября 2024 г.

УДК 81'42

© 2024 А. А. Романов, Л. А. Абросимова-Романова

МАНИПУЛЯТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕЙКОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК-ПОДДЕЛОК

В статье рассматривается трехуровневый механизм фейковизации дискурсивных практик, в основе которого лежит манипулятивная процедура «языковой игры» с функциональной семантикой слотов конфигураций типовых фреймов. Выделенные уровни смысловой фейковизации способствуют выявлению глубины таргетированного воздействия на адресата-получателя дискурсивных практик-подделок.

Ключевые слова: верификация, дезинформация, дискурс, дискурсивная практика-подделка, фейковое послание, фрейм, фреймирование.

© 2024 A. A. Romanov, L. A. Abrosimova-Romanova

MANIPULATIVE CONSTRUCTION OF THE FAKE DISCURSIVE FALSE PRACTICES

The article considers a three-level mechanism of fake visualisation of discursive practices, based on the manipulative procedure of «language game» with functional semantics of slots configurations of typical frames. The levels of semantic manipulation help to determine the depth of targeted impact on the addressee-recipient of discursive fake practices.

Key words: verification, disinformation, discourse, discursive false practice, fake message, frame, framing.

*Смысл должен быть найден,
но не может быть создан.
В. Франкл*

Введение. Анализируя принципы, заложенные в основания ряда типологий фейковых (постправдивых, дезинформационных) сообщений-практик или сообщений-подделок [см.: Романов, Романова, 2024; 2024а; ср. также: Романов, Романова, 2016; 2017], была зафиксирована внутри проанализированных типологий тенденция взаимной векторной направленности фазовых переходов из одних типов сообщений в другие типы. При переходах такие взаимопроникновения дают возможность приобретать вербальным типовым сообщениям-практикам ряд новых функционально-содержательных свойств. Одновременно было также отмечено, что выявленные и вновь приобретённые признаки векторной взаимонаправленности фазовых переходов между отдельными типами сообщений позволяют некоторым образом характеризовать комплексный процесс фазового (поэтапного, порогового) проникновения фейковых или постправдивых сообщений vs сообщений-подделок в информационно-коммуникативное пространство жизнедеятельности отдельного человека, коллектива или общества и успешно

(результативно) закрепляться в нём.

Обнаруженная тенденция растущего интереса к функциональной и результативной сторонам использования в дискурсивном обмене практик, опирающихся на референтное (правдивое: было / не было) и нереферентное (ложное, подделанное под референтное, специально сконструированное) содержание, набирает свою популярность в разнообразных сферах коммуникативного пространства различных социумов или государств-наций. Такого рода дискурсивные практики с нереферентным содержанием или практики-подделки активно участвуют сегодня в массовом тиражировании для общества – независимо от их фейковой или фактуальной природы – типовых смыслов и их знаковых форм в виде смешанных с правдой и неправдой информационно-коммуникативных практик-посланий или смешанных дискурсивных практик.

В связи с этим возникает целый ряд проблем, которые целесообразно рассмотреть с позиций коммуникативно-когнитивного конструкционизма [Романов, 2002: 5-7; Романов. Романова, 2005; Романова, 2007; 2009; см. также: Болдырев, Григорьева, 2020]. Имеет смысл в первоочередном порядке обратить внимание на технологичность процессов массового тиражирования и специфику внедрения обозначенных смешанных дискурсивных практик как в «ядерных» (т. е. основных, базовых, главных, мейнстримовых) коммуникациях отдельного общества, так и в глобальном информационно-коммуникативном пространстве [Романов, 2017; Романов, Романова, 2024], в которых (т. е. в практиках) практически невозможно, на первый взгляд, без труда отличить «правду» от «неправды» [ср.: Беккер, 2002: 35; Макдональд, 2019: 13-15; Романов, Романова, 2020; Романов, Малышева, 2016; Романова, Малышева, Морозова, Романов, 2023; Мисонжников, 2024: 104-106].

Вместе с тем актуализация данной проблемы и попытка анализа условий реализации «вирусного» распространения сконструированных посланий-практик или практик-подделок в информативно-коммуникативном пространстве даёт возможность пристальнее взглянуть на «регулятивно-функциональную роль и причины формирования предварительных условий», способствующих фейковизации содержания дискурсивных практик в объёме передаваемого контента [Романов, 1988: 2020; Романов, Романова, 2024; 2024a]. Эти практики разрабатываются и мимикрируются спиндокторами с учётом конструктивных особенностей типовых фреймовых конфигураций для того, чтобы на их базе инициаторы-бенефициары (спиндокторы) могли создавать типовые (или шаблонные) когнитивные «заготовки», способные служить для отправителей-инициаторов (каузаторов или бенефициаров) исходным

основанием для создания и тиражирования фейкового контента таких практик-посланий.

При этом нужно иметь в виду, что «массовое тиражирование», по Бодрийяру [Бодрийяр, 2015] таких коммуникативных практик являет собой комплексный процесс, который обуславливает продуцирование (т. е. разработку в широком смысле этого слова, а также и пробную апробацию) тиража и подбор всевозможных результативных коммуникативных технологий, нацеленных на интенсивное и глубокое погружение массового адресата (т. е. массовой аудитории пользователей) в сконструированное (фейковое) информационное пространство обозначенных дискурсивных практик-посланий. Основная задача интенсивного и глубокого погружения коллективного адресата в фейкореальность сконструированных практик-посланий состоит в том, чтобы при помощи массового тиражирования практик-подделок с таким постправдивым контентом оказывать интенсивное воздействие и давление на концентриальную сферу (от лат. *conscientia* – сознание, понимание, убеждение) коллективного адресата. Таргетированная направленность дискурсивных практик с фейковым контентом позволяет инициаторам-бенефициарам динамически – с учётом «когнитивных мерностей» – регулировать интенсивность глубины информационного воздействия в лимнологических параметрах дискурс-конструкта: от «мягкого воздействия до жесткого влияния и насильственного подчинения» [Романов, 2016; 2017; Романов, Романова, 2023].

В этой связи имеет смысл рассмотреть технологию фреймирования функциональной семантики дискурсивных практик с фейковым контентом, чтобы предложить схематический порядок «распредмечивания» смысловых установок, задаваемых инициатором-бенефициаром в практиках-подделках. Подчеркнём, что метод фреймового анализа или метод фреймирования – явление не новое и известно ещё со времён публикаций работ М. Минского, Т. Ван Дейка, а также Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Не вдаваясь в описание известных положений фреймового анализа, в своём анализе мы воспользуемся некоторыми важными положениями из работ указанных авторов.

Анализ материала. С когнитивно-дискурсивных позиций удобно рассмотреть этот процесс как «прагматаргетированную игру спиндоктора с оценками различных уровней исходной фреймовой конфигурации». В качестве исследуемого материала выступает набор вербальных практик дискурса-интервью корреспондента еженедельника «Аргументы и Факты» Г. Зотова в статье «Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм?» [АиФ, 2005]. Рамки настоящей статьи не позволяют привести текст интервью в полном объёме, поэтому ограничимся характерными фрагментами,

иллюстрирующими ход нашего исследования.

Уместно заметить, что любой канонический фрейм строится по следующему образцу: выбирается основной терминальный слот, который именуется вершиной, представленной, как правило, глагольно-предикатной составляющей. В процессе конструирования практики этот терминальный слот обычно заполняется с учётом её валентных свойств. На основе вершины, и слотов, зависящих от валентных свойств вершины, образуется фреймовая конфигурация дискурсивной практики. Таким образом, если инициатор-бенефициар, конструируя свою практику-подделку по фреймовому образцу, то он исходит из своей прагматической установки, что он может прибегать к vs использовать в «языковой игре» или манипуляции как с содержанием вершинного слота (или терминалом / терминалами), так и с семантическим наполнением зависящих от её валентных свойств подчинённых (вершине) слотов.

Таким образом, весь процесс фреймирования дискурсивных практик-подделок «окрашен» манипулятивной игрой как с вершинным терминалом, так и с подчинёнными вершине слотами. Понятно, что сам процесс фреймирования может подразделяться на несколько уровней, а именно – 1-й уровень, именуемый как «игра с оценкой», 2-й уровень, обозначенный как «игра со слотами и их содержанием» и 3-й уровень, обозначенный как «игра с фреймами» в гиперфреймовой конфигурации, которую может предложить сам инициатор-бенефициар в роли, например, отправителя, чтобы усилить интенсивность своего воздействия в процессе дискурсивного обмена практиками. Рассмотрим каждый из предложенных уровней, акцентируя своё внимание на манипулятивных технологиях игры со слотами.

1. Первый уровень базируется на предварительных условиях, которые опираются на знания участников дискурсивной интеракции о том, что действительность может быть интерпретирована средствами языка вариативно – одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира) можно назвать словом или словосочетанием, которое вызовет, в зависимости от установки говорящего, либо положительную, либо негативную ассоциацию. Таким образом при помощи тщательно подобранных языковых единиц *можно заменить* «знак восприятия» того или иного факта (события, явления) на противоположный.

– Зотов: «... Всех шокирует, когда *эстонские ветераны СС* выходят на *митинги в гитлеровской форме*, если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму. В Эстонии же у него нет проблем».

– Президент: «Действительно, в Эстонии есть такие люди. В определенные

исторические дни они *собираются вместе*, и я допускаю, что *кто-то из них* иногда надевает свой *старый солдатский мундир*».

Журналист задал вопрос о проводимых в Эстонии митингах, в которых принимают участие бывшие эсэсовцы. В своем ответном реактивном шаге президент Эстонии, используя возможности языка, **заменяет** каждую из лексических единиц, которые явно отсылают аудиторию к терминалам гиперфрейма «Нацизм – СС – Гитлер».

Президент меняет содержание неудобных для него единиц в пределах одного слота. Причем он эксплицитным образом меняет слотовое содержание, которое именно для него некомфортно. Больше того, он уходит (не замечая вопроса корреспондента) от неудобных для него и невыгодных ему по содержанию и тональности языковых единиц. Он осуществляет подмену (т. е. конструирует, сочиняет подделку) значений с неудобных значений на близкие по значению слова. Причем замещающие слова вписываются в границы семантики слота, но в действительности несут уже совершенно иную – *нейтральную* – оценку. Сравните: в колонке слева – слова Г. Зотова, а напротив – слова А. Рюителя:

ветераны СС	→	люди
митинг	→	собираются вместе
гитлеровская форма	→	старый солдатский мундир
митинги проводятся регулярно	→	кто-то из них, иногда, собираются.

Здесь необходимо разделять понимание фрейма как особого рода когнитивной и знаковой структур представления знаний. Фрейм как когнитивная структура представляет собой упорядоченность основных структурных элементов – единиц ментальной репрезентации в виде терминалов и его составляющих – слотов, субслотов и подслотов, образующих *консциентальный* фундамент для развертывания процессов восприятия, хранения информации, мышления и разработки языковых форм общения в виде коммуникативно-когнитивных конструкторов. По М. Минскому [Минский, 1979], познавая (актуализируя, выбирая), человек выбирает из памяти некоторую структуру данных (образ) или фрейм. Фреймовой организации подчинено не только зрительное восприятие, но и переработка символической информации. Человек имеет набор разных фреймов и гиперфреймов для различных видов деятельности, окружающих условий, для форм повествования, объяснения, аргументации. Эти фреймы и механизмы их взаимосвязи (гиперфреймы) формируются и развиваются в течение его жизни.

С каждым фреймом ассоциирована информация о деятельности в различных типах обстоятельств. Но вместе с тем такая (ассоциированная и в тоже время специально, преднамеренно актуализированная) информация указывает, каким образом следует

использовать этот фрейм. Также информация о том, что может повлечь за собой его (фрейма) исполнение и информация о том, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. Фрейм можно представить (представлен в когнитивном / ментальном пространстве человека) в виде сети, состоящей из обозначения вершины, узлов (терминалов и их слотов, подслотов и субслотов) и связей между ними. Вершина и терминалы слотов (или просто – слоты) чётко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой (соотносимой) ситуации [см. подробнее: Алексеева, 1993: 60-63].

Повторим ещё раз: из тематического пространства с ярко выраженной негативной окраской (фрейм «Фашизм – СС – Преступления против человечества») говорящий (президент Эстонии) «переносит» аудиторию в тематическое пространство абсолютно нейтрального фрейма «Старые солдаты вспоминают свою юность», который может вызвать даже позитивные ассоциации (например, на основе сочувствия).

2. Рассмотрим следующий – 2-ой – уровень: «Игра со слотами». На данном уровне манипулятивное воздействие происходит уже на уровне (или в рамках) одного фрейма, где *манипуляции подвержены содержательные* слоты, образующие фреймовую структуру и фиксирующие важные смысловые узлы (*терминалы*) фреймового тематического пространства. Такие смысловые узлы способны включать в себя (присоединять к себе на базе валентной семантики) определенные наборы слотов.

Рассмотрим тематическое пространство гиперфрейма «Великая Отечественная война», который являет собой ядерную семантическую основу дискурса-интервью корреспондента Г. Зотова с Президентом Эстонии А. Рюйтелем. В структуре данного гиперфрейма можно выделить следующие терминалы с определёнными слотами, которые обозначены контентной тематикой дискурса и непосредственно актуализированы участниками дискурса-интервью в следующих *смысловых* блоках:

- победа;
- борьба с захватчиками;
- советский солдат-освободитель;
- ужасы войны;
- миллионы погибших;
- память.

Схематично тематическое пространство данного фрейма можно представить следующим образом: Великая Отечественная Война : победа : борьба с захватчиками :

советский солдат-освободитель : ужасы войны : миллионы погибших : память о войне. Примечание – двоеточие читается как «включает в себя слот / терминал» vs «отсылает к слоту / терминалу».

В зависимости от прагматической установки человека говорящего в данном фреймовом пространстве может быть актуализирован любой из описанных терминалов в виде набора слотов. Так, например, актуализируя *терминал* «Победа», мы заполняем тематическое пространство следующими слотовыми содержательными единицами – Великая победа, Победа советского народа, Праздник Победы и т. д. Вместе с тем, однако, ясно, что взаимосвязь перечисленных слотов позволяет циклично работать – в плане интенсивности погружения массового адресата – с содержанием слотов как по часовой стрелке, так и против часовой стрелки.

При актуализации нескольких терминалов с их слотами (например, «Победа», «Память», «Советский солдат-освободитель»), тематическое пространство будет заполняться следующими слотовыми содержательными единицами – «Спасибо деду за Победу», «Освобождение Европы советскими войсками», «СССР и советский народ спасли Европу от уничтожения», «Никто не забыт, ничто не забыто».

При актуализации одного из терминалов и его слотового (подслотового, субслотового) наполнения в рассматриваемом (обсуждаемом, поданном или актуализированном в медийном пространстве) гиперфреймовом пространстве, остальные терминалы и их слоты *могут отходить* на задний план или *сознательно вытесняться* на периферию тематического пространства, а также могут *вообще заштриховываться* или *затеняться*. В последнем случае используется прагматическая технология игры в чередование света и теней.

Примером реализации такой технологии может служить популярная в последние годы *актуализация* в сознании коллективного адресата терминала «Миллионы погибших» в Великой Отечественной Войне, вызывающую (каузирующую) следующие *слотовые смысловые цепочки* – «9 мая – не день победы, а день скорби», «9 мая – пиррова победа», «Что можно праздновать при таком количестве жертв?» и т. д. Примем во внимание, что и на этом уровне реализуется манипулятивная игра с оценкой смыслового третий уровень содержания слотового наполнения.

3. Третий уровень представляет собой манипулятивные игры между фреймами на уровне гиперфреймовых конфигураций в плане взаимодействия, сравнения, противопоставления и опровержения (обнуление, отрицание, противоборство). Так, например, гиперфреймовая конфигурация «Великая Отечественная Война» потенциально

может актуализировать содержательные контенты многих фреймовых слотов, которые способны перекрещиваться между собой и образовывать другие комбинированные фреймы, в частности «Военный режим Сталина», который позволяет выйти уже на оценку любого политического режима в свете современных событий в мире.

Выводы. Проблема неразличения типовых дискурсивных практик-сообщений, *уходящих и удалённых* от правды, требует более тщательной проработки и поиска дополнительных критериев, направленных на их функционально-семантическое разграничение. Вместе с тем, оказалось очевидным, что фреймовый анализ постправдивых дискурсивных практик-подделок помогает в определенной степени выявлять фейковизацию глобального коммуникативно-информационного пространства и активно противостоять ей. Вероятнее всего, обозначенная проблема в большей степени лежит в плоскости глобального противостояния акторов в коммуникативно-информационном пространстве и требует своего рассмотрения в аспекте их противоборства за репутационный капитал и борьбы за лидерство в глобальном мире [ср.: Бурдые, 2001]. Использование в этой борьбе разнообразного арсенала манипулятивных технологий обуславливает необходимость приступить к разработке комплексных программ, связанных с когнитивной безопасностью говорящего субъекта как активной личности в социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. Москва: Институт философии РАН, 1993. 218 с.
2. Беккер К. Словарь тактильной реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль. Вена: Селена, 2002. 128 с.
3. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции: пер. с фр. Москва: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с.
5. Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Макдональд Г. Правда. Как политики, корпорации и медиа формируют нашу реальность, выставляя факты в выгодном свете: пер. с англ. Москва: ООО «Альпина Паблишер», 2019. 346 с.
7. Минский М. Фрейм для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 152 с.
8. Мисонжников Б. Я. Медiateкст как субъект формирования мифосознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 3. С. 104-129. Доступ: www.tverlingua.ru. (дата обращения 16.10.2024).
9. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Москва: Институт языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. 183 с.

10. Романов А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход. Москва – Тверь: Институт языкознания РАН, 2002. 191 с.
11. Романов А. А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 1-35. Доступ: www.tverlingua.ru. (дата обращения 25.04.2024).
12. Романов А. А. «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2017. С. 205-214.
13. Романов А. А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. Москва: Ленанд, 2020. 264 с.
14. Романов А. А., Малышева Е. В. Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография. Воронеж: Истоки, 2016. Вып. 3. С. 166-169.
15. Романов А. А., Романова Л. А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Акмеология образования. 2005. Т. 11. № 2. С. 26-36.
16. Романов А. А., Романова Л. А. Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Тверь: Тверская ГСХА, 2020. С. 441-446.
17. Романов А. А., Романова Л. А. Манипулятивный потенциал коммуникативно-дискурсивного конструкта «запугивание» // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: Изд-во БФУ (Балтийск. федеральн. ун-та) им. И. Канта, 2023. С. 42-45.
18. Романов А. А., Романова Л. А. Агональная эристика политической рэп-дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные характеристики. Москва: Флинта, 2024. 360 с.
19. Романов А. А., Романова Л. А. Классификационные принципы формирования типологий фейковых сообщений // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024а. № 2. С. 16-63. Доступ: www.tverlingua.ru (дата обращения: 25.04.2024).
20. Романова Л. А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. Москва: Институт языкознания РАН. 2007. 120 с.
21. Романова Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. Москва: Институт языкознания РАН. 2009. 180 с.
22. Романова Л. А., Малышева Е. В., Морозова О. Н., Романов А. А. Политическое ТВ-интервью в противостоянии постправдивым информационным посланиям // Военная журналистика в современном мире. Санкт-Петербург, 2023. С. 183-194.
23. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: Теория и метод: пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм? // Аргументы и Факты. 2005. № 12. Доступ: <https://archive.aif.ru/archive/1640045>. (дата обращения: 10.09.2024). [АиФ].

REFERENCES

1. Alekseeva, I. Yu. (1993). *Chelovecheskoe znanie i ego kompyuternyy obraz* [Human knowledge and its computer image]. Moskva: Institut filosofii RAN. (In Russ.).
2. Bekker, K. (2002). *Slovar taktilnoy realnosti: Kulturnaya intelligentsiya i sotsialnyy control* [Dictionary of Tactile Reality: Cultural Intelligence and Social Control]. Vena: Selena. (In Russ.).
3. Boldyrev, N. N., Grigoreva, V. S. (2020). *Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse* [Dominant principle and integrative format of speech interaction in dialogic discourse]. Tambov: Print-Servis. (In Russ.).
4. Bodriyyar, Zh. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]: per. s fr. Moskva: Izdatelskiy dom «Postum». (In Russ.).
5. Burde, P. (2001). *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
6. Makdonald, G. (2019). *Pravda. Kak politiki, korporatsii i media formiruyut nashu realnost, vystavlyaya fakty v vygodnom svete* [True. How politicians, corporations and media shape our reality by putting facts in the best light]: per. s angl. Moskva: ООО «Alpina Publisher». (In Russ.).
7. Minskij, M. (1979). *Freyms dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Moskva: Yenergiya. (In Russ.).
8. Misonzhnikov, B. Ya. (2024). Mediatekst kak subekt formirovaniya mifosoznaniya [Mediatext as a subject of the mythocosis formation]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 3. Pp. 104-129. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 16.10.2024). (In Russ.).
9. Romanov, A. A. (1988). *Sistemnyy analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [System analysis of the regulative means of dialogue communication]. Moskva: Institut yazykoznaniya AN SSSR; Kalininskiy SKHI. (In Russ.).
10. Romanov, A. A. (2002). *Politicheskaya lingvistika: funktsionalnyy podkhod* [Political linguistics: a functional approach]. Moskva – Tver: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
11. Romanov, A. A. (2016). «Okno diskursa» kak regulativnyy mekhanizm rasprostraneniya i vnedreniya «virusnoy» informatsii: dva podkhoda [«Discourse window» as the regulative mechanism of dissemination and introduction of «viral» information: two approaches]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 4. Pp. 1-35. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 25.04.2024). (In Russ.).
12. Romanov, A. A. (2017). «Okno diskursa» kak tekhnologiya izmeneniya predstavleniya o realnosti [«Discourse window» as a technology of changing the perception of reality]. In *Yazykovoy diskurs v sotsialnoy praktike*. Tver: Tverskoy gos. un-t. Pp. 205-214. (In Russ.).
13. Romanov, A. A. (2020). *Lingvopragmaticheskaya model rechevogo upravleniya dialogom: sistemnyy analiz s primerami iz russkogo i nemetskogo yazykov* [Lingupragmatical model of speech management in dialogue: system analysis with examples from Russian and German]. Moskva: Lenand. (In Russ.).
14. Romanov, A. A., Malysheva, E. V. (2016). Semanticheskoe manipulirovanie kak forma setevogo vozdeystviya [Semantic manipulation as a form of network influence]. In *Psiholingvistika i leksikografiya*. Voronezh: Istoki. Iss. 3. Pp. 166-169. (In Russ.).
15. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2005). Performativnye rechevye akty v paradigme sotsialnogo konstruksionizma [Performative speech acts in the paradigm of social constructionism]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Ser.: Akmeologiya obrazovaniya. Vol. 11. No 2. Pp. 26-36. (In Russ.).
16. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2020). Feyk vs fakt v informatsionnoy borbe za reputatsionnyy kapital [Fake vs fact in the information fight for reputation capital].

In *Tsifrovizatsiya v APK: tehnologicheskie resursy, novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni*. Tver: Tverskaya GSKHA. Pp. 441-446. (In Russ.).

17. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2023). Manipulyativnyy potentsial kommunikativno-diskursivnogo konstrukta «zapugivanie» [Manipulative potential of communicative-discursive construct «intimidation»]. In *Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kultura*. Kaliningrad: Izd-vo BFU (Baltiysk. federaln. un-ta) im. I. Kanta. Pp. 42-45. (In Russ.).

18. Romanov, A. A., Romanova, L. A. *Agonalnaya yeristika politicheskoy ryep-diskursii: tipovye raznovidnosti, funktsii i suschnostnye harakteristiki* [Agonal eristic of political rap-discourse: typical varieties, functions and essential characteristics]. Moskva: Flinta, 2024. (In Russ.).

19. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2024). Klassifikatsionnye printsipy formirovaniya tipologiy feykovykh soobscheniy [Classification principles of the typology of fake messages]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 2. Pp. 16-63. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 25.04.2024). (In Russ.).

20. Romanova, L. A. (2007) *Konstruktivnaya semantika kriptoklassa angliyskikh prilagatelnykh razmera v diakhronii i sinkhronii* [Constructive semantics of the cryptoclass of English adjectives in diachrony and synchrony]. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).

21. Romanova, L. A. (2009). *Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnykh performativov v funktsionalnoy paradigme yazyka* [Structural-semantic aspects of composite performative in the functional paradigm of language]. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).

22. Romanova, L. A., Malysheva, E. V., Morozova, O. N., Romanov, A. A. (2023). Politicheskoe TV-intervyu v protivostoyanii postpravdivym informatsionnym poslaniyam [Political TV interview in opposition to the post-truth news messages]. In *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire*. Sankt-Peterburg. Pp. 183-194. (In Russ.).

23. Fillips, L. Dzh., Jorgensen, M. V. (2004). *Diskurs-analiz: Teoriya i metod* [Discourse analysis: theory and method]: per. s angl. Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyy Centr. (In Russ.).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Prezident Estonii Arnold Ryuytel: Razve my voskhvalyaem natsizm? [The President of Estonia Arnold Rüütel: Are we praising Nazism?]. In *Argumenty i Fakty*. 2005. No 12. Available at: <https://archive.aif.ru/archive/1640045>. (accessed: 10.09.2024).

Романов Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»
170100, Тверь, Желябова, 33

Romanov Aleksei A. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Federal State Budget Institution of Higher Education «Tver State University»
33, Gelyabova, Tver, 170100

Абросимова-Романова Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социальной работы и педагогики (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»
170100, Тверь, Желябова, 33

Abrosimova-Romanova Larisa A. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Social Work and Pedagogy (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Federal State Budget Institution of Higher Education «Tver State University»
33, Gelyabova, Tver, 170100

Поступила в редакцию 23 октября 2024 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811:134

© 2024 С. Н. Безус

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ СТАРОИСПАНСКОГО ЯЗЫКА XIV ВЕКА

В статье выявляются наиболее частотные (доминантные) синтаксические черты в староиспанском языке XIV века. Автор делает обзор труда Мартина Алонсо по синтаксису испанского языка XIV века (выполненного на материале прозаических и поэтических произведений), дополняя картину синтаксических доминант структурами из староиспанской деловой письменности.

Ключевые слова: *испанский язык, староиспанский язык, синтаксис, исторический синтаксис, словосочетание, деловая письменность.*

© 2024 S. N. Bezus

SYNTACTIC DOMINANTS OF THE OLD SPANISH LANGUAGE OF THE XIVTH CENTURY: STRUCTURE OF WORD COMBINATIONS

The present paper identifies the most frequent (dominant) syntactic features in the Old Spanish Language of the XIVth century. The author reviews the Martin Alonso's work on the syntax of the Spanish language of the XIVth century (based on the material of prose and poetry), supplementing the picture of syntactic dominants with structures from formal writing in Old Spanish.

Key words: *the Spanish language, the Old Spanish language, syntax, historical syntax, word combination, formal writing.*

Введение. Для наименования элементов действительности «каждому языку и каждой эпохе свойственны свои собственные средства выражения» [Матезиус, 1967: 445]. Непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью, прежде всего, языковые единицы, принадлежащие сфере синтаксиса (см. [Русская грамматика, 1980: 5]), т. е. словосочетания и предложения.

Синтаксис – самый консервативный в плане изменений сектор языка. Синтаксические вариации менее заметны по сравнению с графическими, лексическими и морфологическими, поэтому, как правило, они «*not good candidates for investigation*» [Kortmann, Wagner, 2010: 271] ‘не самые лучшие кандидаты для исследования’ (перевод с английского и испанского языков на русский здесь и далее сделан автором статьи – С. Б.). Главную причину в слабой изученности синтаксических вариаций Б. Кортманн и С. Вагнер, например, видят в том, что наиболее значимые синтаксические изменения требуют гораздо большего количества примеров, чем возможно собрать обычными методами в настоящее время [там же]. Видимо, поэтому, а также из-за трудностей,

сопровождающих практическое описание синтаксических особенностей, синтаксис называют то «гадким утенком» (el «*patito feo*» [Benito Mozas, 2008: 13]), то «Золушкой лингвистической науки» («*the Cinderella of linguistic science*» [Hegedüs, Fodor, 2012: 6]).

Работы в области исторического синтаксиса и вовсе немногочисленны. Этому есть вполне логичные объяснения: труднодоступность текстов, сложность в восприятии старинного языка, громоздкость синтаксических единиц, и, как следствие, трудоемкость процесса обработки языкового материала. По справедливому замечанию М. Суарес Фернандес, исследования по данной теме превращаются в «*una labor casi detectivesca*» [Suárez Fernández, 2007: 226] ‘почти детективное расследование’.

В отечественной испанистике труды, которые бы системно и глубоко раскрывали ключевые параметры (доминанты) синтаксиса староиспанского языка (т. е. испанского языка периода позднего средневековья) практически отсутствуют. В классических работах по истории испанского языка синтаксические особенности часто упоминаются вскользь, обобщенно либо, наоборот, фрагментарно (только некоторые аспекты) или через призму морфологических признаков (В. Шишмарев, Е. В. Литвиненко, В. П. Григорьев, Т. Б. Алисова).

В зарубежной испанистике историческому синтаксису испанского языка посвящен чуть ли не единственный фундаментальный труд М. Алонсо, хотя в комплексных работах по истории испанского языка Р. М. Пидалья [Menéndez Pidal, 1962], Р. Лапесы [Lapesa, 1962], Х. А. Айялы [Ayala, 1963], несомненно, также есть сведения о староиспанской синтаксической системе. Тем не менее, эти исследования были проведены более полувека назад на доступном на тот момент материале: как правило, ученые обращались к литературным произведениям (как прозаическим, так и поэтическим), научным трактатам, реже к некоторым текстам деловой письменности.

Таким образом, большой временной разрыв между первыми исследованиями исторического синтаксиса испанского языка и настоящим временем, скудное количество современных работ по данной проблематике, открытие новых документальных источников, появление современных способов обработки языкового материала, необходимость в уточнении, подтверждении и перепроверке полученных ранее данных обуславливает **актуальность** данного исследования.

Эпоха цифровизации предоставляет в настоящее время другие возможности для изучения староиспанского языка, в т. ч. его синтаксической организации. Так, например, одним из полновесных и авторитетных источников фактического языкового материала можно считать электронный архив CODEA (Corpus de Documentos Españoles Anteriores a

1700/1800/1900), т.е. *Корпус испанских документов до ... года* (далее *Корпус*). Постоянно дополняемый и обновляемый (версии CODEA, CODEA+, CODEA+2015), он превратился в лингвистический атлас диахронического и динамического развития испанского языка на материале деловой письменности. Последняя версия CODEA+2022, включает более 4000 каталогизированных и классифицированных деловых текстов, датированных между XI и XVIII вв.

Ресурс позволяет классифицировать документы автоматически в онлайн режиме по разным критериям: хронологическому, географическому, гендерному, по типу текста, по сфере функционирования, по ключевым словам и даже по имени писца. География манускриптов довольно обширна. Здесь собраны образцы деловой письменности из различных провинций Испании: Толедо, Мадрида, Вальядолида, Наварры, Саламанки, Севильи, Гвадалахары, Барселоны, Леона и т. д. Каждый документ представлен в трёх версиях: факсимильной, палеографической и расшифрованной (см. [Безус, 2019: 12-17]).

Масштабы и разнообразие *Корпуса* дают основание делать не только социокультурные выводы (например, о работе нотариусов, составлявших тексты, об их образовании, о территориях, на которых они исполняли свои обязанности, о периодах их деятельности), но и чисто лингвистические заключения, а именно, о процессе становления испанского языка Пиренейского полуострова.

Введение в научный оборот текстов данного корпуса, применение методов автоматической обработки данных обеспечивает **новизну** настоящей работы.

Материалом исследования послужили староиспанские тексты деловой письменности, относящиеся к XIV веку (305 документов из архива CODEA+2015 общим объемом 245500 словоупотреблений). Памятники деловой письменности средневековой Испании представлены документами королевской, муниципальной, церковной, нотариальной канцелярии: *acuerdos de compra-venta / arrendamiento, donaciones, privilegios, mandates, testimonios, sentencias, confirmaciones, licencias* и т. п.

Цель исследования – сделать обзор имеющихся работ по историческому синтаксису испанского языка XIV века, а также выявить дополнительные синтаксические доминанты на материале языка деловой письменности.

Основная часть. Говоря о средневековом периоде развития испанского языка, отечественные исследователи [Григорьев, 2006; Раевская, 2006; Шишмарев, 1941], как правило, прибегают к следующим терминам: *испанский романсе* (язык, который объединяет исторические диалекты некоторых романских языков, например, *romance castellano, romance leonés, romance ovetense* [Григорьев, 2006: 37]), *староиспанский язык*

или **средневековый испанский** (испанский язык Пиренейского полуострова, функционировавший в XI-XV вв.). Испанские исследователи оперируют понятием *lengua española*, под которым понимается в широком смысле кастильский романсе как язык «*absorbido en sí otros dos romances principales hablados en la Península (el leonés y el navarro-aragonés)*» [Menéndez Pidal, 1962: 2] ‘вобравший в себя два других главных романсе Пиренейского полуострова (леонский и наварро-арагонский)’. Термин *lengua castellana*, вначале использовавшийся Королевской Академией применительно к языку средневековой Испании, был отвергнут в пользу *lengua española*.

В настоящей работе используется термин **староиспанский язык**, который не только указывает на территориальную принадлежность анализируемых текстов, но и обозначает **языкового предшественника современного испанского языка**. Таким образом, под «староиспанским языком» мы понимаем обработанный письменный язык как средневекового королевства Кастилии и Леона, так и Наварры и Арагона, **доминантой** которого был **кастильский вариант романсе**, на чьей базе позднее сложился литературный испанский язык.

В «*Очерках по истории языков Испании*» В. Шишмарева вопросам синтаксиса староиспанского языка (= предшественник кастильского) посвящено не более двух страниц. По словам автора «синтаксис представлен в книге слабее морфологии и фонетики» [Шишмарев, 1941: X]. Объясняется это состоянием исторического изучения испанского языка на тот момент. В *Очерках* отмечаются следующие синтаксические особенности староиспанского языка (заметим, что некоторые из них больше относятся к морфологии): «1) расширение круга пользования неопределённым членом; 2) необязательность употребления предлога *a* с дополнением, выражающим лицо; 3) ослабление значения существительного *homo / omne* и его функционирование как местоимения; 4) переход наречий *ibi / inde* в функцию местоимений; 5) недостаточно чёткое различие временных оттенков глаголов» [Безус, 2019: 76-77].

В дальнейших исследованиях по истории испанского языка отечественные испанисты, как правило, ограничиваются описанием синтаксических свойств отдельных частей речи или членов предложения [Алисова, Репина, Таривердиева, 2007: 386-388; Григорьев, 2006: 163-171; Литвиненко, 1983: 68-72] и / или общими замечаниями, типа «для синтаксиса этого периода характерна множественность и разнообразие формообразующих компонентов начинающегося письменного языка, отсутствие нормы» [Григорьев, 2006: 155] (разрядка наша – С. Б.). (Позволим себе с осторожностью отнестись к данному суждению по нескольким причинам: «во-первых, не приводится

конкретных примеров, демонстрирующих отсутствие нормы в синтаксисе; во-вторых, не определяется сам термин «синтаксическая норма»; в-третьих, если норма – это ясное изложение (согласно, например, критериям нормативности А. М. Пешковского [Пешковский, 1925: 61]), то хотелось бы отметить, что письменные памятники альфонсийской эпохи (которую как раз и имеет в виду В.П. Григорьев), именно со стороны синтаксиса, редко вызывают затруднение при чтении и понимании, и, с точки зрения синтаксиса, произведения Альфонса X оформлены вполне нормативно» [Безус, 2019: 77].)

Одно из последних отечественных исследований, посвященных историческому развитию испанского языка, является работа М. М. Раевской «*Испанский язык XVI-XVII вв. и испанское языковое сознание ...*». Автор раскрывает особенности синтаксиса словосочетания и предложения (в основном сложного) испанского языка Золотого века на материале средневековых грамматик и некоторых литературных произведений.

В зарубежной испанистике наиболее значимым трудом по историческому синтаксису испанского языка, без сомнения, является книга Мартина Алонсо «*Evolución sintáctica del español*» («Синтаксическая эволюция испанского языка»), в которой XIV веку посвящен целый раздел. По словам автора XIV век в Испании является литературным мостом к эпохе Возрождения, а с грамматической точки зрения – столетием перехода и укрепления сложившихся форм, а также латинизации синтаксиса. В испанском языке XIV века исследователь различает три наиболее показательных вида синтаксиса: 1) обработанный (правильный) синтаксис в произведениях Хуана Мануэля; 2) поэтический (любовный) синтаксис Хуана Руиса; 3) морально-дидактический синтаксис раввина Сем Тоб ибн Ардутиэля.

Дон Хуан Мануэль (племянник Альфонсо X Мудрого), первый интеллектуал XIV века, вошел в историю как военный, политик и как писатель, обладающий собственным стилем. Его произведение «Граф Луканор» считается лучшим образцом прозы XIV века.

Хуан Руис или Архипресвитер Итский (Arcipreste de Hita) – один из лучших поэтов средневековой Европы, автор «Книги благой любви», который впервые заставил звучать на кастильском языке «синтаксис любви»: «*por primera vez hizo resonar en castellano la sintaxis del amor*» [Alonso, 1964: 165]. Кроме того, в его повествовательной поэзии отражается живая, разговорная речь XIV века.

Сем Тоб ибн Ардутиэль (Шем-Тоб де Каррион) – поэт еврейского происхождения, который писал на кастильском. Считается родоначальником афористической литературы.

В синтаксисе Дона Хуана Мануэля (1282–1348 гг.) Мартин Алонсо выявил ряд характерных особенностей. Вот некоторые из них:

1) опущение артиклей перед определенными именами существительными типа *parayso* ‘рай’: *que cosa es PARAYSO* [Alonso, 1964: 168] ‘что это за вещь такая, РАЙ’;

2) использование только ударной формы личного местоимения *mí*: *a MÍ paresce* ‘МНЕ кажется’. Плеоназм, который объединяет ударную и безударную формы местоимений, Алонсо считает редким явлением: *ME peresce a MÍ*, *ME faze a MÍ* [там же] ‘заставляет МЕНЯ’;

3) употребление формы *lo* (так называемый *лоизм*) в дательном падеже: *LOS deue seer buen compañero* [там же] ‘он ИМ должен стать хорошим товарищем’;

4) местоимения *qui* ‘который’ и *quien* ‘кто’ обозначают человека / лицо и взаимозаменяемы в качестве подлежащего;

5) употребление *QUE* ‘который’ с винительным падежом (*la*) вместо *CUYO* ‘чей’: *ay otros árboles QUE LA su fruta se come lo de fuera et non lo de dentro* [там же] ‘есть другие деревья, из плодов которых едят то, что снаружи, а не то, что внутри’ (*que la su fruta* вместо *de cuya fruta* ‘из чьих плодов’);

6) употребление различных предлогов с инфинитивом: *que A IR se avían* ‘что пойти они собирались’; *es mejor DE les DAR las espadas* [Alonso, 1964: 169] ‘лучше дать им мечи’. (Последний пример демонстрирует также употребление безударного местоимения в препозиции к инфинитиву (в совр. исп.: *de darles*)).

К особенностям синтаксиса Хуана Руиса (ок. 1283 г. – ок. 1350 г.) Мартин Алонсо относит такие черты, как:

1) опущение определенного артикля у существительных мн. ч., сопровождающих местоимением *todo*: *TODAS cosas caseras* [Alonso, 1964: 169] ‘все домашние вещи’;

2) опущение артиклей перед некоторыми именами существительными (в основном абстрактными): *purgatorio* ‘чистилище’, *paraíso* ‘рай’, *mundo* ‘мир’, *cielo* ‘небеса’, *infierno* ‘ад’: *pero a purgatorio lo va todo a purgar* [там же] ‘но в чистилище идет все, чтобы очиститься’;

3) дублирование имени в звательном падеже приложением, детерминированным определенным артиклем (*los*) и притяжательным прилагательным (*mis*): *ay OJOS, los mis OJOS* [там же] ‘ах глаза, мои глаза’.

4) неустойчивое употребление определенного артикля с названиями дней недели: *lunes antes del alba comencé mi camino* ‘в понедельник перед рассветом я начал свой путь’; *que el martes quisiese yr ver su mercado* [там же] ‘что во вторник захотел пойти увидеть его рынок’;

5) появление (уже!) неопределенного артикля: *carnicero en UN río andava* [там же] ‘мясник по реке плыл’;

6) употребление предлога *a* (который в более раннем варианте испанского языка опускался) с винительным падежом, относящимся к одушевленному лицу. (Следует заметить, что данную черту синтаксиса Мартин Алонсо не иллюстрирует примером. Однако далее приводится фраза «*toda muger los ama omnes apercebydos*» [Alonso, 1964: 170] ‘«любая женщина любит порочных мужчин»’, комментирующая уже другую черту: отделение местоимения-дополнения (*los*) глаголом [от имени существительного]. Предлог *a* здесь перед винительным падежом отсутствует [*los ama A (?) omnes*]. Видимо, указанная особенность нуждается в уточнении и подтверждении другими примерами);

7) дистантное расположение некоторых наречий по отношению к определяемому слову: *MUCHO sería villano* [Alonso, 1964: 171] ‘он был бы сильным злодеем’;

8) маркирование агента действия предлогом *de* (вместо *por*) в пассиве: *es DE juez condenado* [Alonso, 1964: 171] ‘он, судьей приговоренный’.

В синтаксических структурах равинна Сем Тоб ибн Ардутиэля (ок. 1290–1369 гг.), согласно исследованию М. Алонсо, наблюдаются следующие тенденции:

1) опущение артикля перед абстрактными существительными (в т. ч. с предлогами), явлениями природы: *verdat e paz* ‘правда и мир’, *cobdicia* ‘сребролюбие’, *quando viento se levanta* ‘когда поднимается ветер’, *por miedo de pecados* ‘из страха грехов’ [там же];

2) употребление артикля в именном словосочетании (сущ. + прил.): *EL omne noble* [там же] ‘благородный муж’;

3) вариативное употребление определенного артикля с именным словосочетанием притяж. прилагат. + сущ. (т. е. в посессивной конструкции): *EL su fecho* ‘его поступок’, *sus letras y sus versos* ‘его письма и его стихи’ [Alonso, 1964: 172];

4) редкое употребление неопределенного артикля;

5) опущение артикля в превосходной степени: *peor compañia destas* [там же] ‘худшая из этих компаний’;

6) плеонастическое употребление личного местоимения: *atal mesmo la faze qual YO QUIERO la cosa* [там же] ‘он это делает так же, как я хочу’. (В данном примере, возможно, речь не идет об избыточном употреблении местоимения *yo*. Наличие местоименного подлежащего здесь оправдано стихотворным размером: первая строка всего афоризма «*Si me pesa o plaze, si fea o hermosa*», имеет следующий ритмический рисунок:
_ _ / _ _ / _ _ / _ _ _ / _ , т. е. 10 неударных (2 + 2 + 2 + 3 + 1) и 4 ударных слога. Вторая строка «*atal mesmo la faze qual yo quiero la cosa*» имеет немного другой ритмический

рисунок __ / __ / __ / __ / __, однако в совокупности также состоит из 10 неударных (2 + 2 + 3 + 2 + 1) и 4 ударных слогов. Опускание в этом случае местоимения *yo* нарушило бы ритмическую структуру стиха);

7) употребление указательного местоимения среднего рода в придаточных: *por ESO el plazer del omre crecer deve* [там же] ‘ПОЭТОМУ удовольствие человека должно возрасть’. (С нашей точки зрения, данный пример более интересен позицией инфинитива (*crecer*) по отношению к финитному глаголу (*deve*), т. е. данное сочетание образовано по формуле InfV, а не наоборот VInf, как это происходит в современном испанском языке);

8) употребление предлога *a* с винительным падежом, относящимся к одушевленному лицу: *A los sabios veer* [Alonso, 1964: 173] ‘увидеть мудрецов’;

9) употребление двойного отрицания в препозиции к глаголу (отрицательное местоимение + NO): *NINGUNT sabidor NO-L puso nombre* [там же] ‘ни один мудрец не дал ему имя’.

Картину синтаксических доминант испанского языка XIV века могут дополнить тексты другого формата и содержания, язык которых также представляет собой одну из разновидностей *обработанной формы языка*, отличительным признаком которой является «наличие определенного отбора и известной регламентации» [Серебrenников, 1970: 507]. Речь идет о текстах деловой письменности, которые не менее чем художественные произведения с «правильным синтаксисом» представляют интерес для лингвистического исследования. Это огромный пласт образцов функционирования староиспанского языка, обладающий весомым количественным показателем, официальным статусом и, что немаловажно, юридической силой (т. е. документальностью), заключающейся в указании даты и места составления документа, наличии подписи полномочного лица/лиц, печати как атрибута власти и др. признаков.

В староиспанском языке XIV века, зафиксированном в текстах деловой письменности, отмечаются следующие отличительные черты (доминанты), встречающиеся в различных документах, независимо от типа текста, авторства, места составления и проч.:

1. Наличие в составе посессивной местоименной конструкции определенного артикля: *LA SU última voluntad al tiempo deL SU finamiento* [CODEA+2015: 2067] ‘Вальядолид, 1302 г. – его последняя воля ко времени его кончины’; *LOS SUS ganados* [CODEA+2015: 2050] ‘Мадрид, 1303 г. – ваши стада’; *LOS NUESTROS muros* [CODEA+2015: 0287] ‘Мадрид, 1340 г. – наши стены’.

О данной особенности староиспанского языка также пишет Р. Менендес Пидаль. Однако автор считает, что она присуща только раннему периоду развития. Дальнейшее использование в именном словосочетании притяжательного местоимения с предшествующим определенным артиклем Пидаль квалифицирует как «диалектизмы в архаичных регионах: Сантандер, Самора, Миранда, Север Бургоса и т. п.» [Menéndez Pidal, 1962: 256].

В староиспанской деловой письменности данные образования [артиклъ + притяж. мест. + сущ.] встречаются и в ранних, и в достаточно поздних документах, география которых выходит за рамки ареала, указанного Пидалем. Ср.: «*EL MIO seello* [CODEA+2015: 0405] ‘Ла Рьоха, 1162 г. – моя печать’; *LA MIO terra* [CODEA+2015: 0450] ‘Леон, 1232 г. – моя земля’; *LOS SUS lugares* [CODEA+: 0533] ‘Вальядолид, 1294 г. – их места (земли)’; *LA NUESTRA cassa* [CODEA+: 0708] ‘Ла Рьоха, 1298 г. – наш дом’; *LOS MIS regnos e señorios* [CODEA+: 0544] ‘Вальядолид, 1412 г. – мои королевства и владения’» [Безус, 2019: 30].

В то же время, встречаются варианты посессивных конструкций без артикля: *mis bienes, mi muger, mio signo* НО *la dicha mi muger* [CODEA+2015: 2067] ‘Вальядолид, 1302 г. – (выше)названная моя жена’ (с лексемой *dicho* посессивная конструкция всегда содержит определенный артиклъ), что говорит о неустойчивости данного явления.

2. Маркирование агента действия предлогом **por** в пассиве: *el cual dicho testamento fue otorgado e ordenado POR el dicho Pascual Martínez* [CODEA+2015: 2067] ‘Вальядолид, 1302 г. – указанное завещание было составлено и предписано указанным Паскуалем Мартинесом’; *por los poderes a nós amas dichas las partes dados e otorgados POR los dichos concejos de Guadalfajara e Moherrando* [CODEA+2015: 0011] ‘Гвадалахара, 1399 г. – полномочиями, нам, двум указанным сторонам, предоставленными указанными советами Гвадалахары и Моэррандо’.

3. Употребление винительного падежа с инфинитивом: *Testigos que LA DICHA CLÁUSULA vieron e oyeron LEER* [CODEA+2015: 2067] ‘Вальядолид, 1302 г. – Свидетели, которые видели и слышали, как зачитали указанный пункт’.

4. Употребление формы *la* в дательном падеже: *dos mill maravedís en dineros que LA den de mis bienes* [CODEA+2015: 2067] ‘Вальядолид, 1302 г. – 2000 мараведи деньгами, которые Ей дадут из моего имущества’. (Ср. с п. 3 Хуана Мануэля).

5. Использование только ударной формы личного местоимения в дательном падеже: *lo dio A MÍ el rey don Sancho* [CODEA+2015: 0123] ‘Вальядолид, 1302 г. – это дал МНЕ король Дон Санчо’; *A VÓS don Sancho ... salud* [CODEA+2015: 0133] ‘Севилья, 1350 г. –

Вам дон Санчо ... привет'; *pedió A NÓS los dichos escrivanos* [CODEA+2015: 0280] 'Касерес, 1353 г. – попросил нас, вышеуказанных нотариусов'.

6. Неустойчивое употребление предлога *a* с винительным падежом, относящимся к одушевленному лицу. Так, например, в одном документе (Письмо инфанта Дона Хуана) встречается сразу два варианта данного явления. Ср.: *echara los sus clérigos d'ellas* (без предлога) [CODEA+2015: 0123] 'Вальядолид, 1302 г. – изгнал его священнослужителей из них (из церквей)'; *Pero Martínez desapoderó al obispo de las eglesias e echó d'ellas A los sus clérigos* (с предлогом) [там же] 'Перо Мартинес лишил епископа полномочий на церкви и изгнал из них его священнослужителей'.

7. Употребление названий дней недели без артикля. Ср.: *Dada en <...>, LUNES, día e fiesta de Santa María de 27 setiembre* [CODEA+2015: 0939] 'Наварра, 1315 г. – составлено в <...>, понедельник, в день и праздник Святой Марии 27 сентября'; *Facta carta VIERNES primero empués Santa Caterina, año Domini millesimo trecentesimo vicesimo septimo* [CODEA+2015: 0970] 'Наварра, 1327 г. – Составлено письмо в первую пятницу после дня Св. Катерины, в 1327 г. н.э.'; *en Trugiello, MARTES, treinta días de julio, era de mill e trezientos e noventa e un años en presencia de mí, García Mateos* [CODEA+2015: 0280] 'Касерес, 1353 г. – в Трухильо, во вторник, 30 июля, в год ЭРЫ 1391 в присутствии меня, Гарсии Матеоса...' (О датировке по системе ЭРА испаника см. [Безус, 2014; Безус, 2018]).

8. Употребление определенного артикля с существительными мн. ч., сопровождающих местоимении *todo*: *a TODOS LOS ALCALLES, de TODAS LAS CIBDADES* [CODEA+2015: 1431] 'Бургос, 1392 г. – всем алькальдам, из всех городов'; *TODOS LOS BIENES del concejo d'esta dicha villa* [CODEA+2015: 0011] 'Гвадалахара, 1399 г. – все имущество совета этого указанного города' (Ср. с п. 1 Хуана Руиса).

В то же время в ед. ч. артикль после *todo* не употребляется: *toda verdat* [там же].

9. Неустойчивое употребление определенного артикля с прилагательным в превосходной степени: *LA mejor parte, mejor vista* [там же] 'лучшая часть, лучший вид' (Ср. с п. 5 Сем Тоба).

10. Появление в именной группе неопределенно артикля как с конкретными существительными, так и с абстрактными. Ср.: *en UN robre que está cerca de la majada* [CODEA+2015: 0011] 'Гвадалахара, 1399 г. – на дубе, который находится около загона'; *al cornijal de UNA tierra que es de Iváñez Gual de Malaguilla* 'на участок земли, которая [принадлежит] Ибаньесу Гуалю де Малагиля'; *UNA mata, UNA carrasca* [там же] – 'кустарник, каменный дуб'; *una concordia, una voluntat* [там же] 'согласие, воля'.

11. Употребление артикля среднего рода *lo*: *ninguna cosa de LO suyo* [CODEA+: 2050]

‘Мадрид, 1303 г. – ничего из вашего (букв.: никакая вещь из вашего)’; *LO mio / LO vuestro* ‘[все, что] мое / ваше’ [CODEA+: 0413] – 1323 г.; *contra LO en ella contenido* – ‘против того, что в нем [в письме] содержится’ [CODEA+: 1431] – Бургос, 1392 г.; *LO dubdoso, todo LO fecho así, todo LO sobredicho* [CODEA+2015: 0011] ‘Гвадалахара, 1399 г. – то сомнительное, все сделанное так, все сказанное’.

Обобщим и сравним некоторые синтаксические доминанты староиспанского языка XIV в. в таблице.

Таблица. Некоторые синтаксические доминанты староиспанского языка XIV в.

Синтаксическая доминанта	Хуан Мануэль	Хуан Руис	Сем Тоб	Деловая письменность
1. Определенный артикль в посессивной конструкции		+	+ –	+ –
2. Определенный артикль в названии дней недели		+ –		–
3. Предлог <i>de</i> для маркирования агента действия в пассиве		+		–
4. Предлог <i>por</i> для маркирования агента действия в пассиве				+
5. Предлог <i>a</i> с винительным падежом (одушевленное лицо)		+ –	+	+ –
6. Только ударная форма личного местоимения в дательном падеже	+			+
7. <i>Loísmo/laísmo</i> в дательном падеже	+			+
8. Определенный артикль после <i>todo</i> с сущ. мн. ч.		–		+
9. Превосходная степень прилагательного без определенного артикля			+	+ –
10. Неопределенный артикль		+	+	+
11. Артикль среднего рода <i>lo</i>				+

+ наличие признака

– отсутствие признака

Выводы. Регулярное воспроизведение в староиспанских текстах (независимо от принадлежности к функциональному стилю) тех или иных языковых явлений (в частности, синтаксических конструкций) дает основание говорить о характерных типологических признаках староиспанского языка, о закреплении частотных форм, о «цементировании» общей НАДнациональной языковой основы и, как следствие, о становлении языковых норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т. Б. Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. Москва: Высшая школа, 2007. 453 с.
2. Безус С. Н. Особенности реквизита «дата» в деловых письмах средневековой

Испании // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 10-22.

3. Безус С. Н. Перевод датировки староиспанских деловых писем на русский язык // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 404-409.

4. Безус С. Н. Староиспанское деловое письмо: морфосинтаксический аспект. Москва: РУСАЙНС, 2019. 156 с.

5. Григорьев В. П. История испанского языка. Москва: КомКнига, 2006. 176 с.

6. Литвиненко Е. В. История испанского языка. Киев: Вища школа, 1983. 215 с.

7. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. Москва: Прогресс, 1967. С. 444-523.

8. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. Ленинград-Москва, 1925. С. 54-67.

9. Раевская М. М. Испанский язык XVI-XVII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. Москва, 2006. 484 с.

10. Русская грамматика. Синтаксис / глав. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. Т. II. 709 с.

11. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Москва: Наука, 1970. 597 с.

12. Шишмарёв В. Очерки по истории языков Испании. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 338 с.

13. Alonso M. Capítulo VII: La Sintaxis se perfecciona y latiniza en el siglo XIV // Evolución sintáctica del español. Buenos Aires [Argentina]: Aguilar, 1964. P. 161-184.

14. Ayala J. A. Imagen de la lengua española. Introducción histórica. Universidad de Nuevo Leon: Monterrey, 1963. 137 p.

15. Benito Mozas A. Ejercicios de sintaxis. Teoría y práctica. Madrid: Editorial EDAF, S.L., 2008. 301 p.

16. Hegedüs I., Fodor A. Coins, clothes and corpora: Ways and means to refine investigations into the history of English // English Historical Linguistics 2010. Amsterdam, 2012. P. 1-11.

17. Kortmann B., Wagner S. Changes and continuities in dialect grammar // Eighteenth-Century English. Ideology and Change. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 269-292.

18. Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid: ESCELICER, S.A., 1962. 407 p.

19. Menéndez Pidal R. Manual de gramática histórica española. Madrid: Espasa-Calpe, 1962. 367 p.

20. Suárez Fernández M. El orden de constituyentes en el romance temprano. Las «Glosas Emilianenses» // Moenia. Revista lucense de lingüística e literatura. 2007. Vol. 13. P. 225-252.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Corpus de documentos españoles anteriores a 1800. Доступ: <https://corpuscodea.es/corpus/corpus2015/consultas.php>. (дата обращения: 29.09.2024). [CODEA+2015].

REFERENCES

1. Alisova, T. B., Repina, T. A., Tariverdieva, M. A. (2007). *Vvedenie v romanskuyu filologiyu* [Introduction to Romance Philology]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

2. Bezus, S. N. (2014). Osobennosti rekvizita «data» v delovykh pismakh srednevekovoy Ispanii [Peculiarities of the «date-line» in formal letters from medieval Spain]. In *Yazyk i kultura*. No 3 (27). Pp. 10-22. (In Russ.).

3. Bezus, S. N. (2018). Perevod datirovki staroispanских delovykh pisem na russkiy yazyk [Translation of the date in old Spanish formal letters into Russian]. In *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. No 3. Pp. 404-409. (In Russ.).

4. Bezus, S. N. (2019). *Staroispanское delovoe pismo: morfosintaksicheskiy aspekt* [Old Spanish formal letter: morphosyntactic aspect]. Moskva: RUSAYNS. (In Russ.).

5. Grigorev, V. P. (2006). *Istoriya ispanского yazyka* [History of the Spanish language]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).

6. Litvinenko, E.V. (1983). *Istoriya ispanskogo yazyka* [History of the Spanish language]. Kiev: Vyscha shkola. (In Spanish).
7. Matezius, V. (1967). Yazyk i stil [Language and style]. In *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok*. Moskva: Progress. Pp. 444-523. (In Russ.).
8. Peshkovskiy, A. M. (1925). Obektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk [Objective and normative point of view on language]. In *Metodika rodnogo yazyka. Lingvistika. Stilistika. Poetika*. Leningrad-Moskva. Pp. 54-67. (In Russ.).
9. Raevskaya, M. M. (2006). *Ispanskiy yazyk XVI-XVII vv. i ispanskoe yazykovoe soznanie: vzaimosvyaz i vzaimodeystvie* [Spanish language of the XVIth-XVIIth centuries and Spanish linguistic consciousness: interrelation and interaction]. Moscow. (In Russ.).
10. *Russkaya grammatika. Sintaksis* [Russian grammar. Syntax]. In N. Yu. Shvedova (ed.). Moskva: Nauka, 1980. Vol. II. (In Russ.).
11. Serebrennikov, B. A. (1970). *Obschee yazykoznanie. Formy suschestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Shishmaryov, V. (1941). *Ocherki po istorii yazykov Ispanii* [Essays on the history of the languages of Spain]. Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
13. Alonso, M. (1964). Capítulo VII: La Sintaxis se perfecciona y latiniza en el siglo XIV. In *Evolución sintáctica del español*. Buenos Aires [Argentina]: Aguilar. Pp. 161-184.
14. Ayala, J.A. (1963). *Imagen de la lengua española. Introducción histórica*. Universidad de Nuevo Leon: Monterrey.
15. Benito Mozas, A. (2008). *Ejercicios de sintaxis. Teoría y práctica*. Madrid: Editorial EDAF, S.L.
16. Hegedüs, I., Fodor, A. (2012). Coins, clothes and corpora: Ways and means to refine investigations into the history of English. In *English Historical Linguistics 2010*. Amsterdam. Pp. 1-11.
17. Kortmann, B., Wagner, S. (2010). Changes and continuities in dialect grammar. In *Eighteenth-Century English. Ideology and Change*. New York: Cambridge University Press. Pp. 269-292.
18. Lapesa, R. (1962). *Historia de la lengua española*. Madrid: ESCELCER, S.A.
19. Menéndez Pidal, R. (1962). *Manual de gramática histórica española*. Madrid: Espasa-Calpe, 1962.
20. Suárez Fernández, M. (2007). El orden de constituyentes en el romance temprano. Las «Glosas Emilianenses». In *Moenia. Revista lucense de lingüística e literatura*. Vol. 13. Pp. 225-252.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Corpus de documentos españoles anteriores a 1800. Available at: <https://corpuscodea.es/corpus/corpus2015/consultas.php> (accessed: 29.09.2024). [CODEA+2015].

Безус Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры романских языков (e-mail: luzazul@list.ru), Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» 123001, Москва, Б. Садовая, 14

Bezus Svetlana N. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Senior Lecturer of Department of Romance Languages (e-mail: luzazul@list.ru), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky 14, B. Sadovaya, Moscow, 123001

Поступила в редакцию 15 октября 2024 г.

УДК 81'42:81'27

© 2024 Н. А. Трофимова, Н. Л. Литарова

МАРГИНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИСПОВЕДИ

В статье рассматривается роль субстандартных средств выражения в формировании маргинальной языковой личности на примере поэзии двух известных французских бардов – Ж. Брассенса и Р. Сешана. Диахронический сопоставительный анализ лексико-стилистических кластеров вокабуляра двух авторов позволяет выявить основные тематические доминанты, притягивающие неконвенциональную лексику и фразеологию, приводит авторов к выводу о наличии диахронических пластов в арго и о флуктуации между разрядами сниженной узуальной лексики в современном французском языке.

Ключевые слова: арго, жаргон, лексический поэтический субстандарт, Брассенс, французский поэт-бард Рено, маргинальная языковая личность, поэтическая исповедь.

© 2024 N. A. Trofimova, N. L. Litarova

MARGINAL LINGUISTIC PERSONALITY IN THE FRENCH POETIC CONFESSION

The article examines the role of sub-standard means of expression in the formation of a marginal linguistic personality on the example of the poetry of the two famous French bards – G. Brassens and R. Séchan. A diachronic comparative analysis of the lexico-stylistic clusters of the vocabulary of the two authors allows us to identify the main thematic dominants that attract unconventional vocabulary and phraseology, leads the authors to the conclusion about the presence of diachronic layers in argot and about the fluctuation between the categories of reduced vocabulary in modern French.

Key words: argot, jargon, lexical poetic substandard, Brassens, French poet-bard Renaud, marginal linguistic personality, poetic confession.

Введение. Язык призван соединять, а не разобщать. Но любое объединение внутри целого чревато обособленностью. В социуме всегда найдутся различного рода сообщества, отличающиеся друг от друга по разным признакам и основаниям, в том числе и языковым. Одна из главных и актуальных проблем языкознания – изучение механизмов взаимодействия объединяющей и разделяющей функций, по определению Ф. де Соссюра, «социального языка» [Соссюр, 1990: 57]. В повестке дня *социолингвистики* – исследование социальной стратификации языка, языка социальных групп и сообществ, проявляющейся в «индивидуальности речи» каждого его носителя.

Действительно, в *дискурсивных исследованиях* приоритет закрепляется за особенными и индивидуальными характеристиками носителей языка. Дискурс напрямую связан с *когнитивными процессами* познания и отражения действительности человеческим интеллектом, присваивающим социальность языка, превращая её в индивидуальные творческие процессы мышления и самосознания «языковой личности»

[Шейпак, 2015: 205].

Объектом нашего исследования становится нарочитая маргинализация концептуальной и языковой идентичности авторов поэтических текстов – двух известных французских поэтов-бардов – Жоржа Брассенса (George Brassens) и Рено Сешана (Renaud). **Предметом** нашего рассмотрения становятся лексико-семантические проявления «арготирующих личностей» – классиков французской бардовской песни (ср. [Седых, Квитко, 2012: 95]). Задачи исследования формулируются как ответы на вопросы: какой именно вербально-семантический субстандарт отражает концептосферу и свод прагматических установок поэтического кредо одного и другого поэтов; чем языковой субстандарт одного отличается от другого.

Цель нашей работы – определить, как соединяются лингвистические социально-когнитивные механизмы [Ирисханова, 2014: 5] в индивидуальном сознании языковой личности, в представлении своей собственной языковой идентичности, которые мы рассматриваем на материале творчества двух французских поэтов-бардов, ставших символами французской музыкальной поэзии.

Постановка проблемы. Сопоставляя языковые личности двух поэтов-бардов, мы оказываемся в двух культурно-исторических периодах – послевоенной Франции 40-х–50х годов и Франции, вышедшей из культурно-социальных потрясений 1968 года. Поэтому нельзя не отметить объединяющий обоих авторов критический интеллект, окруженный духом общественного времени, пронизанный иронией, свойственной творческому самоощущению, стремлением идентифицировать себя в пространстве общественного бытия и общественного сознания.

Не случайно лирика обоих исполнителей авторских песен может быть названа *поэтической исповедью* – жанром, в котором поэты¹ «раскрывают гранки на тех местах, где искренность сама» (В. Высоцкий). Именно тогда проявляется личность лирического героя, и это *его самого автора*, исповедующегося в своих недостатках и прегрешениях, в отношении к себе и к людям, к обществу со всеми его текущими и вечными проблемами, когда раскрывается внутренняя *концептосфера языковой личности поэта*, его картина мира, его мнение о составляющих собственной идентичности [Казанский, 2009: 74; Трофимова, 2020: 50].

¹ Ж. Брассенс, хотя изучал профессионально поэтическое искусство и стихосложение, и первые его произведения носили более классический поэтический характер, «... не уставал подчеркивать «убогость своего дара». На вопрос: «Кто ты, Жорж? В основе своей поэт?» – он неизменно отвечал: «Нет, автор песен» [Брассенс, 1990: 10]).

Как известно, структура языковой личности (далее – ЯЛ) представляет собой единство когнитивного, вербально-семантического и прагматического уровней [Караулов, 1987: 34]. Когнитивный уровень отражает концептосферу личности, прагматический уровень отражает намерения, устойчивые интенциональные состояния личности, а вербально-семантический уровень формирует языковой портрет ЯЛ.

В преломлении к предмету нашего исследования сопоставление ЯЛ двух поэтов-бардов можно рассматривать на всех трех уровнях следующим образом:

– *когнитивный уровень*: ключевые концепты, отражающие в авторской песне когнитивные доминанты поэта, его иерархию ценностей, его «болевы точки», связанные с внутренним и внешним (социальным) мирами;

– *прагматический уровень*: выражение своей позиции, обращенной к аудитории, несущее обращение к Другому, заставляющее задуматься над реалиями происходящего, неприменный поиск понимания, призыв к мимезису (подражанию) и даже, почему бы и нет, – к поведению и действию;

– *вербально-семантический уровень* – самый «материальный» (низший) уровень, который и является главным субстратом, материей формирования авторского дискурса в его концептуальной и прагматической составляющих. Именно интерпретация этого материального, доступного восприятию коммуникативного уровня позволяет проникнуть в глубины духовного и интеллектуального тезауруса языковой личности поэта. Язык автора, его лексикон определяет *социальный этос* авторской языковой личности.

Самоидентификация напрямую связана с социумом, с осознанием принадлежности к тому или иному социолекту национального языка. Выбор собственного внутреннего и внешнего лексикона и способов его реализации может быть осознанным и неосознанным. Для поэтов и писателей этот выбор определяется их творческой идентичностью, интеллектуальной и духовной наполненностью их лирического героя, в котором аудитория должна узнавать и личность автора, и природу каждого себя – себя того, кому адресовано поэтическое послание, обрамленное близкой слушателю музыкальной формой.

Общим для обоих поэтов является их *маргинальность* по отношению к социуму в его культурных и языковых ипостасях. *Вызов* – вот тот метаконцепт, который отражает сущность языковой личности каждого из них. Поэтому общей становится для них *невозможность* употребления нормативных средств выражения, возвышенной, «поэтической» лексики. Их лирический герой, их «второе я» – маргинал – в мыслях и в поступках, в суждениях и оценках, в речи, в поведении и в пренебрежении нормами общественной морали и социального «стендинга». Риторика такого вызова прорастает

эристикой [Кондаков, 1998: 395].

Тем не менее, проявления эристического самовыражения особенны для каждого из наших «авторов песен».

У Брассенса, которого называют нонконформистом и Вийоном 20 века [Bouchard], эристика на концептуальном уровне – это игнорирование норм общественной морали, манифестации личности, для которой гармония внутреннего мироощущения ни в коей мере не зависит от стереотипов и норм общественного поведения. Его эристическая идентичность зиждется на *отрицании* традиционно сформировавшихся концепций любви, отношения к смерти, *возвышении* дружеского братства («*Les copains d'abord*» ‘Первым делом пацаны’), абсолютного гедонизма и эпикурейства даже на смертном одре, даже в могиле («*Supplique pour être enterré à la plage de Sète*» ‘Просьба похоронить меня на пляже в Сете’) [Brassens]:

Et quand prenant ma butte en guise d'oreiller,
Une ondine viendra gentiment sommeiller,
Avec rien que moins de costume,
J'en demande pardon par avance à Jésus,
Si l'ombre de sa croix s'y couche un peu
dessus,
Pour un petit bonheur posthume.

Когда, облюбовав мой холмик знойным
днем,
Русалочка вздремнет, раскинувшись, на
нем,
Вся обнаженная под солнцем,
Я загодя прошу прощенья у небес,
Когда, отбросив тень, недремлющий мой
крест
С таким блаженством к ней прижмется
(перевод – А. Аванесов) [Аванесов]

Брассенс считается приверженцем традиции индивидуального анархизма, не затрагивающего социальные проблемы [Calvet, 1995: 18]. Тем не менее, он высмеивает моральную нечистоплотность служителей церкви, ханжество обывателей, тупость военных, с симпатией относясь к низшим кругам городского и сельского населения – простакам, убогим, беднякам, клошарам (clochard / SDF – бомж), проституткам [Soetaert, 2007: 34]. Его язык определяет *исконное арго* криминальной и деликвентной среды, просторечие, вульгаризмы. Эристическими можно считать и его тематические (фреймовые) экскурсии в физиологию («*La gorille*»), плотскую любовь, описываемую лексикой достаточно фривольной и даже вульгарной («*J'suis l'pornographe du phonographe / Le polisson de la chanson*» ‘Я порнограф фонографа, песенный распутник’) (ср. [Szabó, 2021]).

Герой Рено Сешана – «дитя улицы», этакий «вечный подросток», парижский Гаврош² (*le titi parisien*), отрицающий авторитеты, презирающий «долгую и счастливую жизнь»

² Гаврош – персонаж романа В. Гюго «Отверженные» (1862), парижский бездомный сорванец, который погибает от пули на баррикаде в Париже (Июньское восстание 1832г.). Имя стало нарицательным для беспризорников во всём мире.

(«*J'voudrais crever avant d'êt' moche. Il faut finir comme toi, mon vieux Gavroche*» '«Хотел бы сдохнуть раньше мерзкой старости, Закончить как ты, мой приятель Гаврош»'). Это парень из уличной «банды» («*Je suis une bande de jeunes*»), но с тонкой и ранимой душой («*J'ai la vie qui m'pique les yeux*» '«Мне щиплет жизнь глаза»'), ищущий любви и гибнущий от равнодушия толпы и произвола всемогущего истеблишмента [Renaud]:

J'ai une balle dans le ventre,
Une autre dans le poumon.
J'ai vécu à Sarcelles
J'crève aux Champs Elysés
Je vois la France entière du
fond de mes ténèbres
Les charognards sont là la mort ne vi
ent pas seule
J'ai la connerie humaine comme
oraison funèbre
Le regard des curieux comme
unique linceul
«C'est bien fait pour ta gueule
Tu n'es qu'un p'tit salaud
On n'portera pas le deuil
C'est bien fait pour ta peau»

Жах! пуля в животе, другая в легких – жах!
И надо ж так, всю жизнь жить на задворках,
А сдохнуть здесь на Елисейских их Полях...
Как будто вновь я вижу
Лики Франции
Сквозь мрак в глазах в сознании своём.
Мне *кажется*, иль *вижу* я «цвет нации» –
На смерть мою слетелось вороньё.
Их глупый бред заменит
Эпитафию,
А глупый взгляд покрое тело всё.
«Ну что, допрыгался, придурок, – скажут.
Так получи, что заслужил, подлец.
И траур по тебе носить не станут,
И не заплачут, сдохни, наконец!»

(перевод – Н. Литарова)

Как же достигается интеллектуально-духовный вызов маргинальности героев Брассенса и Рено? Главное происходит именно на материальном вербальном уровне с заниженных, не вполне конвенциональных или вовсе неконвенциональных средств выражения, которые классифицируются, как правило, в словарных пометах: *familier*, *vulguère*, *argo* и т. п.

Ход и результаты исследования. Анализ проводился на базе корпуса из 40 песен обоих авторов, представленных в Интернете (музыка, текст, перевод). Критерием отбора послужили жанровые ограничения, определяющие рассматриваемые произведения как поэтическую исповедь (формальные – первое лицо, как правило, отсутствие прямых обращений к читателю, интертекстуальные вкрапления и др.) [Березко, 2014: 21]. Это, прежде всего, обращение к идентификации своего поэтического «Я» через эмоционально-оценочное отношение к главным философским концептам, создающим в совокупности концептосферу личности самого автора.

Жанр поэтической исповеди предполагает *покаяние* или, в случае рассматриваемых поэтических текстов, – ироническое псевдопокаяние, содержащее прагматику (иллюкцию) искреннего или нарочито притворного, *иронического самопорицания* (ср. [Трофимова, 2008: 176]).

Отсюда сниженная аксиологическая семантика фамильярной, вульгарной и

арготической лексики в исповедальных самооценках (табл. 1):

Таблица 1. Вербальная самоидентификация маргинальной языковой личности поэтов

Georges Brassens	Renaud Séchan
<i>J' suis l'pornographe du phonographe; Il me laisse dire merde, je lui laisse dire amen; À toute exhibition ma nature est rétive, / Souffrant d'un 'modesti' quasiment malade, / Je ne fais voir mes organes procréateurs / À personne, excepté mes femm's et mes docteurs; Je plonge dans le stupre et la fornication; Avec qui, ventrebleu ! faut-il que je couche...</i>	<i>J' suis un loubard parmi tant d'autres / Je crèche pas loin de la Défance / j'ai l'air crado, c'est pas ma faute / Mon HLM n'est pas Bizance; J'ai la vie qui m'pique les yeux / j'ai mon petit coeur qu'est tout bleu / dans ma tête j' crois bien qu'il pleut / Pas beaucoup, mais un p'tit peu / Dans mes doigts, y a rien qui tient / Dans ma peau, y a qu' du chagrin...</i>

Косвенной самопрезентацией языковой личности поэтов является общая частотность сниженной лексики, в частности, эксплетивов и инвективов, – направленных в чей-то адрес, либо выполняющих эмотивную функцию [Лисенкова, 2010: 40; Трофимова, 2010: 514]. Объем эксплетивной лексики у обоих авторов значителен. Достаточно привести пример лишь одной песни Брассенса, состоящей исключительно из «трехэтажных» бранных выражений, отчасти достаточно устаревших и почти «олитературенных»:

LA RONDE DES JURONS (Хоровод ругательств):

Tous les morbleus, tous les ventrebleus	Les scrogneugneus et les bigre et les bougre,
Les sacrebleus et les cornegidouilles	Les saperlottes, les cré nom de nom,
Ainsi parbleu que les jarnibleus	Les peste, et pouah, diantre, fichtre et foutre,
Et les palsambleus	Tous les Bon Dieu,
Tous les cristis, les ventres saint-gris	Tous les vertudieux,
Les par ma barbe et les noms d'une pipe	Tonnerre de Brest et saperlipopette,
Ainsi pardi que les sapristis	Ainsi, pardieu, que les jarnidieux
Et les sacristis	Et les pasquedieux.
Sans oublier les jarnicotons...	[Brassens]

Субстандартное лексическое выражение концептосферы каждого из поэтов – арготическое, просторечие, вульгаризм (в т. ч. эксплетив и инвектива) – позволяет выделить концептуальные доминанты Ж. Брассенса (ФИЗИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ vs ДРУЖБА) и Рено Сешана (ДУХОВНАЯ УЩЕРБНОСТЬ vs СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ), которые *притягивают ненормативные лексико-фразеологические средства реализации* языковой личности каждого поэта-барда. Сопоставительное исследование показало, что субстандарт на рассмотренном материале представлен в трех основных категориях: просторечие (*familier*), вульгаризмы (*vulguère*), арготизмы (*argo*) в соответствии с классификацией авторитетных словарей [DFC; Cellard, Rey, 1991]. Фрагментарно результаты можно представить в следующей таблице.

Таблица 2. *Квалитативные социолингвистические характеристики лексического субстандарта языковой личности поэтов*

Auteur	familier	vulguère	argo
Georges Brassens	<i>dépuceler, galipettes, fesses, partouze, cocus, trousser, courir le cotillon...</i>	<i>baiser, fornication; fureur utérine, ébats, avoir le feu au cul, foutre des morpions, merde, putain de..</i>	<i>bandaison, faire reluire, culbuter, croquer la pomme, le jeu de la bête à deux dos...</i>
Renaud Séchan	<i>crever, moche, saquer, flipper, bled, décaniller, bouffer, blairer...</i>	<i>connerie, bite, putain, merdique, chier, con, pédé, enculer, trou du cul, couilles, salope...</i>	<i>faire marron, laisse béton, morgane de..., beurs, gniouf, meuf, gonzesse, keuf, ripou</i>

Выводы. Сопоставляя языковые личности двух поэтов, наиболее рельефно отражающиеся в жанре поэтической исповеди, мы отмечаем два исторических состояния французского лексического субстандарта, два поколения разговорного сленга и особенно арго. Если «исконное» арго середины прошлого века затрагивало скорее специфические тематические фреймы (физиологические подробности человеческого быта, сексуальные отношения, криминально-маргинальные сферы – проституция, наркотики, денежные махинации), то современное арго не знает таких ограничений, перемещается в сферу бытового общения, обогащаясь процессами искусственного кодирования (*verlan*, *double verlan* и т. п.), свойственными молодежному языку. Необходимо также отметить, что границы между этими лексико-стилистическими и социолингвистическими категориями подвижны и открыты. Общей тенденцией является проникновение арготизмов в общенациональное просторечие и разговорный язык, в то время как обценная лексика и вульгаризмы теряют свою табуированность и также становятся узуальными словами обыденного французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березко А. Ф. Жанр исповеди в мировой художественной традиции. Гомель: ГГУ, 2014. 35 с.
2. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5-17.
3. Казанский Н. Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства. Москва: Собрание, 2009. Т. 6. С. 73-90.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Кондаков И. В. Эристика в культуре XX в. // Культурология. XX век. Энциклопедия. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 394-399.
6. Лисенкова Н. Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1 (177). С. 40-42.
7. Седых А. П., Квитко М. С. Арготирующая личность французского музыканта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (15). С. 95-98.
8. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. Москва: Прогресс, 1990. 275 с.

9. Трофимова Н. А. Оценочные глаголы в порицании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 84. С. 175-181.

10. Трофимова Н. А. Женские" инвективы (гендерный аспект оскорблений) // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗе. 2010. С. 514-517.

11. Трофимова Н. А. Особенности выражения мнения в немецкой культуре как часть немецкой концептосферы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2020. Т. 1. № 4. С. 48-55.

12. Шейпак С. А. Языковая личность и дискурсивный этос // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45). С. 204-210.

13. Bouchard E. Subversion et singularité dans les chansons de Georges Brassens. Доступ: https://www.academia.edu/3750449/Subversion_et_singularité_dans_les_chansons_de_Georges_Brassens. (дата обращения: 14.09.2024).

14. Calvet L.-J. Approche sémiologique des quelques chansons de Georges Brassens // Études littéraires. 1995. Vol. 27. No 3. P. 17-27.

15. Szabó D. Les mots du corps dans le langage de Georges Brassens. 2021. Доступ: <http://hdl.handle.net/10831/111623>. (дата обращения: 14.09.2024).

16. Soetaert D. George Brassens et les trompettes de la renommée // Romanesque 32ste jg., nr. 1, maart. 2007. P. 34-37.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cellard, J., Rey, A. Dictionnaire du français non conventionnel. Paris: Masson Hachette, 1991. 1015 p.

2. Dictionnaire du français contemporain (DFC). Réd. J. Dubois. Paris: Librairie Larousse, 1987. 1664 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Аванесов А. Брассенс по-русски. Доступ: https://lib.ru/SONGS/brassens/rusbrass3.txt_with-big-pictures.html. (дата обращения 14.09.2024).

2. Брассенс Ж. Стихи и песни. Москва: Радуга, 1990. 335 с.

3. Brassens G. Доступ: https://lyrsense.com/georges_brassens/supplique_pour_etre_enterre_a_la_plage_de_sete_gb. (дата обращения 14.09.2024).

4. Brassens G. La ronde des jurons. Доступ: <https://herr-freiherr.livejournal.com/50266.html>. (дата обращения 14.09.2024).

5. Renaud. Доступ: <https://genius.com/Renaud-jai-la-vie-qui-mpique-les-yeux-lyrics>. (дата обращения 14.09.2024).

REFERENCES

1. Berezko, A. F. (2014). *Zhanr ispovedi v mirovoy khudozhestvennoy traditsii* [The genre of confession in the world artistic tradition]. Gomel: GGU. (In Russ.).

2. Iriskhanova, O. K. (2014). Sotsiokognitivnaya lingvistika: struktury sotsialnykh znaniy i problemy ikh opisaniya [Sociocognitive linguistics: structures of social knowledge and problems of their description]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No 4. Pp. 5-17. (In Russ.).

3. Kazanskiy, N. N. (2009). Ispoved kak literaturnyy zhanr [Confession as a literary genre]. In *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. Moskva: Sobranie. Vol. 6. Pp. 73-90. (In Russ.).

4. Karaulov, Yu. N. (1987). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

5. Kondakov, I. V. (1998). Eristika v kulture 20 v. [Eristics in culture of the 20th century]. In *Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya*. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. Vol. 2.

Pp. 394-399. (In Russ.).

6. Lisenkova, N. N. (2010). Ekspletivnye elementy v yazykovoy sisteme (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Expletive elements in the language system (based on the material of modern English)]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No 1 (177). Pp. 40-42. (In Russ.).

7. Sedykh, A. P., Kvitko, M. S. (2012). Argotiruyuschaya lichnost frantsuzskogo muzykanta [The argot personality of the French musician]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 4 (15). Pp. 95-98. (In Russ.).

8. Saussure, F. (1990). Zametki po obshchey lingvistike [Notes on general linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

9. Trofimova, N. A. (2008). Otsenochnye glagoly v poritsanii [Evaluative verbs in censure]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No 84. Pp. 175-181. (In Russ.).

10. Trofimova, N. A. (2010). Zhenskies" invektivy (gendernyy aspekt oskorbleniy) [Women's" invectives (gender aspect of insults)]. In *Professionalno-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku i perevodu v VUZe*. Pp. 514-517. (In Russ.).

11. Trofimova, N. A. (2020). Osobennosti vyrazheniya mneniya v nemetskoj kulture kak chast nemetskoj kontseptosfery [Features of expression of opinion in German culture as part of the German conceptual sphere]. In *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Filologicheskie nauki*. Vol. 1. No 4. Pp. 48-55. (In Russ.).

12. Sheypak, S. A. (2015). Yazykovaya lichnost i diskursivnyy etos [Linguistic personality and discursive ethos]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No 3 (45). Pp. 204-210. (In Russ.).

13. Bouchard, E. *Subversion et singularité dans les chansons de Georges Brassens*. Available at: https://www.academia.edu/3750449/Subversion_et_singularité_dans_les_chansons_de_Georges_Brassens. (accessed: 14.09.2024).

14. Calvet, L.-J. (1995). Approche sémiologique des quelques chansons de Georges Brassens. In *Études littéraires*. Vol. 27. No° 3. Pp. 17-27.

15. Szabó, D. (2021). *Les mots du corps dans le langage de Georges Brassens*. Available at: <http://hdl.handle.net/10831/111623>. (accessed: 14.09.2024).

16. Soetaert, D. (2007.). George Brassens et les trompettes de la renommée. In *Romaneske* 32ste jg., nr. 1, maart. P. 34-37.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Cellard, J., Rey, A. (1991). *Dictionnaire du français non conventionnel*. Paris: Masson Hachette.

2. *Dictionnaire du français contemporain* (DFC). Réd. J. Dubois. Paris: Librairie Larousse, 1987.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Avanesov, A. *Brassens po-russki* [Brassens in Russian]. Available at: https://lib.ru/SONGS/brassens/rusbrass3.txt_with-big-pictures.html. (accessed: 14.09.2024). (In Russ.).

2. Brassens, G. (1990). *Stikhi i pesni* [Poems and songs]. Moskva: Raduga. (In Russ.).

3. Brassens, G. *La ronde des jurons*. Available at: https://lyrsense.com/georges_brassens/supplique_pour_etre_enterre_a_la_plage_de_sete_gb. (accessed: 14.09.2024).

4. *Renaud*. Available at: <https://genius.com/Renaud-jai-la-vie-qui-mpique-les-yeux-lyrics>. (accessed: 14.09.2024).

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода (e-mail: nelart@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» 191023, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 30-32, литера А

Литарова Ника Леонидовна – студент Института магистратуры (e-mail: niki-b@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» 191023, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 30-32, литера А

Trofimova Nella A. – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology and Translation (e-mail: nelart@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg State University of Economics» 30-32, letter A, Griboyedov Canal nab., St. Petersburg, 191023

Litarova Nika L. – Master Degree Student of the Institute of Magistracy (e-mail: niki-b@rambler.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg State University of Economics» 30-32, letter A, Griboyedov Canal nab., St. Petersburg, 191023

Поступила в редакцию 31 октября 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'37

© 2024 Э. С. Ветрова

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ «АЛЛАХ / БОГ» В ЛЕЗГИНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена изучению эмотивного потенциала высказываний с компонентом «Аллах / Бог» в лезгинском и украинском языках. Установлено, что в обоих языках данные речевые единицы характеризуются экспрессивностью, семантической диффузностью и в зависимости от контекста могут реализовать различные эмотивные смыслы. Отмечается, что в сопоставляемых языках исследуемые эмотивы первоначально использовались в религиозной сфере, где выполняли магическую функцию, обеспечивая взаимодействие человека с Богом. Вследствие частого употребления в однотипных ситуациях они утратили сакральные семы, подверглись интеръективации и трансформировались в разряд междометий, выражающих различные эмоциональные состояния и оценочные реакции говорящего. В результате исследования автор приходит к выводу, что в лезгинском и украинском языках высказывания с компонентом «Аллах / Бог» выражают схожие эмотивные смыслы, однако способ их языковой манифестации имеет национально-специфический характер.

Ключевые слова: эмотивы, эмотивная семантика, Бог, Аллах, лезгинский язык, украинский язык.

© 2024 E. S. Vetrova

EMOTIVE UTTERANCES WITH THE «ALLAH / GOD» COMPONENT IN LEZGIAN AND UKRAINIAN

The article addresses the emotive potential of utterances with the component «Allah / God» in the Lezgian and Ukrainian languages. It has been established that in both languages these speech units are characterized by expressiveness, semantic diffuseness and, depending on the context, they can express various emotive meanings. It is noted that in compared languages, the emotives under analysis were initially used exclusively in the religious sphere, where they performed a magical function, ensuring the interaction between man and God. Due to a frequent use in similar situations, they lost their sacred semes, underwent interjectivisation and transformed into the category of interjections expressing various emotional states and evaluative reactions of the speaker. In the result of the research, the author comes to the conclusion that in Lezgian and Ukrainian, utterances with the component «Allah / God» convey similar emotive meanings, but their language manifestation has a national-specific character.

Key words: emotives, emotive semantics, God, Allah, Lezgian, Ukrainian.

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

1. Введение. Современный этап развития лингвистики характеризуется пристальным вниманием ученых к проблеме репрезентации эмоций в языке. Тот факт, что эмоции являются мотивационной основой не только познавательной, но и коммуникативной деятельности человека, а значит нуждаются в разноаспектном лингвистическом описании, сегодня уже не вызывает сомнений. Однако еще в XX веке некоторые авторитетные ученые утверждали, что эмоции не должны быть объектом лингвистического исследования [Sapir, 1921], поскольку «эмоция не входит в семантическую структуру слова, а является своего рода “наростом”, ассоциацией, образующей концептуальное ядро» [Kerbrat-Orecchioni, 1977: 45]. Таким образом, «образование идеи для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» [Sapir, 1921]. Несмотря на то, что в лингвистике параллельно сформировался и противоположный подход, согласно которому «в языке все движимо эмоциями» [Балли, 1921], а «речь всегда аффективна, т. к. направлена на то, чтобы воздействовать на получателя» [Гийом, 1992], в языкознании долгое время данные факты игнорировались, вследствие чего попытки изучения данной проблемы были сведены к минимуму.

Во II пол. XX в. с утверждением в науке антропоцентризма и формированием новых научных приоритетов ученые уже не могли отрицать, что эмоциональная сфера – самое яркое проявление человеческого фактора в языке, т. к. для любого человека «естественно реагировать на мир эмоционально» [Телия, 1981: 203], вследствие чего «эмотивность» как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [Шаховский, 2008] оформилась в особую лингвистическую категорию и стала объектом различных лингвистических интерпретаций [см., например: Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 1996; Карасик, 2009; Телия, 1981; Шаховский, 2008, 2010, 2012 и др.]. Как отмечает основоположник эмотивной лингвистики В. И. Шаховский, «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия <...>» [Шаховский, 2012: 58].

Несмотря на тот факт, что в последние десятилетия проблеме репрезентации эмоций в системе языка посвящается все большее количество работ [см., например, Ветрова, 2015; Ионова, 2010, 2022; Пиотровская, 2015 и др.], на сегодняшний день не все ее аспекты получили должное лингвистическое освещение, что обусловлено сложной и многогранной природой изучаемого феномена. В настоящее время все еще недостаточно изучены

критерии эмотивности языка и его знаков, механизмы категоризации и объективации эмоций посредством различных языковых единиц, ощущается недостаток исследований, посвященных описанию национально-культурной специфики вербализации эмотивных смыслов и др. В условиях расширения коммуникативного пространства и интенсификации межкультурных контактов возникает острая необходимость в сопоставительном изучении способов категоризации и вербальной репрезентации эмоций в различных лингвокультурах, что позволит более глубоко изучить эмотивный потенциал сопоставляемых языковых кодов и тем самым способствовать решению таких актуальных проблем современной межкультурной коммуникации, как преодоление лингвокультурных барьеров, формирование межкультурной чувствительности, повышение эффективности межкультурного взаимодействия и др.

Категория «эмотивности» реализуется с помощью комплекса разноуровневых языковых средств (фонетических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, стилистических, коммуникативных), которые в современной лингвистике принято называть эмотивами. По мнению В. И. Шаховского, эмотив – это «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы и т. д., благодаря чему эта единица адекватно используется для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего» [Шаховский, 2012: 8].

Цель настоящего исследования – изучить эмотивный потенциал речевых образований с компонентом «Аллах / Бог» в лезгинской и украинской лингвокультурах, выявить сходства и различия в способах манифестации эмоций посредством данного вида эмотивов.

Материалом исследования послужили эмотивы с компонентом «Аллах / Бог», отобранные путем сплошной выборки из лексикографических источников, текстов художественной литературы и фольклора. Всего проанализировано 250 языковых контекстов, из них: 120 – в лезгинском языке и 130 – в украинском языке.

2. Основная часть

2.1. В лезгинском и украинском языках высказывания с компонентом «Бог/Аллах» обладают большим эмотивным потенциалом. Основой формирования эмотивности в них служат лексемы *Бог* и *Аллах*, в семантической структуре которых даже вне контекста актуализируются ярко выраженные оценочно-характеризующие семы. Как утверждают этимологи, имя *Аллах* имеет арабские корни. Оно образовано в результате сочетания определённого артикля *аль-* ‘этот’ и лексемы *Илах* ‘Тот, Кому поклоняются’, ‘Достойный поклонения’, т. е. ‘Бог’ [СЛЯ, 2003]. Таким образом, в дословном переводе с арабского языка *Аль-Илах* означает ‘этот Бог’, ‘единый, единственный Бог’: «Он – Аллах – единый,

Аллах Самодостаточный; Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему» (Коран, Сура «Очищение (веры)», 112:1-4). Это дает основания утверждать, что слово *Аллах* указывает на *Единство* и *Единственность Всевышнего*, а значит содержит ярко выраженные оценочные коннотации.

Лексема *Бог*, как предполагают ученые, происходит от общеславянского слова *bogъ* – «наделяющий богатством, бог», которое в свою очередь восходит к древнеарабскому *baha, бага* – «участь, судьба», «господин, бог» либо древнеиндийскому *bhaga-h* – «благосостояние, счастье», а также «наделяющий, дарующий» [Фасмер]. Кроме того, этимологами установлены родственные связи слова *Бог* со словом *богатство* [Фасмер], что отражает представление о Боге как полноте бытия, совершенстве и источнике многочисленных благ, которыми Всевышний наделяет людей, когда они приобщаются к Нему.

По данным словарей, лексема *Бог* обозначает общее понятие: «верховное всемогущее существо, управляющее миром» [ВТСУМ, 2004], «создатель Вселенной» [Даль], т. е. является гиперонимом по отношению к наименованиям, обозначающим частные сущности: *Христос, Аллах, Яхве, Иегова* и др. – гипонимам. Таким образом, в сознании любого человека, независимо от его религиозных предпочтений, лексема *Бог* и ее гипонимы имеют положительно-оценочные коннотации и устойчиво ассоциируются с творцом мира, высшим разумом, морально-нравственным эталоном, от которого зависит судьба человека.

2.2. В лезгинском и украинском языках лексемы *Аллах, Бог* послужили основой для формирования большого количества эмотивных высказываний, которые по сфере использования можно поделить на две группы: 1) религиозные и 2) повседневно-бытовые.

Речевые единицы первой группы восходят к архаическим магическим формулам (заговорам, заклинаниям, клятвам и др.). В первобытном коллективе они представляли собой одну из форм общения человека с высшими силами и использовались с целью регулирования и поддержания определенного природного и социального порядка. Если на ранних стадиях развития общества, в эпоху политеизма, данные речевые единицы адресовались многим богам, то с утверждением монотеизма они стали апеллировать к одному Богу – вначале главному, а затем – единственному и всемогущему. Речевые единицы, сохранившие культовые семы, сегодня активно функционируют в различных ритуальных контекстах, обеспечивая взаимодействие между представителями сакрального и профанного миров, в частности являются неотъемлемой частью молитв – вербальных

обращений человека к Богу с просьбой о помощи, или с целью покаяния, хвалы, благодарения, например: лезг. *Бисмиллахи рахмани рахим!* ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’ (высказывание, с которым верующие приступают к еде или к какому-либо другому действию); *Таквадай баладикай Аллагдади хьуй (хьурай)* ‘От невидимой напасти да спасет Аллах!’; укр. *Боже, будь милостивий до мене грішного! Слава Тобі, Господи!; Господи, помилуй! Боже, благослови!*

С течением времени, вследствие частого и семантически избыточного употребления в однотипных контекстах, некоторые речевые единицы утратили сакральный характер, подверглись интеръективации, трансформировавшись в восклицания, сигнализирующие о различных эмоциональных состояниях и оценочных реакциях коммуникантов. При этом следует отметить, что большинство таких вторичных образований в сопоставляемых языках характеризуются полифункциональностью и могут употребляться как в сакрально-ритуальных контекстах, так и в разговорной речи. Приведем несколько примеров.

В лезгинском языке высказывание *Иншаллагь!* (*Инша + Аллах*) ‘если будет угодно Аллаху’ используется мусульманами в знак смирения перед волей Всевышнего. Исламский богослов VII века Ибн Аббас отмечал, что мусульманин должен произносить данную фразу, когда речь идет о каких-либо планах и событиях в будущем, ведь упоминание о воле Аллаха облегчает человеку выполнение задуманного, помогает ему получить благословение Всевышнего. В современном повседневном общении междометие *Иншаллагь!* является маркером т. н. «будущего предположительного времени», указывающего на возможность совершения действия при определённом условии: *Адаз зи патайни саламар це. – Иншаллагь* ‘Ему и от меня передай привет. – Хорошо’ (в значении: ‘Передам, если на то будет воля Аллаха’) [ЛРС, 1966]. Кроме того, в лезгинском языке данное высказывание может выполнять функции вежливого, тактичного отказа, замещающего категоричное «нет», которое может послужить причиной коммуникативных сбоев: ‘То, о чём вы просите (или спрашиваете), невозможно, если только не вмешается Всевышний’ [СЛЯ, 2003].

В украинском языке фразы: *Слава Богу!, Слава тобі, Боже [Господи]!* являются неотъемлемой частью молитв и произносятся верующими в знак искренней преданности и благодарения Богу. В разговорной речи данные единицы являются носителями разных эмотивных смыслов и могут выражать: а) удовлетворение от реализации чего-то долго ожидаемого: *Пройшов і піст, відповілись і – слава тобі господи! – дочекались воскресення* (Квітка-Основ’яненко); б) подтверждение того, что все благополучно: *Я радію: – Слава господові, що і в нас, як і в людей, благодатно!* (Марко Вовчок), а также выполнять в

предложении функции вводных слов и словосочетаний, отражая отношение говорящего к действительности: *Бо ти вже, слава богу, дівка, а в тебе і одежі доброї немає! – додала вона [мати] і так тихо, так ласкаво* (Панас Мирний).

2.3. В зависимости от выполняемых функций междометные образования с компонентом «Аллах / Бог» можно поделить на 2 группы: 1) эмоционально-экспрессивные и 2) этикетные.

2.3.1. Высказывания первой группы лишены коммуникативной направленности и используются исключительно для выражения различных эмоциональных состояний и оценок говорящего (радость, удивление, потрясение, одобрение и т. д.). Данные речевые единицы характеризуются лаконизмом, ярко выраженной экспрессивностью, семантической диффузностью и соответственно – большой зависимостью от контекста. Например, в украинском языке богатой эмотивной семантикой характеризуются восклицания: *О Боже (мій)! Господи (Милосердний)!*, которые могут выражать: радость, мольбу, отчаяние, надежду, страдание, удивление, восхищение и др.: *Господи милосердний! Дай моїй дочечці доброго чоловіка* (Квітка-Основ'яненко) – мольба; *Ой, Боже мій! Такої муки я ще не терпіла!* (Леся Українка) – страдание; *О Боже, яка краса!* – восхищение и т. д. В лезгинском языке схожим эмотивным потенциалом обладает, например, междометие: *Аман Аллагъ!* ‘О, Боже мой!’, которое может выражать мольбу, страдание, отчаяние и др.: *Аман аллагъ, вакай са чара!* ‘О боже, в тебе лишь спасение!’ – отчаяние [ЛРС, 1966].

В результате анализа установлено, что в лезгинском языке среди эмоционально-экспрессивных междометий преобладают однословные лексемы (*Алла! Яллагъ! Иншаллагъ! Машаллагъ! Бисмиллагъ!* и др.), тогда как в украинском языке – предложно-падежные формы (*Ради Бога! Слава Богу!*) и устойчивые словосочетания (*Господь Милосердний! Боже праведний!* и др.). Вместе с тем, в обоих языках зафиксированы и более сложные синтаксические единицы – предикативные конструкции, транслирующие, как правило, негативные эмоции. Например, фразы: лезг. *Аллагъди яргъазрай!* ‘Не дай Бог!’ (букв. ‘Пусть Аллах держит подальше’); *Аллагъди вичи хъуй!* ‘Избави бог!’, укр. *Не дай [не приведи, крий, боронь] Боже!; Нехай [хай] Бог [Господь] боронить [милує]!* – выражают моральное потрясение, категоричное несогласие, отрицание, отказ в сочетании с неодобрением, возмущением, осуждением, предупреждением о негативных последствиях. Например: *Ибурухъ вуч хъанватIа?! Къенва жал?! Аллагъди яргъазрай!* ‘Что с ними?! Неужели умерли?! Не дай Аллах!’ (ЛРС); *Повернутись до нього [сонця] спиною – крий боже! Яка невдячність* (М. Коцюбинський). В качестве предостережения

человеку, который совершает недостойный поступок или говорит неправду используются императивные формы: лезг. *Аллагъдикай кичІе хъухъ!* ‘Бойся Аллаха!’ [СЛЯ, 2003]; укр. *Бій (-те)ся [побій (-те)ся] Бога!* [СУМ, 1970-1980].

По целевой установке эмоционально-экспрессивные высказывания в сопоставляемых языках в свою очередь делятся на 2 подгруппы: 1) собственно эмоциональные (аффективы), главная функция которых – передача чувств и эмоциональных состояний адресанта, например: лезг. *Алла!* ‘Э-э!’ – возглас, выражающий удивление, возмущение, раздражение и др.: *Алла ваз гъикъван лугъуда!* ‘О, боже! Сколько тебе говорить!'; укр. *Ох, Боже ж мій, я ж думала, що тебе вже й на світі нема ... Де ж це ти взявся?* (М. Кропивницький); 2) эмоционально-оценочные – речевые единицы, в значении которых эмоциональное отношение говорящего к какому-либо объекту или ситуации сопровождается их субъективной оценкой, характеристикой. Например, в лезгинском языке восклицание *Машаллагъ!* в повседневной разговорной речи обычно используется не только для выражения радости, но и для одобрения при комментировании каких-либо событий или обсуждении кого-либо (эквивалент русских междометий: *Вот так!; Прекрасно!; Bravo!; Молодец!*) [ЛРС, 1966]: *Куън аялар гъикъван гуърчегбур я, машаллагъ!* ‘Какие у Вас красивые дети!'; *Машаллагъ! Вуч гуърчег затІя!* ‘Какая прелесть!'. Высказывание *Аллагъдиз шукур хъурай!*, которое имеет религиозные корни, в повседневном общении лезгин может выражать эмоциональное отношение адресанта к событию или ситуации: *Лезгийри чпин адетар хъсан хвена* ‘Слава Аллаху! Лезгины хорошо сохранили свои обычаи’ – одобрение действия + чувство глубокого удовлетворения от происходящего.

В украинском языке эмотивы *(О)Боже (ж) мій!, На все (те) воля Божя [Господня]!* могут также одновременно выражать эмоциональное состояние говорящего и оценку происходящих событий: *Боже ж мій!.. Так ось вони!! Справжні, реальні, невігдані і – незчислимі. Як розгадка болючої і жаскої таємниці* (І. Багряний) – оценка ситуации + потрясение; *На те воля божя, моя любко, – кажу я. Плачем лиха не поправите* (Марко Вовчок) – оценка сложившейся ситуации (смирение) + эмоциональное утешение.

Отличительной особенностью лезгинского языка является наличие среди эмоционально-экспрессивных высказываний большого количества речевых единиц, образованных путем основосложения, сращения слов (лексико-синтаксический способ), а также редупликации (повтора одной и той же основы или одного и того же слова): *Яллагъ!* (я+Аллагъ), *Аллагъ-Аллагъ!*, *Валлагъ-биллагъ!* Данные способы словообразования в лезгинском языке относятся к наиболее продуктивным. Для украинских эмотивов такие

способы образования не характерны.

2.3.2. Высказывания второй группы обслуживают сферу речевого этикета (приветствия, прощания, соболезнования, благодарности и др.). Данные языковые единицы имеют ярко выраженную коммуникативную направленность и в большинстве случаев представляют собой предикативные конструкции-перформативы, произнесение которых равнозначно коммуникативному действию: «я приветствую», «я прощаюсь», «я соболезную» и т. д., например: лезг. *Аллагъ куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’ (приветствие); *Аллагъдин [къуд] калам къалумрай!* ‘Клянусь Богом!’ (клятва), укр. *Бог на (у) поміч!* (приветствие), *Дай, Боже, щастя!* (пожелание добра).

Этикетные высказывания с компонентом *Бог / Алла*х реализуют в первую очередь фатическую (контактоустанавливающую) функцию, на которую накладывается эмотивная функция – выражение доброжелательного отношения к собеседнику. В сопоставляемых языках среди высказываний данной подгруппы чаще всего встречаются трудовые приветствия и благопожелания-напутствия, которые отличаются широкой вариативностью форм. Например: в лезгинском языке: *Аллагъ куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’ (букв. ‘Пусть поможет тебе Аллах!’), *Аллагъдал аманат <хьурай>!* ‘Пусть Бог (тебя) бережет!’, *Аллагъди нуьсрет гурай!* ‘Да поможет (тебе) Бог!’, *Аллагъди сабур гуй (гурай)!* ‘Дай Бог тебе терпения!’, *Аллагъди (вичи) хуьй [хуьрай]!* ‘Пусть хранит Аллах!’ и др.

В украинском языке: *Бог на (у) поміч!*; *Богпоміч!*; *Помагай Біг (Бог, Боже) [тобі]!*; *Біг, помагай!* *Помагай, Боже!* *Боже, помози!*, *Боже Вам помагай!*; *Дай, Боже, щастя!*; *Дай, Боже, час і пору добру!* [СУМ, 1970-1980]. Функционирование указанных выше украинских приветствий преимущественно в устной форме привело к разного рода сращениям, что характерно для диалектной речи: *Пома(га)й-бо!*; *Помагайбі!*; *Помай Биг!*; *Помагайбіг!*; *Магайбі!*; *Богпоміч!*; *Дайбоздоровля!*; *Дай-бо здоровля!* [СУМ, 1970-1980] и др.

3. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

3.1. Высказывания с компонентом *Аллах / Бог* в лезгинском и украинском языках обладают большим эмотивным потенциалом. В религиозно-ритуальных контекстах данные речевые единицы выполняют магическую функцию, обеспечивая взаимодействие человека с Богом. Вследствие частого и семантически избыточного использования в однотипных коммуникативных ситуациях исследуемые высказывания утратили сакральные семы и трансформировались в междометия, сигнализирующие о различных эмоциональных состояниях и оценочных реакциях говорящего.

3.2. В сопоставляемых языках эмотивы с компонентом «Аллах / Бог» в зависимости

от выполняемых функций делятся на две группы: эмоционально-экспрессивные – фразы, которые лишены коммуникативной направленности и содержат только эмоциональные и оценочные семы, и этикетные – высказывания, выполняющие контактоустанавливающую функцию, на которую в процессе коммуникации накладывается эмотивная функция.

3.3. Эмотивы с компонентом «Аллах / Бог» обладают как простой, так и осложненной структурой, объединяющим элементом служит наличие эмотивной составляющей в структуре их значений. Среди эмоционально-экспрессивных высказываний в лезгинском языке доминируют лаконичные однословные языковые единицы, в украинском – предложно-падежные формы и устойчивые словосочетания. Среди этикетных эмотивов с компонентом «Аллах / Бог» в обоих языках преобладают предикативные конструкции с оптативной семантикой, чаще всего – приветствия и благопожелания-напутствия.

3.4. Следует отметить, что в лезгинском и украинском языках большинство высказываний с компонентом *Аллах / Бог* транслируют схожие эмотивные смыслы, что свидетельствует об универсальном характере эмоций. Вместе с тем, способы вербализации эмоциональных состояний и оценочных реакций человека, выбор тех или иных языковых средств для их манифестации специфичен для каждого этноса, что обусловлено особенностями языковой национальной картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.
3. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 197 с.
4. Ветрова Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом «Бог / Аллах» в речи украинцев и лезгин // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 38-48.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва: Прогресс, 1992. 224 с.
6. Ионова С. В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 26-39
7. Карасик В. И. Девербализация // Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты: сборник научных трудов к юбилею Виктора Ивановича Шаховского. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2009. С. 166-174.
8. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII международной филологической конференции. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2015. С. 321-332.
9. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва, 1981. 270 с.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. 208 с.
11. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416.

12. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: Книжный дом «Либроком», 2010. 128 с.
13. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Lyon, 1977. 256 p.
14. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y., 1921. 126 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: Перун, 2004. 1425 с. [ВТСЛУ].
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Доступ: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovuj-slovar-zhivogo-velikoruskogo-jazyka-v-i-dalja>. (дата обращения: 26.10.2024). [Даль].
3. Лезгинско-русский словарь / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев; под ред. Р. И. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 603 с. [ЛРС].
4. Русско-лезгинский словарь / сост. М. М. Гаджиев, Б. Б. Талибов; под ред. Р. И. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 604 с. [РЛС].
5. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 1083 с. [СЛЯ].
6. Словник української мови: в 11-ти т. Київ: Наук. думка, 1970-1980. Т. I-XI. [СУМ].
7. Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Доступ: <https://lexicography.online/etymology/vasmer>. (дата обращения: 26.10.2024). [Фасмер].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moskva: Yazyki russkoi kultury. (In Russ.).
2. Balli, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moskva: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.).
3. Vezhbitskaya, A. (1996). Tolkovanie emotsionalnykh kontseptov [Interpretation of emotional concepts]. In *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).
4. Vetrova, E. S. (2015). Emotivnaya semantika mezhdometnykh vyskazyvaniy s komponentom «Bog / Allakh» v rechi ukrainsev i lezgin [Emotional semantics of interjections with the component 'God / Allah' in Ukrainian and Lezgin speech]. In *Nauchnyy dialog*. No 12 (48). Pp. 38-48. (In Russ.).
5. Giyom, G. (1992). *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).
6. Ionova, S. V. (2022). Lingvopsikhologiya emotsii v kontseptsiyakh sovremennogo yazykoznaniya [The Linguopsychology of Emotions in the concepts of modern Linguistics]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 1 (51). Pp. 26-39. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (2009). Deverbalizatsiya [Deverbalization]. In *Yazyk i emotsii: Nominativnye i kommunikativnye aspekty: sbornik nauchnykh trudov k yubileyu Viktora Ivanovicha Shakhovskogo*. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo. Pp. 166-174. (In Russ.).
8. Piotrovskaya, L. A. (2015). Emotivnost i deysis [Emotivity and deixis]. In *Izbrannye trudy XLIII mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta. Pp. 321-332. (In Russ.).
9. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannoe znachenie slova v yazyke* [Types of language meanings. The associated meaning of a word in the language]. Moskva. (In Russ.).
10. Shakhovskiy, V. I. (2012). *Kategorizatsiya emotsii v leksikosemanticheskoy sisteme yazyka*. [Categorization of the emotion in the lexico-semantic system of a language]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).

11. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
12. Shakhovskiy, V. I. (2010). *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya*. [Emotions: Pre-Linguistics, Linguistics and Cultural Linguistics)]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).
13. Kerbrat-Orecchioni, C. (1977). *La connotation*. Lyon.
14. Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. N. Y.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [Large explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. In V. T. Busel (ed.). Kiyiv; Irpin: Perun, 2004. (In Ukr.).
2. *Slovar arabskikh i persidskikh zaimstvovaniy v lezginskom yazyke* (2001) [Dictionary of Arabic and Persian loanwords in the Lezgian language]. In S. M. Zabitov, I. I. Efendiev (eds.). Makhachkala, 174 p. (In Russ.).
3. Dal, V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live Great Russian Language]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja>. (accessed: 26.10.2024).
4. *Lezginsko-russkiy slovar* [Lezgian-Russian dictionary]. In B. B. Talibov, M. M. Gadzhiev, R. I. Gaidarov (ed.). Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1966. (In Russ.).
5. *Russko-lezginskiy slovar* [Russian-Lezgian dictionary]. In B. B. Talibov, M. M. Gadzhiev, R. I. Gaidarov (ed.). Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1966. (In Russ.).
6. Gyulmagomedov, A. G. (2003). *Slovar lezginskogo yazyka* [Lezgian language dictionary]. Makhachkala: IPTs DGU. (In Russ.).
7. *Slovník ukrayinskoyi movy* [Ukrainian language dictionary]. Kiyiv: Nauk. Dumka, 1970-1980. Vol. I-XI. (In Ukr.).
8. Fasmer, M. (2024). *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed: 26.10.2024). (In Russ.).

Ветрова Эльвира Сабировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Vetrova Elvira S. – Doctor of Philology, Professor of Translation Theory and Practice Department (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2024 г.

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ПОЛИСЕМАНТИЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ И ЯВЛЕНИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сопоставительному анализу структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей многозначных фразеологических единиц с компонентами, обозначающими объекты и явления природы. Внимание фокусируется на сходствах и различиях в метафорическом переосмыслении образов природы в английской и русской лингвокультурах.

Ключевые слова: фразеологическая единица, полисемия, сопоставительный анализ, природа.

© 2024 E. Yu. Voitenko

ENGLISH AND RUSSIAN POLYSEMANTIC IDIOMS WITH THE COMPONENTS DENOTING NATURAL OBJECTS AND PHENOMENA: LINGUOCULTURAL ASPECT

The article addresses structural, semantic and linguocultural peculiarities of English and Russian polysemantic idioms with the components denoting objects and phenomena of nature. The attention is focused on similarities and differences in the metaphorical reinterpretation of nature images in the English and Russian linguocultures.

Key words: phraseological unit, polysemy, comparative analysis, nature.

Настоящая статья посвящена анализу структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей английских и русских полисемантических фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами, обозначающими объекты и явления природы, например, англ. *a dead duck* букв. *мёртвая утка* '1) конченный человек, человек обреченный на смерть, неудачу, особенно из-за ошибки или неверного суждения 2) безнадежное дело, полный провал'; рус. *крепкий орешек* '1) о трудной, неразрешимой задаче, труднодоступной цели 2) о несговорчивом человеке'.

В данных примерах лингвистическим показателем многозначности является характер выражения подлежащего с точки зрения одушевленности-неодушевленности. Так, ФЕ *a dead duck* в сочетании с одушевленным объектом употребляется в первом значении (а), а в сочетании с неодушевленным предметом — реализует второй фразеосемантический вариант (b).

(a) *Now, however, he decided that O'Dwyer was a dead duck politically and that he never would be able to win another election* 'Теперь, однако, он решил, что О'Дуайер конченный человек в политике и что он никогда не сможет одержать победу еще на одних выборах' (Sperber H., Trittshuh T. *American Political Terms. A Historical Dictionary*);

(b) *that day is a dead duck* 'день, в который не написано ни строчки, для него пропащий' (R. P. Warren. *Flood*) [Цит. по: БАРФС, 2005: 228].

Источником ФЕ *a dead duck* является американский вариант английского языка. Образ неживой утки ассоциируется с кем-то или чем-то обреченным на неудачу; в речи данная единица чаще употребляется для описания неуспешного политического деятеля. Похожий образ также отражен в англ. *a lame duck* букв. *хромая утка* '1) разорившийся биржевой маклер, банкрот 2) неудачник, бездарность 3) не избранный вновь, но временно выполняющий прежние обязанности политический деятель 4) поврежденный корабль'. Отметим, что русское словосочетание *хромая утка* также употребляется в речи, более того, оно зафиксировано в финансовых и экономических словарях в следующих значениях: 'компания в тяжелом финансовом положении, исправить которое может, в частности, санация государства'; 'член фондовой биржи, который не может уплатить свои долги и должен быть публично признан несостоятельным должником'; 'джоббер, не способный выполнить обязательства по заключенным сделкам' [СЭА].

Русская ФЕ *крепкий орешек* широко используется в русском языке и также является полисемантической единицей, реализуя свои фразеосемантические варианты в зависимости от контекста (по признаку одушевленности-неодушевленности):

(a) *Либава была очень крепким орешком ... в районе Либавы насчитывалось семнадцать батарей только среднекалиберной зенитной артиллерии* (В. Раков. *Крылья над морем*);

(b) *Мария Ивановна была крепким орешком. К своим богатствам никого не подпускала. Со связкой ключей от своих сокровенных шкафов и тумбочек не расставалась даже ночью* (Ю. Дмитриев. *Дело о миллионе*) [Цит. по: ФСРЛЯ, 2008: 436-437].

Во ФЕ компонент *орешек* ассоциируется с прочностью и твёрдостью; при описании человека он характеризует сильную личность, не поддающуюся влиянию других людей или внешних обстоятельств. Данный образ является универсальным для русской и английской лингвокультур (ср. рус. *орешек не по зубам*, англ. *a hard nut to crack* букв. *крепкий орешек для раскола* '1) трудная задача, неразрешимая проблема; 2) о человеке, с которым трудно справиться').

Проблема полисемии ФЕ, наряду с такими общесемантическими категориями,

как вариативность, антонимия, синонимия и энантиосемия, рассматривается в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, В. П. Жуков, М. Л. Ковшова, М. М. Копыленко, А. М. Мелерович, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, З. Д. Попова, А. Д. Райхштейн, В. Н. Телия, Т. Н. Федуленкова, Н. М. Шанский, А. Ланглотц, Р. Мун). Как замечает Т. Н. Ушакова, природа такого явления как полисемия «интересна в том отношении, что в нем наблюдается динамичность вербальных процессов, протекающих в естественных условиях пользования языком» [Ушакова, 2008: 17].

Известно, что фразеологическая полисемия не так распространена, как лексическая, что обусловлено структурной осложненностью данных языковых знаков, их меньшей контекстуальной подвижностью и способностью к семантической деривации. Так, по данным Р. Мун, количество английских многозначных устойчивых словосочетаний составляет в среднем 5% [Moon, 1998: 187]. Исследование В. П. Жукова, показало, что во «Фразеологическом словаре русского языка» на 4000 ФЕ приходится 660 полисемантических, что составляет около 17% [Жуков, 2019: 124]. Здесь следует отметить, что во фразеографической практике не существует единого подхода в разграничении полисемии и омонимии ФЕ. В ходе анализа ряда английских и русских одноязычных и двуязычных фразеологических словарей, Р. А. Аюпова приходит к выводу, что в них «встречаются словарные статьи, в которых омонимичные ФЕ выдаются не просто за полисемичную единицу, а за единицу с одним значением с несколькими оттенками значения» [Аюпова, 2013: 200]. В данной работе полисемантическая ФЕ понимается как единица с двумя и более фразеосемантическими вариантами, семантической структурой которой является взаимосвязанное и определенным образом организованное единство, состоящее из двух и более значений [Федуленкова, 2008: 153]. В работе также разграничивается явление полисемии и энантиосемии, т. е. реализации ФЕ прямо противоположных значений [Лаврова, 2022: 108], как, например, во ФЕ рус. *убить бобра* '1) приобрести что-либо ценное, добиться чего-либо значительного; 2) обмануться в расчётах, предпочесть плохое хорошему или худшее лучшему'. Здесь явление энантиосемии, вероятно, связано с происхождением ФЕ из русских пословиц, противопоставленных по смыслу: *не убить бобра – не видать добра* и *убить бобра – не видать добра* [Федосова, 2007: 13].

Кроме того, в исследовании учитываются базовые языковые показатели многозначности, выделенные В. П. Жуковым [Жуков, 2019: 125-126], в частности:

– разнотипность смысловой структуры ФЕ (для каждого фразеосемантического варианта характерны свои отличительные грамматические признаки), например, англ. *right as rain* букв. *прямо как дождь* ‘1) совершенно здоров, в добром здравии; цел и невредим’; 2) в хорошем состоянии, в полном порядке 3) совершенно верно, правильно’. В первых двух фразеосемантических вариантах данная ФЕ является адъективной, в третьем – адвербиальной единицей. Такое же явление наблюдается в структуре русской ФЕ *тише воды, ниже травы* ‘1) робкий, скромный, незаметный; 2) робко, скромно, незаметно’.

– характер выражения подлежащего или дополнения с точки зрения одушевленности-неодушевленности, например, англ. *as dead as a herring* букв. *мёртвый, как селедка* ‘1) без каких-л. признаков жизни, бездыханный, погибший окончательно; 2) превратившийся в мёртвую букву, утративший силу; вышедший из употребления, отживший свой век’; рус. *стереть с лица земли* ‘1) кого, что жестоко расправиться, погубить, уничтожить; 2) что разрушить до основания, полностью уничтожить’;

– характер выражения подлежащего или дополнения с точки зрения конкретности-абстрактности, например, англ. *horse and foot* ‘1) конница и пехота; 2) со всей энергией, мощью’; рус. *волчий билет* ‘1) документ, закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение и т. п.; 2) резко отрицательная характеристика о работе кого-либо’.

В качестве материала исследования выступают ФЕ с компонентами, обозначающими природные объекты и явления, которые представляют собой особый тип единиц, вербализующих представление и восприятие человеком окружающего его пространства, его опыт взаимодействия с природой. Выборка эмпирического материала включает в себя 2186 английских ФЕ, отобранных из английских фразеологических словарей [БАРФС, 2005; ANDI, 1997; CCDI, 1997; CIDI, 1998; DAIPV, 2005; DIO, 1992; FDF; ODI, 2004], и 1784 русских ФЕ, отобранных из русских фразеологических словарей [БСРНС, 2008; БСРП, 2007; БФСРЯ, 2021; СРПП, 2000; СФСРЯ, 1987; СЭА; ФОСРЯ, 2009; ФСРЛЯ, 2008; ФСРЯ, 2006; ФССРЛЯ, 2004; REDI, 2013].

В ходе проведенного анализа зафиксировано 125 (6%) полисемантических ФЕ в английском языке и 161 (9%) ФЕ – в русском языке. Наличие большего количества полисемантических единиц в русском языке обусловлено тем, что фразеологическая система русского языка отличается большим разнообразием и иррегулярностью по сравнению с фразеологической системой английского языка [Исакова, 2022: 70]. Отметим, что несмотря на относительно небольшое количество полисемантических ФЕ, данный языковой материал представляет интерес для исследования, так как многозначные ФЕ хранят определенный комплекс знаний, отражающих лингвокультурологический аспект

языка. Как замечает В. В. Ламова, «многозначные фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации, так как за одной формой ФЕ стоит двойное содержание» [Ламова, 2010: 15]. Кроме того, исследование многозначности ФЕ в сопоставлении позволяет не только установить, насколько системно организована идиоматика рассматриваемых языков, но также проанализировать факторы, влияющие на избирательность семантической деривации ФЕ [Баранов, 2014: 118] и, соответственно, установить изоморфные и алломорфные особенности мировосприятия носителей языка, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Следует отметить, что в английских и русских ФЕ состав компонентов, обозначающих природные объекты и явления, неоднороден и может быть классифицирован по следующим тематическим сферам (см. подробнее [Войтенко, 2021]):

1. Живая природа:

– животный мир, например, англ. *to give smb the bird* букв. *дать кому-л. птицу* ‘1) освистать, ошутить кого-л.; 2) уволить кого-л., дать расчёт кому-л., выгнать кого-л. с работы; 3) дать отставку, отвергнуть (жениха)’; рус. *не баран начихал* ‘1) очень много, немало чего-л.; 2) о чём-л. важном, серьёзном’;

– растительный мир, например, англ. *to give smb beans* букв. *дать кому-л. бобы* ‘1) взгреть, вздуть кого-л., всыпать кому-л., задать жару; 2) причинять боль кому-л., болеть (о части тела)’; рус. *разводить бобы* ‘1) вести пустые, бессодержательные разговоры, отвлекать болтовнёй от чего-л.; 2) делать что-л. слишком медленно, канителься’.

2. Неживая природа:

– земная поверхность: англ. *on the rocks* букв. *на камнях* ‘1) в тяжёлом положении, на краю гибели; 2) в стеснённых обстоятельствах’; рус. *краеугольный камень* ‘1) основание, фундамент чего-л.; 2) главная идея чего-л.’;

– воздушное пространство: англ. *to be in the air* букв. *быть в воздухе* ‘1) быть в неопределённом положении; 2) носиться в воздухе, распространяться (о настроениях, идеях); 3) быть незащищённым с флангов’; рус. *дышать одним воздухом с кем-л.* ‘1) жить вместе, сообща, общим интересами; 2) быть в обществе кого-л.’;

– водное пространство: англ. *(as) weak as water* букв. *слабый как вода* ‘1) слабенький, хилый, силёнок маловато; 2) слабовольный, безвольный, слабохарактерный, малодушный’; рус. *живая вода* ‘1) мифическая чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь мёртвому телу; 2) всё, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес’;

– погодные явления: англ. *blood and thunder* букв. *кровь и гром* ‘1) кровавая мелодрама; 2) бульварно-сенсационный’; рус. *гром грянул* ‘1) пришла беда, случилось несчастье; 2) последовало суровое наказание’;

– огонь: *to get on like a house on fire* букв. *происходить так быстро, как горит дом* ‘1) быстро и легко продвигаться вперёд, быстро распространяться, делать огромные успехи; 2) ладить друг с другом, жить душа в душу’; рус. *с огоньком* ‘1) с интересом, с увлечением, с подъёмом; 2) человек, который увлечённо делает что-л.’.

В ходе анализа исследуемого материала выявлено, что максимальное количество фразеосемантических вариантов одной ФЕ в английском языке составляет четыре единицы, например, англ. *to go over the hill* букв. *перебраться через холм* ‘1) смыться, драпануть из армии, дать деру, дезертировать; 2) сдать, катиться вниз, под гору 3) бежать из тюрьмы; 4) исчезнуть неожиданно или при таинственных обстоятельствах’. В русском языке данный показатель составляет 3 единицы: рус. *на корню* ‘1) не скошенный, не сжатый (о злаках, траве); 2) сразу и быстро, целиком; 3) в самом начале, не дав развиться чему-л.’. Как справедливо замечают Е. С. Еремина и Н. А. Лаврова, в данном аспекте ФЕ отличаются от лексических единиц, что обусловлено следующей закономерностью: «чем больше количество знаков, из которых состоит выражение, тем меньше потенциальное количество значений, которые может развивать сложный языковой знак» [Еремина, 2018: 51].

С точки зрения структурно-грамматической организации рассматриваемых единиц, в обоих языках явление полисемии в большей степени развито во ФЕ со структурой словосочетания, при этом наиболее частотными являются ФЕ со структурой глагольного словосочетания (англ. 55 ФЕ (44%), рус. 82 ФЕ (51%), что в целом отражает тенденцию английской и русской лингвокультур оценивать действия человека, его состояние (физиологическое или психологическое), а также процессы, происходящие в жизни.

В качестве примера можно привести полисемантическую английскую глагольную ФЕ с природным компонентом *hill* ‘холм, гора, возвышенность’: англ. *to go down (the) hill* букв. *идти под гору* ‘1) *smth* становиться хуже или менее успешным; 2) *smb* ухудшаться (о здоровье, материальном положении и т. д.)’. В русском языке фразеологическим аналогом данной единицы является рус. *идти (катиться) под гору (горку)* ‘1) резко ухудшаться; 2) идти, приближаясь к концу (о жизни)’. Метафорическое переосмысление образа горы (в англ. *hill, mountain*), с одной стороны, как некой границы между своим и чужим пространством (ср. англ. *over the hills and far away* ‘за тридевять земель, за горами, за долами, на край света’; рус. *на кудыкину гору* ‘в неназываемое, скрываемое

место'), с другой, как чего-то сложного, труднодостижимого (ср. англ. *king of the hill* букв. *король горы* 'человек, занимающий руководящую должность или добившийся большого успеха', англ. *to be over the hill* букв. *быть за горой* 'оставить трудности позади, преодолеть кризис'), является универсальным для английской и русской лингвокультур, что, вероятно, обусловлено тем фактом, что во многих мифологиях мира гора является аналогом мирового древа, воплощающего модель мира, характерную для мифопоэтического сознания [БФСРЯ], т. е. восхождение на гору ассоциируется с преодолением сложностей и успехом.

Противоположное значение имеет компонент *дно*, как символ невзгод и неудач. Отметим, что ФЕ с компонентом *дно* также развивают полисемию в исследуемых языках: англ. *to touch bottom* букв. *касаться дна* '1) максимально снизиться, достигнуть предельно низкого уровня (особ. о цене); 2) опуститься, деградировать 3) добраться до сути дела, докопаться до истины'; рус. *идти на дно* '1) терпеть неудачи, потери в каком-либо деле, предприятии; 2) становиться бедным, разоряться, терпя неудачи в деле, в хозяйстве'.

Кроме того, явление полисемии зафиксировано в глагольных английских и русских ФЕ с такими компонентами, как *water* 'вода', *air* 'воздух', *root* 'корень' (ср. англ. *to muddy the water*, рус. *мутить воду*; англ. *to be in the air*, рус. *висеть в воздухе*; англ. *to put down (new) roots*, рус. *пускать корни*).

Следует также заметить, что в ходе анализа материала помимо тех природных образов, которые вызывают схожие ассоциации, были выявлены также «уникальные», культурно-значимые, семантика которых осложнена национальными смыслами, так как источником их происхождения является культурно-исторический опыт носителей языка.

Например, источником английской ФЕ с компонентом *turkey* 'индейка' *to talk turkey* букв. *говорить индейка* '1) вести деловую беседу; 2) говорить прямо, начистоту, без обиняков' предположительно является американский фольклор, а именно история о белом человеке и индейце, которые после охоты делили добычу. Пытаясь обмануть собеседника, белый человек предложил следующий вариант: либо индеец должен взять канюка, а он – индейку; либо он возьмет индейку, а индеец – канюка. В ответ индеец запротестовал, говоря: *Talk turkey to me*. 'Говори мне индейка'.

С традициями англоязычных стран связаны также ФЕ *to give smb the bird* букв. *дать кому-л. птицу* '1) освистать, ошкарить кого-л.; 2) уволить, дать расчёт, выгнать кого-л. с работы 3) дать отставку, отвергнуть (жениха)' (происходит из театрального жаргона); *to see the elephant* букв. *посетить слонов* '1) приобрести жизненный опыт, узнать жизнь,

повидать свет; видать виды; 2) осматривать достопримечательности' (образована по аналогии с исконно английской ФЕ *to see the lions* букв. *посетить львов* 'осматривать достопримечательности', т. е. посетить Лондонский Тауэр, где в начале XIII века содержали львов).

С русской литературной традицией связана ФЕ *бросить щуку в реку* '1) о наказании, которое является на деле поощрением наказуемого, полным удовлетворением его интересов; 2) о ситуации, когда человеку доверили то, что нужно защищать именно от него' (выражение восходит к басне И. А. Крылова, в которой рассказывается о том, как глупые судьи, послушав лукавую Лису, согласились наказать провинившуюся Щуку, утопив ее в реке) [СРФ, с. 643].

Продуктивными с точки зрения структурно-грамматической организации в рассматриваемых языках являются также группы полисемантических субстантивных ФЕ (англ. 39 ФЕ (31%); рус. 46 ФЕ (29%)), характеризующих постоянные или временные свойства, состояния, качества человека, предмета или абстрактного явления, например: англ. *a pig in a poke* букв. *свинья в мешке* '1) покупка, сделанная заглазно; 2) решение, принятое без учёта возможных последствий, вслепую' (рус. аналог: *кот в мешке*); рус. *первая ласточка* '1) о первых признаках появления, наступления чего-л.; 2) о человеке, первом в ряду следовавших за ним' (англ. аналог: *the first robin* букв. *первая малиновка*).

В данной группе отметим следующие ФЕ, содержащие национально-маркированные компоненты:

– англ. *a kangaroo court* букв. *суд кенгуру* '1) судебная инсценировка, судилище; намёк на то, что через закон «перепрыгивают»; 2) незаконное судебное разбирательство 3) местный суд маленького городка, который взымает непомерные поборы с заезжих водителей, превышающих скорость'. В данном выражении через образ *кенгуру* – животное, способное на большие прыжки, переосмысливается суд, который делает поспешные и необоснованные выводы.

– рус. *перекати-поле* '1) степное или пустынное растение; 2) о человеке, постоянно переходящем, переезжающем с места на место' (англ. аналог: *rolling stone* букв. *катящийся камень*). Компонент *перекати-поле* – народное название шарообразного растения, перекатываемого осенью ветром по южным степям, в русской лингвокультуре ассоциируется с образом одинокого человека, склонного к частой смене местожительства или работы.

В корпусе эмпирического материала выделены также полисемантические адъективные единицы, которые характеризуют качества или физические состояния человека

(англ. 20 ФЕ (16%); рус. 8 ФЕ (5%)), например, англ. *(as) innocent as a dove* букв. *невинный как голубь* '1) наивный, несведущий в житейских делах; 2) ни в чём не повинный'; рус. *того же корня* '1) о кровных родственниках; 2) об очень похожих по характеру, физическим признакам людях'.

Группа адвербиальных полисемантических ФЕ не является продуктивной в английском языке: было выделено 10 единиц, что составляет 8% от общей выборки. В качестве примера приведем следующую ФЕ: англ. *in the offing* '1) мор. вдали от берега (но в виду его); в море; далеко на рейде; 2) невядалеке; 3) в невядалёком будущем'. Компонент *offing* 'взморье; море, видимое от берега до горизонта' – это область моря между прибрежными водами и горизонтом. В результате расширения смысловой структуры данной единицы сформировались вторично-образные значения (невядалеке, в невядалёком будущем): ср. англ. *a quarrel in the offing* 'назревающая ссора', англ. *to gain (get, take) an offing* 'получить возможность', англ. *to make an offing* 'дать возможность'.

В русском языке количество полисемантических адвербиальных ФЕ значительно выше – 21 ФЕ (13%), например, рус. *на краю пропасти* '1) быть, находиться в непосредственной близости от смертельной опасности; 2) в крайне тяжёлом и опасном положении'. В первом значении данная ФЕ означает, что человек попал в ситуацию, чреватую для него лишением жизни, во втором – что человек попал в чрезвычайно сложную ситуацию, чреватую для него катастрофическими последствиями, например, утратой общественной позиции, социального статуса, имеющегося состояния. Компонент *пропасть* в данной ФЕ символически связывается с опасным, неизвестным и бездонным пространством, ассоциируется с угрожающей глубиной и бездной, всё поглощающей в себе [БФСРЯ]. Данный образ является универсальным для русской и английской лингвокультур: ср. рус. *скатиться в пропасть* 'дойти до тяжёлого, гибельного состояния', рус. *толкать в пропасть кого-л.* 'губить'; англ. *the abyss of despair* 'безысходное горе', англ. *abyss of hopelessness* 'бездна, пучина отчаяния', англ. *to look (stare) into the abyss* 'столкнуться с катастрофой'.

Таким образом, анализ английских и русских ФЕ с компонентами, обозначающими объекты и явления природы, показал, что многозначность в большей степени характерна для русской фразеологической системы по сравнению с английской. С точки зрения структурно-грамматической организации в обоих языках полисемия в большей степени развита во ФЕ со структурой глагольного словосочетания, что обусловлено тенденцией описывать и оценивать действия человека, события, происходящие в его жизни. Несмотря

на то, что в рассматриваемых фразеологических системах присутствует относительно небольшое количество полисемантических единиц, осмысление национально-образного компонента в их семантическом пространстве дает важную лингвокультурологическую информацию, помогающую лучше представить и понять мировидение народов, говорящих на английском и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюпова Р. А. Фразеология и фразеография английского и русского языков. Казань: Издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2013. 269 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Москва: Флинта, 2014. 312 с.
3. Войтенко Е. Ю. Тематическая классификация компонентов в составе английских и русских фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Т. 17. № 1 (51). С. 88-100.
4. Еремина Е. С., Лаврова Н. А. К вопросу о семантических, структурных и функциональных особенностях фразеологизмов в современном английском языке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 6 (416). С. 49-61.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. Москва: ЛЕНАНД. 2019. 176 с.
6. Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. Москва: Проспект, 2022. 176 с.
7. Лаврова Н. А. Современная английская фразеология. Москва: МПГУ, 2022. 340 с.
8. Ламова В. В. Развитие фразеологической полисемии во французском языке XVI-XX вв.: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Санкт-Петербург, 2010. 24 с.
9. Ушакова Т. Н. Полисемия как отражение семантических процессов вербальной сферы человека // *Вопросы психолингвистики*. 2008. № 8. С. 16-29.
10. Федосова Е. Ю. Полисемия русских фразеологизмов в когнитивном аспекте (на материале фразеосочетаний глагольного типа): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2007. 22 с.
11. Федуленикова Т. Н., Любова А. Н. Полисемия в компаративной фразеологии (на материале английского и русского языков) // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. Санкт-Петербург, 2008. № 3 (15). С. 151-158.
12. Moon R. Fixed expressions and idioms in English: a corpus-based approach. New York: Oxford University Press Inc., 1998. 340 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц. Москва: Живой язык, 2005. 942 с. [БАРФС].
2. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с. [БСРНС].
3. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с. [БСРП].
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2021. 784 с. [БФСРЯ].
5. Словари и энциклопедии на Академике. Доступ: <https://academic.ru>. (дата обращения: 10.09.2024). [СЭА].

6. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. 7-е изд. Москва: Рус. яз., 2000. 544 с. [СРПП].
7. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 704 с. [СРФ].
8. Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синоним. рядов / В. П. Жуков [и др.]. Москва: Русс. яз., 1987. 448 с. [СФСРЯ].
9. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов [и др.]. Москва: Эксмо, 2009. 704 с. [ФОСРЯ].
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. Москва: Астрель: АСТ, 2008. 828 с. [ФСРЛЯ].
11. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. Москва: Астрель, 2006. 528 с. [ФСРЯ].
12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2-х т. / А. Н. Тихонов. Москва: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2004. 1664 с. [ФССРЛЯ].
13. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge university press. 1998. 504 p. [CIDI].
14. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. London: HarperCollins Publishers Ltd., 1997. 494 p. [CCDI].
15. Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / Richard A. Spears. USA: The McGraw-Hill Companies Inc., 2005. 1080 p. [DAIPV].
16. Dictionary of Idioms and their Origins / Linda and Roger Flavell. London: Kyle Cathie Ltd., 1992. 216 p. [DIO].
17. Oxford Dictionary of Idioms / ed. Judith Siefring. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 p. [ODI].
18. Russian-English Dictionary of Idioms / Sophia Lubensky. New Haven and London: Yale University Press, 2013. 960 p. [REDI].
19. The American Heritage Dictionary of Idioms / Ammer Christine. Boston: American Heritage, 1997. 190 p. [AHD].
20. The Free Dictionary by Farlex. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (accessed: 10.09.2024). [FDF].

REFERENCES

1. Ayupova, R. A. (2013). *Frazeologiya i frazeografiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Phraseology and phraseography of the English and Russian languages]. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo (Privolzhskogo) federalnogo universiteta. (In Russ.).
2. Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. (2014). *Osnovy frazeologii* [Basics of phraseology]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
3. Voitenko, E. Yu. (2021). Tematicheskaya klassifikatsiya komponentov v sostave angliyskikh i russkikh frazeologicheskikh edinit, reprezentiruyushchikh prirodnyy kod kultury [Thematic classification of components in the English and Russian phraseological units representing the natural code of culture]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17. No 1 (51). Pp. 88-100. (In Russ.).
4. Eremina, E. S., Lavrova, N. A. (2018). K voprosu o semanticheskikh, strukturnykh i funktsionalnykh osobennostyakh frazeologizmov v sovremennom angliyskom yazyke [On semantic, structural and functional peculiarities of idioms in the modern English language]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 6(416). Pp. 49-61. (In Russ.).

5. Zhukov, V. P. (2019). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological expressions]. Moskva: LENAND. (In Russ.).
6. Isakova, L. D. (2022). *Mnogoobrazie yazykov v ikh variativnosti* [The Diversity of languages in their variation]. Moskva: Prospekt. (In Russ.).
7. Lavrova, N. A. (2022). *Sovremennaya angliyskaya frazeologiya* [Modern English phraseology]. Moskva: MPGU. (In Russ.).
8. Lamova, V. V. (2010). *Razvitie frazeologicheskoy polisemii vo frantsuzskom yazyke XVI-XX vv.: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Development of phraseological polysemy in the French language XVI-XX cc.: linguocultural aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
9. Ushakova, T. N. (2008). Polisemiya kak otrazhenie semanticheskikh protsessov verbalnoy sfery cheloveka [Polysemy as a reflection of semantic processes of human verbal sphere]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 8. Pp. 16-29. (In Russ.).
10. Fedosova, E. Yu. (2007). *Polisemiya russkikh frazeologizmov v kognitivnom aspekte (na materiale frazeosochetanii glagolnogo tipa)* [Polysemy of Russian phraseological units in the cognitive aspect (based on the material of verbal expressions)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh. (In Russ.).
11. Fedulenkova, T. N., Lyubova, A. N. (2008). Polisemiya v komparativnoy frazeologii (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Polysemy in comparative phraseology (based on the material of English and Russian languages)]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. Sankt-Peterburg. No 3 (15). Pp. 151-158. (In Russ.).
12. Moon, R. (1998). *Fixed expressions and idioms in English: a corpus-based approach*. New York: Oxford University Press Inc.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Large English-Russian Phraseological Dictionary]: okolo 20000 frazeologicheskikh edinit. Moskva: Zhivoy yazyk, 2005. (In Russ.).
2. *Bolshoy slovar russkikh narodnykh sravneniy* [Large Dictionary of Russian Folk Comparisons]. Compiled by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. Moskva: OLMA Media Grupp, 2008. (In Russ.).
3. *Bolshoy slovar russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Compiled by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. Moskva: OLMA Media Grupp, 2007. (In Russ.).
4. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskiy kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary]. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2021. (In Russ.).
5. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Academic Dictionaries and Encyclopedias]. Available at: <https://academic.ru>. (accessed: 10.09.2024).
6. *Slovar russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Compiled by V. P. Zhukov. Moskva: Rus. yaz., 2000. (In Russ.).
7. *Slovar russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological guide]. Compiled by A. K. Birikh, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova. Sankt-Peterburg: Folio-Press, 1998. (In Russ.).
8. *Slovar frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]: okolo 730 sinonim. ryadov. Compiled by V. P. Zhukov [i dr.]. Moskva: Russ. yaz., 1987. (In Russ.).
9. *Frazeologicheskiy obyasnitelnyy slovar russkogo yazyka* [Phraseological explanatory dictionary of the Russian language]. Compiled by A. N. Baranov [i dr.]. Moskva: Eksmo, 2009. (In Russ.).
10. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Compiled by A. I. Fedorov. Moskva: Astrel: AST, 2008. (In Russ.).

11. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Compiled by A. I. Molotkov. Moskva: Astrel, 2006. (In Russ.).
12. *Frazeologicheskiy slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language]. Compiled by A. N. Tikhonov. Moskva: Izdatelstvo «Flinta», Izdatelstvo «Nauka», 2004. (In Russ.).
13. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge: Cambridge university press, 1998.
14. *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. London: HarperCollins Publishers Ltd., 1997.
15. *Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. Compiled by Richard A. Spears. USA: The McGraw-Hill Companies Inc., 2005.
16. *Dictionary of Idioms and their Origins*. Compiled by Linda and Roger Flavell. London: Kyle Cathie Ltd., 1992.
17. *Oxford Dictionary of Idioms*. ed. Judith Siefring. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004.
18. *Russian-English Dictionary of Idioms*. Compiled by Sophia Lubensky. New Haven and London: Yale University Press, 2013.
19. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Compiled by Ammer Christine. Boston: American Heritage, 1997.
20. *The Free Dictionary by Farlex*. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (accessed: 10.09.2024).

Войтенко Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: elena-vtn@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Voitenko Elena Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: elena-vtn@mail.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 02 октября 2024 г.

УДК 81'22(07)

© 2024 М. М. Дубицкая, В. Д. Калиущенко

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОБУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ*

В статье рассматриваются эмотивно-оценочные высказывания как средство побуждения к действию в английском, немецком и русском языках. Описываются эмотивно-оценочные побудительные конструкции, выявляются способы воздействия эмотивно-оценочных выражений на эмоциональную сферу адресата, устанавливаются особенности эмотивных побудительных конструкций в английском, немецком и русском языках.

Ключевые слова: эмотивность, оценочность, побудительность, эксплицитность, имплицитность, дополнительная эмотивность.

© 2024 M. M. Dubitskaya, V. D. Kaliuščenko

EMOTIVE-EVALUATIVE STATEMENTS AS A MEANS OF INDUCEMENT TO ACTION

The paper concerned with the study of emotive-evaluative statements as a means of inducement to action in English, German and Russian. It describes emotive-evaluative inducement constructions, reveals the ways of influence of emotive-evaluative expressions on the emotional sphere of the addressee, establishes the features of emotive-evaluative inducement constructions in English, German and Russian.

Key words: emotionality, evaluativeness, inducement, explicitness, implicitness, additional emotionality.

Вступление. В настоящее время в контексте исследований коммуникации и языка большое внимание уделяется эмотивно-оценочному компоненту высказываний, его роли и воздействию на слушателя. Понимание того, как эмотивность и оценочность оказывает влияние на эффективность коммуникации, может помочь в развитии успешных стратегий коммуникации и воздействия. Непосредственно по этой причине **актуальность** данной работы обусловлена повышенным в настоящее время интересом к категории побудительности, необходимостью изучения способов выражения эмотивности и оценочности в английском, немецком и русском языках.

В данной работе рассматриваются эмотивно-оценочные побудительные конструкции – высказывания, которые демонстрируют эмоциональную насыщенность, способны оказывать эмоциональное воздействие на адресата и давать оценку происходящему.

Цель данной работы – изучить влияние эмотивных и эмотивно-оценочных выражений на коммуникативный процесс с целью определения их функций в побуждении к действию.

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

Объектом данной работы является эмотивность, оценочность и эмотивные и эмотивно-оценочные побудительные конструкции в английском, немецком и русском языках.

Предметом данной работы выступают языковые особенности эмотивных побудительных конструкций, направленных на вызов эмоциональной реакции и воздействие на адресата в рамках коммуникативной ситуации.

Материалом данной работы послужили 194 англоязычные, 183 немецкоязычные и 202 русскоязычные побудительные конструкции, отобранные методом сплошной выборки из художественных произведений на английском (B. Shaw 'Pygmalion', John B Priestley 'An Inspector Calls'), немецком (B. Brecht 'Die Dreigroschenoper', G. Hauptmann 'Rose Bernd') и русском языках (М. А. Булгаков «Зойкина квартира», М. Горький «На дне»).

Основная часть. Как утверждает К. Изард, эмоции возникают в результате последовательности событий, которые воспринимаются и оцениваются. Эмоция является нерациональной реакцией, которая возникает в результате положительной или отрицательной оценки объекта со стороны воспринимающего субъекта. Хотя «эмоция» и «оценка» представляют собой различные понятия, оценка может быть неотъемлемой частью эмоции [Izard, 1991: 36].

Е. М. Вольф выделяет два типа высказываний: собственно эмотивные и эмотивно-оценочные. Собственно эмотивные высказывания отражают только эмоциональное состояние говорящего, в то время как эмотивно-оценочные направлены на вызывание эмоциональной реакции у слушателя на основе одобрения или порицания. Она также указывает на различие между оценкой, нацеленной на изменение эмоционального состояния собеседника, и рациональной оценкой, которая нацелена на достижение согласия с высказываемым мнением [Вольф, 1985: 163-178].

Эмотивность – это способ передачи индивидуального взгляда автора на окружающий мир, выражение его эмоционального реагирования, оценка событий с позиции говорящего, а также воздействие на аудиторию [Шаховский, 2010: 35].

Согласно В. А. Масловой, эмотивность представляет собой передачу субъективного отношения автора к миру, выражение своего эмоционального состояния, квалификацию событий с точки зрения субъекта речи, а также воздействие на слушателя [Маслова, 2007: 89].

Эти эмотивные элементы прагматического содержания конструкции являются видом концептуальной информации и входят в эмотивную тональность, то есть в эмотивность коммуникативного уровня конструкции [Телия, 1986]. Данная эмотивность анализируется с учетом преобладания одной из прагматических задач: эмоционального самовыражения, эмоционально-оценочного отношения, эмоционального воздействия [Арнольд, 1970: 88].

В рамках побудительной конструкции можно наблюдать синтез указанных функций, сплетение различных типов эмоциональной информации и эффект их транспонирования [Johnson-Laird, 1989]. Такие смысловые комплексы в эмотивной побудительной конструкции можно дифференцировать с точки зрения способа выражения коммуникативного намерения на [Маслова, 2007: 93]:

- 1) эмотивность как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения;
- 2) эмотивность как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения;
- 3) эмотивность как средство имплицитного выражения интенции побуждения.

Как известно, оценка является отражением эмоциональных состояний говорящего и зачастую связана с его намерением привлечь внимание собеседника, тем самым оказывая на него определённое прагматическое влияние [Ляпон, 1989]. Иными словами, выражение оценки предполагает анализ экспрессивных возможностей языка. В рамках прагматики обычно выделяются два основных типа оценки: рациональная и эмоциональная [Ляпон, 1995: 86]. Однако стоит отметить интересные наблюдения М. А. Ягубовой, которая исследует оценку через призму лексико-семантического поля, подразделяя её на положительную и отрицательную [Ягубова, 1996].

Таким образом, оценка рассматривается как способ выразить квалификацию какого-либо объекта, а также как проявление положительного, отрицательного или иногда нейтрального отношения к нему [Ягубова, 2000].

Количественные данные частоты употребления эмотивных побудительных конструкций с точки зрения коммуникативного намерения (см. таблицу).

Таблица. Количественная характеристика эмотивных побудительных конструкций

Способ выражения коммуникативного намерения	Язык					
	Английский		Немецкий		Русский	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1. Эмотивность как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения	89	45,8	81	44,3	112	55,5
2. Эмотивность как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения	63	32,5	43	23,5	56	27,7
3. Эмотивность как средство имплицитного выражения интенции побуждения.	42	21,7	59	32,2	34	16,8
<i>Всего</i>	<i>194</i>	<i>100</i>	<i>183</i>	<i>100</i>	<i>202</i>	<i>100</i>

1. Эмотивность как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, отмечено в 89 англоязычных (45,8%), 81 немецкоязычном (44,3%) и 112 русскоязычных (55,5%) эмотивных побудительных конструкциях:

(1) *So, cheer up, Captain; and buy a flower off a poor girl* 'Веселее, Капитан. Купите цветок у бедной девушки'.

Данный пример является эмотивно-оценочным высказыванием. Побудительная эмотивность проявляется через использование выражения *cheer up* и призыва к действию *buy a flower off a poor girl*. Эти фразы содержат в себе явное побуждение к действию и вызывают у адресата определенные эмоциональные реакции. Фраза *buy a flower off a poor girl* также содержит в себе элемент сочувствия к бедной девушке, что добавляет эмоциональную окраску и отношение говорящего к ситуации и адресату. Оценка выражена положительно, поскольку речь идет о добром поступке – покупке цветка у бедной девушки, что подразумевает доброе отношение и желание помочь.

(2) *Lassen Sie mich in Ruhe* 'Оставьте меня в покое'.

Данный пример содержит ярко выраженную побуждающую эмотивность и является эмотивным высказыванием. Говорящий явно выражает свою интенцию вызвать определенное поведение у адресата – в данном случае, просьбу оставить его в покое. Эмоциональная нагрузка выражается в настойчивом и, возможно, раздраженном тоне. Говорящий явно испытывает неприятные эмоции, связанные с желанием быть в одиночестве. Оценка выражена отрицательно. Предложение выражает резкое неприятие текущей ситуации.

(3) *Ne спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте*.

Данный пример является эмотивно-оценочным высказыванием. Побуждение к действию проявляется через использование глагола *выбросьте*, который является ярким призывом к выполнению определенного действия. Это создает эмоционально-оценочное воздействие и подчеркивает важность выполнения указанного действия. Побудительная эмотивность проявляется через использование слова *гадость*, которое имеет явно негативную окраску и вызывает у адресата негативные эмоциональные реакции. Эта лексема характеризуется эмоционально-оценочной семантикой, поскольку выражает отвращение и негодование говорящего по отношению к объекту, который необходимо выбросить.

В различных обстоятельствах общения эмотивные выражения играют ключевую роль в передаче индивидуальных намерений [Ягубова, 1993]. Они сочетают в себе

желание говорящего выражать свои эмоции, возникшие в данной ситуации, и воздействовать на слушателя с учетом коммуникативных целей [Арутюнова, 1988: 37].

2. Эмотивность как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, характерна для 63 англоязычных (32,5%), 43 немецкоязычных (23,5%) и 56 русскоязычных (27,7%) эмотивных побудительных конструкций:

(4) *Oh – it's wonderful! Look – mummy – isn't it a beauty? Oh – darling... (she kisses Gerald hastily)* ‘Посмотри, мамочка, разве это не красота? О, дорогой... (торопливо целует Джеральда)’;

Данный пример является эмоционально-оценочным и иллюстрирует ситуацию, в которой побуждение к действию проявляется через использование фразы *Look – mummy*, которое призывает маму обратить внимание на нечто прекрасное, тем самым иницируя взаимодействие. Побудительная эмотивность проявляется через использование фразы через восклицание *Oh – it's wonderful!* и эмоционального обращения *darling*. Это подчеркивает волнение и радость персонажа, создаёт атмосферу тепла и близости. Отношение говорящего к ситуации проявляется через использование слов *wonderful* и *beauty* и явно указывает на положительное восприятие описываемого объекта. Это подчеркивает положительное отношение говорящего к поведению адресата и призывает его к самокритике.

(5) *Nu gutt! Ich geb' d'r mei ganzes Bißla! Ich schmeiß' d'r doas ganze Gelumpe hin! ... Ich bring' dirsch uff Heller fer Pfennig, Streckmann, ock hab du Derbarma... (Sie sucht flehentlich seine Hände zu ergreifen, die er zurückzieht)* ‘Ну ладно! Я отдам тебе все, что у меня есть! Я брошу тебе все свои тряпки! Я принесу тебе все до последнего гроша, Штрекман, только сжался ... (С мольбой пытается взять его за руки, но он отстраняет руки)’;

В данном примере основной акцент делается на эмоциональном состоянии говорящего. Фраза *ock hab du Derbarma* выражает настойчивое желание взаимодействия и отчаяния. В этом контексте можно выделить побудительную эмотивность, которая подчеркивается настойчивостью и беспокойством персонажа, который, кажется, испытывает страх или паническое состояние.

(6) *Ура и ура! Нет, нет, до дна пейте, не обижайте фирму!*

Данный пример иллюстрирует эмотивно-оценочное высказывание, в котором побуждение проявляется через использование фразы «пейте до дна». Эмотивная побудительность выражается в словах *ура и ура* и передает праздничный и восторженный настрой, создавая атмосферу веселья. Отношение в целом положительное,

так как восклицания и призыв к действию направлены на поощрение и создание позитивной атмосферы.

При использовании повелительных форм глаголов передается приказ или наставление, и при этом эмоциональные аспекты действуют как дополнительные средства воздействия на эмоциональное состояние слушателя с целью влияния на него в рамках основной задачи [Хабилова, 2013: 156]. Эмоциональное воздействие объединяет в себе выражение эмоций и эмоционально-оценочное отношение [Вольф, 1986: 286].

3. Эмотивность как средство имплицитного выражения интенции побуждения отмечена в 42 англоязычных (21,7%), 59 немецкоязычных (32,2%) и 34 русскоязычных (16,8%) эмотивных побудительных конструкциях:

(7) *It's too tiresome. Do you expect us to go and get one ourselves?* 'Безобразие. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?'

В данном примере эмотивность проявляется через неявное выражение негативного отношения к ситуации и намерение вызвать у адресата чувство вины или обязательства. *Do you expect us to go and get one ourselves?*. Это вопрос, который может быть воспринят как намек на то, что говорящий не согласен с текущей ситуацией и ожидает, что адресат возьмет на себя ответственность или действие. Побуждение проявляется через использование фразы *It's too tiresome*, которая выражает негодование и отсутствие желания выполнять какое-либо действие. Это создает эмоционально-оценочное воздействие, подчеркивая негативное отношение говорящего к предложенной ситуации.

(8) *Also, das ist alles ganz einfach. Du bist verheiratet. Was macht man, wenn man verheiratet ist? Nur nicht denken. Na, man lässt sich scheiden, nicht wahr, ist das so schwer herauszubringen?* 'Ты вышла замуж. Что делают, когда выходят замуж? Да разве ты сообразишь! Так вот: когда выходят замуж, разводятся, не правда ли? Неужели так трудно до этого додуматься?'. В данном примере автор использует вопросительные предложения и фразы типа *Na, man lässt sich scheiden, nicht wahr, ist das so schwer herauszubringen?* для того, чтобы косвенно побудить собеседника задуматься о возможности развода. Это выражение интенции побуждения к размышлениям о собственной ситуации. Фраза *ist das so schwer herauszubringen* оказывает эмоционально-оценочное воздействие, выражающее удивление и возможное раздражение говорящего относительно неспособности собеседника найти выход из сложившейся ситуации.

(9) *Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что*

ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

В данном примере эмотивность проявляется через фразы *Мало тебе места-то?* и *Что ты как столб стоишь-то!*, которые выражают недовольство и раздражение, что создает эмоционально-оценочное воздействие. Вопрос *Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?* выражает побуждение к действию и отношение автора к адресату. Данное выражение накладывает негативный оттенок на действия собеседника и демонстрирует презрение к его бездействию.

Эти примеры иллюстрируют косвенный контекстуально-ситуативный речевой акт побуждения, в котором коммуникативные стратегии выражения чувств и эмоционально-оценочного отношения скрыто направлены на воздействие на слушателя с целью достижения специфического эффекта [Арнольд, 1970: 156].

Выводы

1. В отношении данного материала можно утверждать, что во всех трех языках доминируют конструкции, обозначающие эмотивность как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения. Эмотивность проявляется через использование фраз, содержащих явное побуждение к действию и вызывающих эмоциональные реакции у адресата. Примеры также демонстрируют, что эмоционально-оценочное воздействие и отношение говорящего к ситуации могут быть четко выражены с помощью эмотивно-оценочных конструкций.

2. Эмотивность как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения часто используется для усиления эмоциональной составляющей высказывания и воздействия на адресата. В английском и русском языках эмотивные побудительные конструкции, в которых эмотивность проявляется как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, преобладают над конструкциями в немецком языке. Это связано с тем, что в англоязычной и русскоязычной лингвокультуре обращение к эмоциям и чувствам собеседника считается важным для убеждения и воздействия на него. В большинстве примеров выражены негативные эмоционально-оценочные побуждения, демонстрирующие решимость говорящего реализовать стратегию конфликта и унижения собеседника (см. (2), (3), (5), (7), (8), (9)). Вместе с тем встречаются и положительные эмоционально-оценочные побуждения, реализующие тактики уговора, просьбы, выражаемые соответствующей лексикой (см. (1), (4), (6)).

3. Среди имплицитных эмотивных побудительных конструкций доминируют конструкции в немецком языке, вследствие принятого у немцев более формального

и строгого стиля общения. Носители немецкого языка обычно ценят точность, ясность и нейтральность в общении, поэтому они предпочитают более прямые и не столь эмоциональные выражения при передаче своих желаний или требований. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что в ситуациях, когда эмотивность используется как средство имплицитного выражения интенции побуждения, она служит для скрытого или косвенного воздействия на адресата с целью достижения определенного эффекта или реакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексических знаний // 22 Герценовские чтения. Иностранные языки. 1970. С. 87-90.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
3. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» / «плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 228 с.
5. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. Москва: Наука, 1989. С. 24-34.
6. Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова. Москва: Институт русского языка РАН, 1995. С. 260-276.
7. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику. Москва: Флинта: Наука, 2007. 147 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики коммуникативных единиц. Москва: Наука, 1986. 144 с.
9. Хабирова Н. М. Специфика выражения побудительных конструкций. Казань, 2013. 231 с.
10. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.
11. Ягубова М. А. Лексико-семантическое поле «оценка» в разговорной речи: классификация видов оценок // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 37-42.
12. Ягубова М. А. Основные проблемы исследования оценки // Филология. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 1996. С. 111-116.
13. Ягубова М. А. Культурно-речевой аспект оценочной деятельности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 118-126
14. Izard C. E. The psychology of emotions. New York; London: Plenum press, 1991. 451 p.
15. Johnson-Laird P. N., Oatley K. The language of emotions: an analysis of a semantic field // Cognition and Emotions, 1989. Pp. 81-123.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Горький М. На дне. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 77-157.
2. Булгаков М. А. Зойкина квартира. Москва: Азбука-классика, 2016. 104 с.

3. Brecht B. Die Dreigroschenoper. Berlin: Brecht-Erben / Suhrkamp Verlag, 1950. 105 S.
4. Hauptmann G. Rose Bernd. Ullstein Buchverlage GmbH & Co. KG / Ullstein Tas, 1996. 96 S.
5. Priestley John B. An Inspector Calls. York Notes Series Longman, 2010. 72 p.
6. Shaw B. Pygmalion. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. 151 p.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1970). Emotsionalnye, ekspressivnye, otsenochnye i funktsionalno-stilisticheskiy komponenty leksicheskikh znaniy [Emotional, expressive, evaluative and functional-stylistic components of lexical knowledge]. In *22 Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki*. Pp.87-90. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (1986). Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «khorosho» / «plokho» [Evaluative value and the correlation of attributes 'good' / 'bad']. In *Voprosy linguoznaniya*. No 5. Pp. 98-106. (In Russ.).
4. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka, (In Russ.).
5. Lyapon, M. V. (1989). Otsenochnaya situatsiya i slovesnoe samomodelirovanie [Evaluation situation and verbal self-modelling]. In *Yazyk i lichnost*. Moskva: Nauka, Pp. 24-34. (In Russ.).
6. Lyapon, M. V. (1995). Yazykovaya lichnost: poisk dominanty [Linguistic personality: the search for the dominant]. In *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost: k 60-letiyu chlenakorrespondenta RAN Yu. N. Karaulova*. Moskva: Institut russkogo yazyka RAN. Pp. 260-276. (In Russ.).
7. Maslova, A. Yu. (2007). *Vvedenie v pragmalingvistiku* [Introduction to Pragmalinguistics]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
8. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki kommunikativnykh edinits* [The connotative aspect of of communicative units' semantics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Khabirova, N. M. (2013). *Spetsifika vyrazheniya pobuditelnykh konstruksii* [Specificity of the expression of inductive constructions]. Kazan. (In Russ.).
10. Shakhovskiy, V. I. (2010). *Emotsii: Dolvingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya* [Emotions: Dolinguistics, linguistics, linguoculturology]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
11. Yagubova, M. A. (1993). Leksiko-semanticheskoe pole «otsenka» v razgovornoy rechi: klassifikatsiya vidov otsenok [Lexical-semantic field 'evaluation' in colloquial speech: classification of evaluation types]. In *Tipy yazykovykh edinits i osobennosti ikh funktsionirovaniya*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Pp. 37-42. (In Russ.).
12. Yagubova, M. A. (1996). *Osnovnye problemy issledovaniya otsenki* [Main problems of evaluation research]. In *Filologiya*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Pp. 111-116. (In Russ.).
13. Yagubova, M. A. (2000). Kulturno-rechevoy aspekt otsenочноy deyatel'nosti [Cultural and Speech Aspect of Evaluation Activity]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Pp. 118-126. (In Russ.).
14. Izard, C. E. (1991). *The psychology of emotions*. New York; London: Plenum press.
15. Johnson-Laird, P. N., Oatley, K. (1989). The language of emotions: an analysis of a semantic field. In *Cognition and Emotions*. Pp. 81-123.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Gorkii, M. (2003). *Na dne* [The Lower Depths]. Moskva: ООО «Izdatelstvo AST». Pp. 77-157. (In Russ.).
2. Bulgakov, M. A. (2016). *Zoikina kvartira* [Zoyka's apartment]. Moskva: Azbuka-klassika. (In Russ.).
3. Brecht, B. (1950). *Die Dreigroschenoper*. Berlin: Brecht-Erben / Suhrkamp Verlag.
4. Hauptmann, G. *Rose Bernd*. Ullstein Buchverlage GmbH & Co. KG / Ullstein Tas.
5. Priestley, John B. (2010). *An Inspector Calls*. York Notes Series Longman.
6. Shaw, B. (1948). *Pygmalion*. Moskva: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh.

Дубицкая Милена Максимовна – студент магистратуры кафедры теории и практики перевода (e-mail: milenad2016@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Dubitskaya Milena M. – Master Degree Student of Translation Theory and Practice Department (e-mail: milenad2016@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: v.kaliushenko@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliušchenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Germanic Philology Department (e-mail: v.kaliushenko@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2024 г.

УДК 81'373.45:81'373.46:[811.111+811.161.1]

© 2024 И. В. Лукашова

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена изучению роли заимствований в пополнении терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. В сопоставительном аспекте рассматриваются заимствования как один из способов формирования терминологии, описываются способы и причины появления заимствованных терминов в терминотерминологической системе бизнеса и менеджмента, приводятся языки-источники заимствованных терминов, а также их количественный анализ.

Ключевые слова: заимствование, термин, терминология, терминология бизнеса и менеджмента, иноязычные слова, способы заимствования.

© 2024 I. V. Lukashova

LOANWORDS IN BUSINESS AND MANAGEMENT TERMINOLOGY IN ENGLISH AND RUSSIAN

The paper studies the role of loanwords in the formation of business and management terminology in English and Russian. In the contrastive aspect, it considers borrowings as one of the ways of term formation, describes the ways and reasons for loanwords in the terminology system of business and management, identifies the source languages of borrowed terms, and provides their quantitative analysis.

Key words: borrowings, term, terminology, terminology of business and management, loanwords, ways of borrowing.

Введение. Настоящее исследование посвящено проблеме заимствования в терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. В научной литературе по терминоведению встречается различное понимание заимствований. Некоторые лингвисты подразумевают под заимствованиями термины из других терминологических систем [Капанадзе, 1965; Лейчик, 2009], другие – придерживаются традиционного подхода, считая заимствованиями слова-термины из других языков [Лотте, 1982; Гринев-Гриневич, 2008].

Актуальность работы обусловлена необходимостью систематизации знаний о терминологии бизнеса и менеджмента (далее ТБМ) в сопоставляемых языках.

В развитие терминоведения как науки существенный вклад внесли как отечественные, так и зарубежные лингвисты: Д. С. Лотте [Лотте, 1982], Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин [Головин, Кобрин, 1987], К. Я. Авербух [Авербух, 2006], В. М. Лейчик [Лейчик, 2009], Ю. В. Сложеникина [Сложеникина, 2016], С. В. Гринев-Гриневич [Гринев-Гриневич, 2008], А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева [Суперанская, Подольская, Васильева,

* Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

2012], Ш. Р. Басыров [Басыров, 2019], И. С. Куликова [Куликова, 2022], М.-Т. Кабре, Дж. Сейгер [Cabr , Sager, 1999], Питер Элкин [Elkin, 2012] и другие [Ullmann, 1967; Hatanaka, Pannell, 2016; Calude, Harper, Miller, Whaanga, 2019].

Проблеме заимствования в терминологии в разных специальных областях посвящены следующие новейшие публикации: Л. В. Беспамятной в отрасли кораблестроения [Беспамятная, 2018], Т. С. Борщевской в сфере менеджмента [Борщевская, 2019], Т. Е. Алексеевой, Л. Н. Федосеевой в сфере экономики [Алексеева, Федосеева, 2019], В. А. Сербина в военной сфере [Сербин, 2021], Н. М. Колоколовой в области географии [Колоколова, 2022], Д. Н. Билаловой в технической сфере [Билалова, 2023], Ю. А. Квач в области строительства [Квач, 2024].

Развитие бизнеса и менеджмента как одной из отраслей экономической науки обусловило формирование самостоятельной терминосистемы. Как все профессиональные подсистемы языка, ТБМ развивается и функционирует как одна из подсистем лексики общелитературного языка и подчиняется общезыковым законам развития [Беспамятная, 2018].

Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012].

Под терминосистемой понимается упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями [Гринев-Гриневич, 2008: 15].

Заимствование является одним из способов формирования лексической системы языка. Ряд исследователей (С. В. Гринев-Гриневич, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева) считает, что процесс заимствования терминов незначительно отличается от заимствования общеупотребительных слов, поэтому существующие в общей лексикологии классификации заимствований вполне применимы и к специальной лексике [Суперанская, 2008: 212].

Особого внимания заслуживает труд Д. С. Лотте [Лотте, 1982], в котором им предложена подробная типология заимствований в терминологии. Ученый разделяет иноязычные заимствования на четыре основных типа: 1) оригинальные заимствования; 2) заимствования, состоящие из заимствуемых элементов или заимствованных элементов; 3) переводные заимствования (в современной лингвистике для этого вида заимствований используется термин *кальки*); 4) смешанные заимствования.

По мнению С. В. Гринева-Гриневича, при калькировании и смешанном заимствовании новые термины образуются на базе исконных лексических средств, и поэтому кальки редко имеют признаки заимствований [Гринева-Гриневич, 2008: 156]. Такого же взгляда придерживается Д. С. Лотте, который также предлагает не считать их заимствованиями. Так, опираясь на классификацию, разработанную Д. С. Лотте, Ю. А. Квач в своем исследовании выделяет заимствования в чистом виде и трансформируемые заимствования [Лотте, 1982; Квач, 2024: 295].

В настоящей работе рассматриваются оригинальные, или материальные заимствования в терминосистеме бизнеса и менеджмента английского и русского языков. Под оригинальным, или материальным заимствованием понимается слово, перенесенное в данный язык из какого-либо языка в том виде (в той форме), в котором оно в нем существует в момент заимствования [Лотте, 1982: 10]. Таким образом, материальное заимствование – заимствование из языка-донора в язык-реципиента как звуковой или графической формы слова, так и его значения.

Объектом исследования выступают термины в сфере бизнеса и менеджмента.

Предмет исследования – субстантивные термины ТБМ иноязычного происхождения в английском и русском языках.

Цель исследования состоит в изучении заимствований в терминологии бизнеса и менеджмента в сопоставительном аспекте. Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) установить корпус заимствованных терминов в английском и русском языках; 2) выявить языки-источники заимствований в сопоставляемых языках; 3) выявить причины и способы заимствования терминологии в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили 1273 термина ТБМ (658 ед. в английском языке и 615 ед. в русском языке), отобранных из специализированных словарей английского [DBM; DB; DE] и русского языков [Борисов, 1999; Розенберг, 1977; Райзберг, 2011], а также из двуязычных словарей [Булычева, 2011; Тимошина, 2009].

2. Причины заимствования. История развития бизнеса и менеджмента как науки связана с формированием капиталистических отношений на Западе и последующим распространением этих идей и концепций в других странах, включая Россию. Специальная терминология менеджмента русского языка постоянно обогащается за счет проникновения англицизмов и интернационализмов, что обусловлено потребностью специалистов в доступе к информации и источникам на английском языке. Следовательно, англо-русские и русско-английские специальные словари играют важную роль в современном быстром развитии менеджмента.

С. В. Гринёв-Гриневич делит причины заимствования на две группы: экстралингвистические и лингвистические [Гринёв-Гриневич, 2008: 153].

К **экстралингвистическим причинам** заимствования ТБМ относятся:

- а) культурное влияние одного языка на другой;
- б) наличие устных и письменных контактов стран с разными языками.

Развитие внешнеторговых контактов Англии с Италией и Испанией, а также посещение англичанами этих стран, знакомство с их культурой и литературой, оказали влияние на усвоение английским языком ряда итальянских и испанских слов, которые из общеупотребительной лексики вошли в специальную терминологию, например, англ. *bank* (← итал. *banco*), англ. *bankrupt* (← итал. *banca rotta*), англ. *cargo* (← исп. *cargo*), англ. *embargo* (← исп. *embargo*).

В период становления капитализма и коммерческих отношений в Европе, французские термины, особенно в области финансов, торговли и менеджмента, стали активно заимствоваться. Франция была одним из центров торговли и бизнеса, и поэтому её терминология проникала в другие языки, включая английский, например, англ. *entrepreneur* (← франц. *entrepreneur* ‘предприниматель’).

Лингвистическими причинами заимствования ТБМ являются:

- а) отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия, например, англ. *kaizen* ‘постоянное совершенствование (бизнес-процессов и управления) (← япон. *kaizen* ‘улучшение’), русск. *гудвилл* (← англ. *goodwill* ‘условная стоимость деловых связей, репутация фирмы’);
- б) тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного перевода, ср.: англ. *philotimo* (← греч. *filotimo* ‘добросовестно выполнять свои обязанности и обязательства, не позволяя запятнать свою честь, достоинство и гордость’) и русск. *клиринг* вместо ‘система безналичных расчетов’

3. Способы заимствования. Анализ, проведенный исследователями (Т. С. Борщевская [Борщевская, 2018], Л. В. Беспмятная [Беспмятная, 2018], Г. Ф. Мусина [Мусина, 2022]), показывает, что к основным способам заимствования терминологии относятся транскрипция и транслитерация. Рассмотрим данные способы заимствования на примере ТБМ в английском и русском языках.

3.1. Транскрипция предполагает передачу звуков иноязычных слов, научных терминов буквами языка-реципиента с учётом их произношения [Ярцева, 2002]. Например, заимствованные ТБМ в английском языке: англ. *boutique* [bu:'ti:k] ‘бутик, небольшой

магазин' (← франц. *boutique* [butik] 'бутик, магазин'), *agio* ['adʒo] 'сумма, выплаченная сверх номинальной ценности' (← итал. *aggio* ['adːdʒo] 'превышение'), *agora* 'торговая площадка' (← греч. *agoræ* 'рыночная площадь'); заимствованные термины в русском языке: русск. *бизнес* (← англ. *business* [biznis] 'бизнес, коммерческая деятельность'), *валюта* (← итал. *valuta* [vaːˈluːta] 'цена, стоимость'), *карм-блани* (← франц. *carte blanche* [kart blɑ̃ʃ] 'пустой документ'), *купюра* (← франц. *coupure* [купур] 'купюра'), *вексель* (← нем. *Wechsel* ['vɛksl] 'вексель'), *квота* (← лат. *quota* 'часть, приходящаяся на каждого').

В ТБМ в английском языке, в отличие от русского, встречаются заимствования из японского языка. В основу латинизации японских заимствований в английском языке легла система Хэпбёрна, построенная на английской фонологии. Данная система при записи не следует орфографии японской каны, а ставит целью передать современное звучание того или иного слога. Например, англ. *honcho* [hɒntʃəʊ] 'босс, руководитель' (← японск. [*hanchō*] 'руководитель отряда, группы'), *keiretsu* [keiˈretsɪ] 'группа связанных между собой японских компаний, вносящих наиболее важный вклад в экономику Японии' (← японск. [*keiretsu*] 'крупные финансово-промышленные группы').

3.2. Транслитерация – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы [Ярцева, 2002]. Ср.: заимствованные ТБМ в английском языке: англ. *bureau* 'учреждение, офис' (← франц. *bureau* 'офис'), *arbitrage* (← франц. *arbitrage* 'арбитражная сделка'), *sinecure* 'хорошо оплачиваемая должность, не требующая особого труда' (← лат. *sine cura* 'без заботы'), *giro* 'система «жиро»' (← итал. *giro* 'оборот'), *bonanza* 'источник очень большого дохода' (← исп. *bonanza* 'благополучие'); заимствованные ТБМ в русском языке: русск. *инвестор* (← англ. *investor* 'инвестор'), *инкассо* (← итал. *incasso* 'инкассо'), *маклер* (← нем. *Makler* *m* 'посредник, маклер'), *капитал* (← нем. *Kapital* *n* 'капитал'), *клерк* (← франц. *clerc* 'кандидат на должность'), *дебет* (← лат. *debet* 'он должен'), *дефицит* (← лат. *deficit* 'недостает').

4. Классификация иноязычных терминов по языку-источнику заимствования в ТБМ в английском и русском языках. В отечественной и зарубежной лингвистике существуют различные подходы к классификации заимствований: по времени заимствования, по языку-источнику, по сфере функционирования лексических единиц, по степени освоения иноязычной лексики языком-реципиентом. В настоящем исследовании рассматриваются заимствования по языку-источнику.

Анализ ТБМ в сопоставляемых языках позволил выявить наличие терминов-заимствований из 9 языков-источников, за исключением английского языка, который

является также и источником заимствований для русского языка.

В английском языке заимствования в ТБМ представлены 7 языками-источниками, а именно: французским (43,6%), латинским (32,1%), итальянским (4,1%), греческим (4,1%), испанским (2,4%), японским (13,5%) и корейским (0,2%). Например:

- (1) англ. *annuity* ‘ежегодная выплата’ (← фр. *annuité* ‘годовая выплата’);
- (2) англ. *surtax* ‘добавочный подоходный налог’ (← фр. *surtaxe* ‘дополнительный налог’);
- (3) англ. *bourse* ‘европейская фондовая биржа’ (← фр. *bourse* ‘биржа’);
- (4) англ. *absorption* ‘поглощение’ (← лат. *absorption* ‘поглощение’);
- (5) англ. *auction* ‘публичная продажа товаров’ (← лат. *auctio(n-)* ‘публичная продажа товаров’);
- (6) англ. *collapse* ‘кризис, приводящий к полному краху предприятия’ (← лат. *collāpsus* ‘упавший’);
- (7) англ. *bankrupt* ‘банкрот’ (← итал. *banca rotta* ‘неплатежеспособный’);
- (8) англ. *giro* ‘система жирорасчетов’ (← ит. *giro* ‘обращение, оборот (денег)’);
- (9) англ. *analysis* ‘анализ’ (← греч. *ἀνάλυσις* ‘разложение’);
- (10) англ. *basis* ‘первоначальная оценка активов’ (← греч. *βάσις* ‘основа’);
- (11) англ. *cargo* ‘фрахт, груз’ (← исп. *cargo* ‘нагрузка, тяжесть’);
- (12) англ. *embargo* ‘запрет на торговлю всеми или отдельными товарами’ (← исп. *embargo* ‘задерживать’);
- (13) англ. *kanban* ‘карточка производственного заказа’ (← япон. *kanban*) ‘рекламный щит, вывеска’;
- (14) англ. *saitori* ‘член японской фондовой биржи’ (← япон. *saitori* ‘брокер’);
- (15) англ. *chaebol* ‘финансово-промышленная группа в Корее’ (← кор. *jaebeol* ‘южнокорейская форма финансово-промышленных групп’).

В русском языке заимствования в ТБМ представлены также 7 языками-источниками: английским (48,8%), латинским (20,7%), французским (17,9%), итальянским (5,9%), греческим (3,4%), немецким (3,1%), голландским (0,2%). Например:

- (1) русск. *менеджер* (← англ. *manager* ‘менеджер, управляющий’);
- (2) русск. *дилер* (← англ. *dealer* ‘дилер, агент по продаже’);
- (3) русск. *индекс* (← лат. *index* ‘указатель’);
- (4) русск. *индикатор* (← лат. *indicator* ‘указатель’);
- (5) русск. *коносамент* (← франц. *connaissance* ‘транспортная накладная’);

- (6) русск. *акциз* (← франц. *accise* ‘акциз’);
- (7) русск. *инкассо* (← итал. *incasso* ‘поступление’);
- (8) русск. *контрабанда* (← итал. *contraband* ‘контрабанда’);
- (9) русск. *ипотека* (← греч. *hipotēka* ‘залог, заклад’);
- (10) русск. *гипотеза* (← греч. *hypothesis* ‘основание, предположение’);
- (11) русск. *бухгалтер* (← немец. *Buchhalter m* ‘бухгалтер’);
- (12) русск. *гешефт* (← немец. *Geschäft n* ‘делка’);
- (13) русск. *акция* (← голл. *actie* ‘акция’).

Анализ заимствованных терминов ТБМ в рассматриваемых языках показал, что 4 языка являются источниками заимствований для ТБМ в английском и русском языках, а именно: французский, итальянский, латинский и греческий. Термины французского происхождения преобладают в ТБМ английского языка и составили 129 ед., или 43,6% по сравнению с ТБМ русского языка (58 ед., или 17,8%). Термины итальянского происхождения преобладают в ТБМ русского языка (19 ед., или 5,9%) по сравнению с ТБМ английского языка (12 ед., или 4,1%). Термины, заимствованные из латинского языка, в ТБМ английского языка составили 95 ед. (32,1%) и в ТБМ русского языка – 67 ед. (20,7%). Греческие заимствования ТБМ английского языка незначительно превалируют (12 ед., или 4,1%) над ТБМ русского языка (11 ед., 3,4%).

В английской ТБМ было выявлено 3 языка из 9 языков-источников заимствований, которые не были обнаружены в русском языке. Среди них: испанские заимствования составили 7 ед. (2,4%), японские заимствования – 40 ед. (13,5%) и корейские – 1 ед. (0,2%).

Основу терминосистемы бизнеса и менеджмента русского языка составили английские заимствования в количестве 158 ед., или 48,8%. Для ТБМ русского языка также характерно наличие заимствованных терминов из немецкого (10 ед., или 3,1%) и голландского (1 ед., или 0,2%) языков, которые не были выявлены в ТБМ английского языка.

Рассмотрим некоторые признаки заимствованных терминов из французского, латинского, греческого и итальянского языков в английском языке.

1) для латинских заимствований характерны суффиксы *-tion* (от лат. *-tiō*), *-ate* (от лат. *-ātus*), например, *accumulation* ‘накопление пакетов акций’, *conglomerate* ‘конгломерат’;

2) для греческих заимствований характерно наличие суффикса *-poly* (от др. греч. глагола *poleo* ‘продаю’ и префиксов *mono-* < греч. *monos* (μόνος) ‘один’ и *olig* < др. греч. *oligos* (ὀλίγος) ‘малочисленный’. Например, *monopoly* ‘монополия’, *monotony* ‘монотонная работа’, *oligopoly* ‘олигополия’, *oligopsony* ‘олигопсония’;

3) для французских заимствований характерно наличие суффикса *-ment* (фр. *-ment* <

лат. *-mentum*) используется для образования существительных, выражающих способ или результат действия или существительных, образованных от прилагательного. Во французских словах конечные буквы в этом суффиксе не произносятся, однако при заимствовании в английский язык, согласно фонетическим правилам, эти конечные элементы произносятся. Например, англ. *abatement* [ə'beɪtmənt] 'аннулирование' < франц. *abattement* [abatmɑ̃] 'аннулирование';

4) для итальянских заимствований характерны нетипичные для английского языка графемные сочетания, например, гласные *a, o, i* в конце слова, например, *agio* 'аживо', *portfolio* 'портфель (ценных бумаг)';

Ниже приведены признаки заимствованных терминов из английского, французского, немецкого, латинского и итальянского языков в русском языке:

1) для англицизмов характерно сочетание букв *тч, дж, ва, ви, ве*, наличие суффиксов *-инг, -мен, -ер*, например, *джобер, ваучер, истеблишмент, букмекер, дилинг, клиринг*.

2) для французских заимствований характерны конечные ударные *-é, -í, -ó* в неизменяемых словах, например, *клише, бюро*; конечное *-аж*, например, *амбалаж*; конечное *-анс, -ант*, например, *аванс, баланс*;

3) немецким заимствованиям свойственны сочетания начальных согласных *шт* и *шп*, например, *штандорт* (< нем. *der Standort*), *штемпель* (< нем. *der Stempel*); немецкая буква «h» произносится в русском как «г», например, *бухгалтер* (< нем. *der Buchhalter*);

4) для итальянских заимствований характерны слова, оканчивающиеся на *-o, -e, -та*, например, *каска, валюта, банко, брутто*;

5) для латинских заимствований в русском языке характерны суффиксы *-ент*, например, *депонент, -тор*, например, *индикатор, дебитор, -ация*, например, *амортизация, квалификация, -ций*, например, *коалиция, дискреция, инспекция*; приставки – *де-, интер-, ре-, ин-, экс-*, например, *депрессия, интервенция, регресс, инфляция, экспорт*.

5. Выводы. Заимствование является неотъемлемым процессом пополнения терминологической системы бизнеса и менеджмента в английском и русском языках. На процесс заимствования терминов влияет ряд факторов, как экстралингвистических, так и лингвистических. Наличие устных и письменных контактов между разными странами, отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия, тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного перевода (характерно больше для русского языка) стали основными причинами заимствования иноязычных терминов в ТБМ английского и русского языков.

Основными способами заимствования ТБМ в английском и русском языках являются транскрипция и транслитерация.

Анализ языков-источников в сопоставляемом аспекте показал, что латинский, греческий, французский и итальянский языки являются общими языками-источниками для ТБМ английского и русского языков, что обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами. Классические языки (латинский и греческий языки) оказали историческое и культурное влияние на формирование языка науки разных дисциплин, в т. ч. и на подязык бизнеса и менеджмента. Также следует отметить, что многие латинские и греческие термины являются универсальными для многих наук, ср. англ. *crisis*, англ. *basis* и русск. *индикатор*, русск. *гипотеза*, русск. *базис*.

Культурное влияние французского и итальянского языков на английский и русский языки проявлялось при взаимодействии через торговлю, дипломатию, военные конфликты и миграцию и привело к большому числу заимствований в обеих ТМБ. Следует также отметить, что французский язык наибольшее влияние оказал на английскую ТБМ (43,6%) по сравнению с русской ТБМ (17,9%), что обусловлено сложившимися историческими предпосылками.

В ТБМ английского языка были выявлены японские заимствования (13,5%), что в свою очередь объясняется развитием британо-японских отношений в данной области. Наименьшее влияние на формирование ТБМ английского языка оказывают испанский (2,4%) и корейский (0,2%) языки.

Английский язык оказывает наибольшее влияние на формирование ТБМ русского языка (48,8%). Это объясняется тем, что наука об управлении бизнесом начала формироваться на Западе раньше, чем в России. Большая часть специализированной научной литературы была написана на английском языке, что привело к заимствованию значительного пласта англоязычных терминов, которые не имели соответствующих эквивалентов в русском языке.

Наименьшее влияние на формирование ТБМ русского языка оказывают немецкий (3,2%) и голландский (0,2%) языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. Москва: Издательство МГОУ, 2006. 252 с.
2. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Английские заимствования в современной экономической терминологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 4(285). С. 203-207.
3. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. 287 с.

4. Беспамятная Л. В. Сопоставительный анализ заимствованных терминов кораблестроения в английском, немецком, украинском и русском языках // Язык и культура в условиях глобализации. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2018. С. 106-116.
5. Билалова Д. Н. Заимствования в научно-технической терминологии башкирского, русского и английского языков // Проблемы востоковедения, 2023. № 2. С. 62-66.
6. Борщевская Т. С. Заимствования как источник пополнения языка менеджмента // Язык. Культура. Общество. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 43-48.
7. Головин В. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические учения о терминах. Москва: Высшая школа, 1987. 104 с.
8. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. Москва, 2008. 304 с.
9. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. Москва, 1965. С. 75-85.
10. Квач. Ю. А. Способы образования терминов строительства в английском и русском языках // Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России. Часть II. Лингвистические, лингводидактические и лингвокультурологические исследования в контексте вызовов современного иноязычного образования. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. С. 293-296.
11. Колоколова Н. М. Англоязычные заимствования в географической терминологии русского языка: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 50-55.
12. Куликова И. С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте. 4-е изд., стер. Санкт Петербург: Лань, 2022. 380 с.
13. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
14. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. Москва: Наука, 1982. 149 с.
15. Мусина Г. Ф. Заимствования в технической терминологии русского языка // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. С. 91-92.
16. Сербин В. А. Семантические способы образования военных терминов (на материале современного вьетнамского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 10 (852). С. 150-162
17. Сложеникина Ю. В. Лингвистические аспекты теории термина. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 120 с.
18. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
19. Cabré M. T., Sager J. C. Terminology: theory, methods and applications: Terminology and lexicography research and practice. Amsterdam: Benjamins, 1999. No. 1. 247 p.
20. Calude A. S, Harper S., Miller S., Whaanga H. Māori loanwords in a diachronic topic-constrained corpus of New Zealand English newspapers // Asia-Pacific Language variation. 2019. Vol. 5. No 2. Pp.109-137
21. Elkin P. L. Terminology and Terminological Systems. London: Springer London, 2012. 222 p.
22. Hatanaka M. & Pannell J. English loanwords and made-in-Japan English in Japanese // Hawaii Pacific University. Hawaii: TESOL Working Paper Series 14, United States. 2016. P. 14-29.
23. Ullmann S. The principles of semantics. Oxford: Blackwell, 1967. 352 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. Москва: Книжный мир, 1999. 895 с.
2. Булычева В. П. Толковый англо-русский словарь экономических профессионализмов с образным компонентом. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 47 с.
3. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2011. 480 с.
4. Розенберг Д. М. Бизнес. Менеджмент: Терминологический словарь. Москва: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 463 с.
5. Тимошина А. А. Русско-английский словарь по экономике (с краткими пояснениями и перекрестными ссылками). Москва: Изд.-во МГУ, 2009. 512 с.
6. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Большая Рос. энцикл., 2002. 707 с.
7. Collin P. H. A Dictionary of business. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 481 p. [DB]
8. Collin P. H. A Dictionary of economy. London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. 225 p. [DE]
9. Dictionary of Business and Management. 4th. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 568 p. [DBM]

REFERENCES

1. Averbukh, K. Ya. (2006). *Obshchaya teoriya termina* [General theory of the term]. Moskva: Izdatelstvo MGOU. (In Russ.).
2. Alekseeva, T. E., Fedoseeva L. N. (2019). Angliyskie zaimstvovaniya v sovremennoy ekonomicheskoy terminologii [English borrowings in modern economic terminology]. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No 4 (285). Pp. 203-207. (In Russ.).
3. Basyrov, Sh. R. (2019). *Metafori i metonimii v raznostrukturnykh yazykakh* [Metaphors and metonymies in multi-structured languages]. Donetsk: DonNU (In Russ.).
4. Bespamyatnaya, L. V. (2018). Sopostavitelnyy analiz zaimstvovannykh terminov korablestroeniya v angliyskom, nemetskom, ukrainskom i russkom yazykakh [Comparative analysis of borrowed shipbuilding terms in English, German, Ukrainian and Russian languages]. In *Yazyk i kultura v usloviyakh globalizatsii*. Novosibirsk: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu «Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva». Pp. 106-116. (In Russ.).
5. Bilalova, D. N. (2023). Zaimstvovaniya v nauchno-tekhnicheskoy terminologii bashkirskogo, russkogo i angliyskogo yazykov [Borrowings in scientific and technical terminology of the Bashkir, Russian and English languages]. In *Problemy vostokovedeniya*. No 2. Pp. 62-66. (In Russ.).
6. Borschevskaya, T. S. (2019). Zaimstvovaniya kak istochnik popolneniya yazyka menedzhmenta [Borrowings as a source of language replenishment of management]. In *Yazyk. Kultura. Obshchestvo*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. Pp. 43-48. (In Russ.).
7. Golovin, V. N., Kobrin, R. Yu. (1987). Lingvisticheskie ucheniya o terminakh [Linguistic studies of terms]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
8. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie [Terminology studies]. Moskva. (In Russ.).
9. Kapanadze, L. A. (1965). O ponyatiyakh «termin» i «terminologiya» [On the concepts of 'term' and 'terminology']. In *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva. Pp. 75-85. (In Russ.).
10. Kvach, Yu. A. (2024). Sposoby obrazovaniya terminov stroitelstva v angliyskom i russkom yazykakh [Ways of building construction terms formation in the English and Russian

languages]. In *Yazyk i kultura v aspekte problem yazykovogo obrazovaniya sovremennoyi Rossii*. Chast II. Lingvisticheskie, lingvodidakticheskie i lingvokulturologicheskie issledovaniya v kontekste vyzovov sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. Pp. 293-296. (In Russ.).

11. Kolokolova, N. M. (2022). *Angloyazychnye zaimstvovaniya v geograficheskoy terminologii russkogo yazyka: sravnitelno-sopostavitelnyy analiz* [English-language borrowings in the geographical terminology of the Russian language: comparative analysis]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No 2 (82). Pp. 50-55. (In Russ.).

12. Kulikova, I. S. (2022). *Lingvisticheskaya terminologiya v professionalnom aspekte*. [Linguistic terminology in the professional aspect]. 4th ed. Sankt Peterburg: Lan. (in Russ)

13. Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure.]. 4-e izd. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).

14. Lotte, D. S. (1982). *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and ordering of foreign-language terms and term-elements.]. Moskva: Nauka. (in Russ.).

15. Musina, G. F. (2022). *Zaimstvovaniya v tekhnicheskoy terminologii russkogo yazyka* [Borrowings in Russian technical terminology]. In *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly*. Kazan: Kazanskiy (Privolzhskiy) federalnyy universitet. Pp. 91-92. (in Russ)

16. Serbin, V. A. (2021). *Semanticheskie sposoby obrazovaniya voennykh terminov (na materiale sovremennogo vietnamskogo yazyka)* [Semantic methods of military terms formation (based on the material of the modern Vietnamese language)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No 10 (852). Pp. 150-162. (In Russ.).

17. Slozhenikina, Yu. V. (2016). *Lingvisticheskie aspekty teorii termina* [Linguistic aspects of the term theory]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).

18. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasileva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: issues of theory]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

19. Cabré, M.T., Sager, J. C. (1999). *Terminology: theory, methods and applications: Terminology and lexicography research and practice*. Amsterdam: Benjamins. No. 1.

20. Calude, A. S, Harper, S., Miller, S., Whaanga, H. (2019). Māori loanwords in a diachronic topic-constrained corpus of New Zealand English newspapers. In *Asia-Pacific Language variation*. Vol. 5. No 2.

21. Elkin, P. L. (2012). *Terminology and Terminological Systems*. London: Springer London.

22. Hatanaka, M. & Pannell, J. (2016). English loanwords and made-in-Japan English in Japanese. Hawaii Pacific University. In *Hawaii: TESOL Working Paper Series 14, United States*. Pp. 14-29.

23. Ullmann, S. (1967). *The principles of semantics*. Oxford: Blackwell.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Borisov, A. B. (1999). *Bolshoyi ekonomicheskii slovar* [Big Economic Dictionary]. Moskva: Knizhnyy mir. (In Russ.).

2. Bulycheva, V. P. (2011) *Tolkovyy anglo-russkiy slovar ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom* [The Explanatory English-Russian Dictionary of economic professionalisms with figurative component]. Astrakhan: Astrakhanskiy un-t. (In Russ.).

3. Raizberg, B. A. (2011). *Sovremennyy ekonomicheskii slovar* [Modern Economic Dictionary]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).

4. Rozenberg, D. M. (1997). *Biznes. Menedzhment: Terminologicheskiy slovar* [Business and Management. Glossary]. Moskva: Izd. dom «INFRA-M». (In Russ.).
5. Timoshina, A. A. (2009). *Russko-angliyskiy slovar po ekonomike (s kratkimi poyasneniyami i perekrestnymi ssylkami)* [Russian-English Dictionary of Economy (with brief explanations and cross-references)]. Moskva: Izd.-vo MGU. (In Russ.).
6. Yartseva, V. N. (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Bolshaya Ros. entsikl. (In Russ.).
7. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of business*. London: A & C Black Publishers Ltd.
8. Collin, P. H. (2006). *A Dictionary of economy*. London: A & C Black Publishers Ltd.
9. *Dictionary of Business and Management*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Лукашова Ирина Вадимовна – аспирант
кафедры теории и практики перевода
(e-mail: irenlukashova@yandex.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Lukashova Irina V. – Postgraduate Student
at Theory and Practice of Translation Department
(e-mail: irenlukashova@yandex.ru),
Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 октября 2024 г.

ПЕРЕВОД

УДК 81'1

© 2024 О. Е. Ломова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОНИМОВ

В статье приводятся результаты анализа перевода немецкоязычных фильмонимов на английский и русский языки с акцентом на реализацию коммуникативно-тематического принципа. Исследование охватывает 300 названий фильмов, вышедших с 2000 по 2023 год, и выявляет основные тенденции в выборе заголовков, основанные на их тематических категориях: предмет, человек, событие, пространство, время и смешанная категория.

Ключевые слова: фильмоним, заголовки кинофильмов, коммуникативно-тематический принцип, стратегии перевода, когнитивные аспекты перевода.

© 2024 O. E. Lomova

COGNITIVE-THEMATIC PRINCIPLE IMPLEMENTATION IN THE GERMAN-LANGUAGE FILM NAMES TRANSLATION

The article deals with the analysis of translation of German-language film titles into English and Russian with a focus on the implementation of the communicative-thematic principle. The study covers 300 film titles released from 2000 to 2023 and reveals the main trends in the choice of titles based on their thematic categories: subject, person, event, space, time and mixed category.

Key words: filmonym, film titles, communicative-thematic principle, translation strategies, cognitive aspects of translation.

Введение

С момента изобретения кинематографа братьями Люмьер в конце XIX века кино продолжает играть значительную роль в современной жизни, доминируя в индустрии развлечений. Высокий спрос на зарубежные фильмы ставит перед переводчиками задачу точно передать информацию, чтобы целевая аудитория правильно поняла и оценила фильм. Эта задача выходит за рамки непосредственно содержания фильма и распространяется на его название. Броское, запоминающееся название может привлечь зрителей гораздо легче, чем синопсис фильма, и это делает название решающим фактором успеха фильма.

Цель данной статьи – изучить особенности реализации коммуникативно-тематического принципа при переводе немецкоязычных фильмонимов на английский и русский языки. **Актуальность** исследования определяется важностью точного и удачного перевода фильмонимов не только с точки зрения перевода, но и в плане культурологии. Фильмы как таковые являются важным средством хранения и передачи культурно-

специфической информации, которая может быть неправильно понята или утрачена при переводе, следовательно, перевод фильмонимов как носителей культурных и когнитивных значений, требует особого внимания к этим аспектам. Исследование когнитивно-тематического подхода при переводе фильмонимов позволяет выявить стратегии, способствующие более точной передаче смыслов, заложенных в оригинальных названиях. **Материалом** для исследования стали названия 300 современных немецкоязычных кинолент разных жанров, предоставленных в интернет-базе данных о немецком кинематографе – *filmportal.de*, вышедших в немецкоязычных странах в период с 2000 по 2023 г., для которых на сайте kinopoisk.ru на настоящий момент уже существуют общепринятые русскоязычные соответствия в результате выхода соответствующих фильмов в российский прокат. Затем с опорой на данные сайта imdb.com были установлены англоязычные фильмонимы, используемые в английской лингвокультуре с момента выхода англоязычных версий фильмов.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные анализу роли и статуса заголовков текстов: И. В. Арнольд (1978), Л. Г. Бабенко (2005), Ю. В. Веденевой (2008), И. Р. Гальперина (1981), Э. А. Лазаревой (2004), А. В. Ламзиной (1999), P. Hellwig (1984), C. Nord (1989); разработке подходов к изучению собственно фильмонимов: В. Е. Горшковой (2014), М. В. Мишкевич (2022), Ю. Н. Подымовой (2006), Л. В. Сахарного (1991), F. Bozkurt, M. Kolahdouz (2023); а также посвященные вопросам перевода фильмонимов: О. И. Александровой, У. А. Николаевой (2016); В. Е. Анисимова, А. С. Борисовой, Г. Р. Консон (2019); И. И. Воронцовой, Н. Л. Ткаченко (2015); Р. М. Вяткина (2019), P. Gabrić, I. Brajković и др. (2021), Qiushi Gu, Ling Yang (2024), Ch. Schubert (2004).

В ходе анализа материала применялся комплексный **метод исследования**, метод теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, количественный метод обработки результатов.

Использование когнитивно-тематического принципа в изучении стратегий перевода фильмонимов позволяет более глубоко проанализировать и понять, как культурные и когнитивные элементы влияют на восприятие и интерпретацию фильмов, что может способствовать более точной передаче смыслов и культурных концептов в переводе.

Основная часть

Термин «фильмоним» был включен в состав ономастической терминологии благодаря исследованиям Ю. Н. Подымовой, где фильмоним рассматривается как особый

разряд имен собственных, обозначающих названия кинолент. В фильмонимах отражается ситуация, смоделированная фильмом, поэтому фильмоним – закодированный образ этой ситуации [Подымова, 2006: 2]. И.Р. Гальперин сравнивает закодированный образ заглавия с закрученной пружиной, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания [Гальперин, 1981: 33]. Названия фильмов, являясь визуально-семантическим центром текста, соединяют в себе множество кодов, представленных сюжетами, идеологическим содержанием, жанровыми характеристиками, визуальными и звуковыми элементами [Surduk & Urban, 2016; Zhou, 2017].

Фильмонимы являются автономными единицами языка из-за их сильной позиции «над текстом» [Подымова, 2006: 24]. В то же время нельзя не брать во внимание то, что заголовок фильма – это часть текста, куда входят его содержание и присущие ему особенности, и несмотря на отсутствие жесткой формальной связи между заголовком и текстом (сюжетом фильма), вместе они образуют единый контекст, определяющий их семантику. Тенденцию сопоставления заглавия и текста можно проследить и в других исследованиях. Например, Г. Б. Кржижановский отмечает, что имеется семантическое равенство «произведение – название» [Krzhizhanovskij, 2006: 6]. Эту точку зрения разделяет и З. Я. Тураева, утверждая, что автономность названия подтверждается его «сильной позицией», важной для восприятия фильма, что позволяет противопоставить название содержанию [Тураева, 1986: 53]. Интересным в связи с этими высказываниями представляется мнение Умберто Эко о том, что понять произведение по названию не представляется возможным и название не должно быть полностью понятным до знакомства с произведением, а наоборот, должно в некотором смысле дезориентировать реципиента, наталкивать его на связь заглавия с произведением только по ходу знакомства с ним [Эко, 2005: 5].

Фильмонимы выполняют ряд функций, в отношении которых среди ученых нет единого мнения, но которые важно учитывать при переводе. Так, Ю. Н. Подымова выделяет *номинативную, коммуникативную, информативную, прагматическую и рекламную* функции фильмонимов [Подымова, 2006]. *Номинативная* функция считается «исходной», или «базовой» [Пешкова, 2011: 147], так как именно с названия художественного фильма начинается знакомство с ним потенциального зрителя. Она не связана со структурными и синтаксическими моделями, что указывает на ее универсальную природу. Фильмоним выступает в качестве связующего звена между кинолентой и зрителем и выполняет таким образом *коммуникативную* функцию. Помимо

коммуникативной функции следует также особо выделить *информативную* функцию фильмонимов, целью которой является передача информации, представленной в киноленте, еще до самого просмотра. С точки зрения Л.В. Сахарного, данная функция является главной функцией названия, так как названия могут в лаконичной форме передать всю суть сюжета, являясь «текстами-перформативами» [Сахарный, 1991: 133].

Французский режиссер Рене Клер в своих трудах говорит о названии фильма как о рекламе, поясняя, что кино – это прежде всего индустрия, и между мозгом, задумавшим фильм, и экраном, отражающим его, существует целая промышленная организация и ее финансовые потребности [Clair, 1981: 100]. В современном мире в условиях большого выбора кинофильмов и ограниченного времени человека для развлечений потребитель становится очень избирательным. Именно поэтому маркетологам важно путем стилистических приемов, интересных, броских заголовков привлечь и оказать воздействие на большую аудиторию для коммерческого успеха фильма. На существование *рекламной* функции заголовка указывают Ю. В. Веденева и Э. А. Лазарева. В отличие от Э. А. Лазаревой, которая заявляет, что рекламная функция нацелена лишь на привлечение внимания [Лазарева, 2004: 13], Ю.В. Веденева отмечает такую важную особенность рекламной функции как удержание внимания реципиента [Веденева, 2008: 139]. И. В. Арнольд видит целью рекламной функции создание определенного восприятия у потенциального зрителя, поскольку рекламная функция «удерживает внимание человека и отвечает за формирование усиленного чувства ожидания» [Арнольд, 2002: 7].

Выделяют также *прогностическую* функцию фильмонима. Эта функция обусловлена процессом антиципации, то есть прогнозирования информации, представленной в фильме, по его названию [Вяткин, 2019: 9]. Человеческий мозг имеет способность к опережающему отражению действительности. Зачастую зрители на подсознательном уровне прогнозируют и анализируют названия фильмов, и строят логические цепочки в своем воображении, которые помогают предсказать сюжет фильма [Hellwig, 1984]. В рамках прогностической функции А. В. Суртаева также выделяет *ассоциативную* функцию, отвечающую за формирование определенных ассоциаций, влияющих на восприятие в будущем [Суртаева, 2012: 19].

Еще одна функция, о которой необходимо сказать – *прагматическая* функция фильмонимов. Ее характеризуют познавательные и эмоциональные реакции людей типа счастья, гнева, удивления и страха. Языковые средства отбираются и используются автором заголовка для реализации его субъективных целей по эмоциональному воздействию на потенциальную публику [Вяткин, 2019: 13]. Здесь можно отметить слова Е. Ю. Петровой,

которая подчеркивает, что фильмоним является определенной гарантией успеха киноленты, а его успешное восприятие, за которое как раз отвечает прагматическая функция фильмонима, напрямую оказывает влияние на кассовые сборы фильма [Петрова, 2016: 194]. Таким образом, фильмоним выполняет целый ряд функций, учет и сохранение которых при переводе может служить залогом интереса к фильму и его коммерческого успеха.

Фильмоним является объектом изучения многих современных исследований, тем не менее, в научном сообществе так и не выдвинули единую **классификацию** заголовков, хотя и были предприняты попытки.

Так, А. В. Ламзина предлагает свою классификацию заголовков на 4 основных вида по принципу ключевой информации, заключенной в заголовке: 1) идея или основная проблема заключена в самом названии – в этом случае у зрителя по ходу действия фильма усиливается понимание заголовка фильма, которое может стать символичным; 2) заголовки, представляющие собой перспективу сюжетной линии «в процессе ее разработки», и те, которые отражают кульминационный момент фильма – могут делить картину на «до» и «после»; 3) антропонимы, указывающие на социальный статус персонажей, вид деятельности, национальность – в заглавии представлено имя главного героя и/или его персональные характеристики; 4) заголовки, обозначающие время и пространство – не только названия, в которых есть указание на год, месяц, неделю, день, но и заглавия, в которых есть имя человека, наталкивающего зрителя на мысли об определенном временном отрезке [Ламзина, 1999: 23].

И. В. Арнольд проводит две классификации заглавий по двум основаниям. В ее первой классификации учитываются *структурные характеристики заглавий* (являются ли они фразами, словами или предложениями). Вторая классификация предполагает деление заголовков на исключительно информационные; базирующиеся на знакомой читателю информации; эмоционально-оценочные; рифмованные и сенсационные, и она основана уже на частично *семантических критериях* [Арнольд, 1978: 25].

В своем исследовании мы опирались на классификацию заголовков, предложенную Л. Г. Бабенко, в основе которой лежит когнитивно-тематический принцип. Это значит, что заголовки распределены по категориям, что характерно, например, для словарей-тезаурусов. В ходе исследования заголовки распределяются по следующим категориям: *человек, предмет, время, событие и пространство*. В исследовании подчеркивается, что наиболее многочисленные категории – это «человек», «время» и «пространство» – своего рода триада, являющаяся основой для художественного текста. [Бабенко, 2005: 159-182].

Однако в недавних исследованиях классификации фильмонимов к данной классификации было предложено также добавить смешанную группу заголовков, которая совмещает в себе две или более категорий, например: *Last Night* (время) – *Прошлой ночью в Нью-Йорке* (2010) (смешанная категория: пространство + время) [Мишкевич, 2022: 392]. Таким образом, мы распределили собранный эмпирический материал на следующие тематические группы: категория «человек», категория «предмет», категория «время», категория «событие», категория «пространство» [Бабенко, 2005], а также выделяем смешанную категорию, предложенную М. В. Мишкевич, которая включает фильмонимы, сочетающие в себе признаки одновременно нескольких категорий [Мишкевич, 2022].

Согласно данной классификации, к категории «человек» мы относим фильмонимы, которые обозначают ключевых персонажей фильма или группу основных героев. К ним относятся, например, следующие фильмонимы нашей выборки: *8 Zeugen* (2021); *Agnes und seine Brüder* (2004); *Der Fischer und seine Frau* (2005); *Der Rote Baron* (2008) и т. д. Фильмонимы в категории «предметы» указывают на символический или фактически существующий предмет, который играет важную роль в фильме и может стать ключевым элементом сюжета или его развития, например, *100 Dinge* (2018); *14 Tagebücher des Ersten Weltkriegs* (2014). Категория «время» охватывает фильмонимы, которые обозначают период, в течение которого разворачиваются события фильма. Это может быть точное время, указывающее часы и минуты, а также дата исторического события, месяц или год – всё то, что так или иначе дает зрителю информацию о времени. Например, *2016: Das Ende der Nacht* (2011); *8 Tage* (2019); *Die kommenden Tage* (2010). Фильмонимы в категории «событие» относятся к фильмам, которые связаны с определенным событием или происшествием, являющимся ключевым моментом в фильме и оказывающим значительное влияние на развитие сюжета или формирование киноистории: *Als der Weihnachtsmann vom Himmel fiel* (2011); *Das grosse Comeback* (2011). К категории «пространство» относим заголовки, указывающие на место, где разворачиваются основные события фильма. Это могут быть как вымышленные топонимы, так и реально существующие локации: *Almanya – Willkommen in Deutschland* (2011); *Auf der anderen Seite* (2007); *Nirgendwo in Afrika* (2001); *Babylon Berlin* (2017). И, наконец, фильмонимы, которые можно отнести к смешанной категории, – те, которые сочетают в себе элементы двух и более вышеописанных категорий: *Hexe Lilli: Die Reise nach Mandolan* (2011) (человек + пространство + событие); *Es war einmal in Deutschland* (2017) (пространство + время); *Anonyma – Eine Frau in Berlin* (2008) (человек + пространство); *Die Abenteuer des Huck Finn* (2012) (человек + событие).

На основе этой классификации мы проведем анализ распределения 300 немецкоязычных фильмонимов и их официальных переводов на английский и русский языки по шести указанным категориям. Это поможет выявить общие тенденции в выборе названий и проанализировать причины, по которым создатели фильмов выбирали те или иные заголовки. Результаты распределения названий фильмов по категориям представлены в таблице.

Таблица. *Распределение немецких, английских и русских фильмонимов по когнитивно-тематическому признаку*

№	Категория	Немецкие фильмонимы		Английские фильмонимы		Русские фильмонимы	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	<i>предмет</i>	78	26	89	29,7	89	29,7
2.	<i>человек</i>	74	24,7	67	22,3	71	23,7
3.	<i>смешанная</i>	45	15	39	13	33	11
4.	<i>событие</i>	43	14,3	46	15,3	47	15,7
5.	<i>пространство</i>	37	12,3	42	14	44	14,7
6.	<i>время</i>	23	7,7	17	5,7	16	5,3
	Всего	300	100	300	100	300	100

По результатам проведенного количественного анализа, мы видим, что во всех трех языковых группах **категория «предмет»** представлена наибольшим количеством единиц: 78 немецких, 89 английских и 89 русских фильмонимов. В английском и русском языках такие заголовки составили почти 30% от общего числа фильмонимов. Мы объясняем этот факт тем, что предметы имеют большое значение как в жизни, так и в искусстве кино. Они окружают нас, имеют для нас смысл и могут вызывать разные ассоциации у зрителя. Названия фильмов, содержащие слова-предметы, могут мгновенно вызывать образы и эмоции у зрителя, что делает такие названия привлекательными для создателей кинолент, а также для переводчиков, адаптирующих оригинальное название на английский и русский языки. Примером может послужить фильм *Der goldene Handschuh* (2019) – *The Golden Glove* – *Золотая перчатка*, а также *100 Dinge* (2018) – *100 Things* – *100 вещей и ничего лишнего*.

Следует отметить, что количество русских и английских фильмонимов в этой категории больше, чем в немецком языке оригинала фильма (на 11 случаев или 11,4% для каждого из языков перевода). Зачастую это можно объяснить стремлением переводчиков сократить название, сделав его более метким и точным, не потеряв при этом смысл оригинала. И тогда, как в следующих примерах, происходит переход фильмонима из одной категории в другую, в данном случае из категории *«событие»* в категорию

«предмет»: *Schweigend steht der Wald* (2022) (событие) – *The Silent Forest* (предмет) – *Тихий лес* (предмет); *Bis wir tot sind oder frei* (2020) (событие) – *Caged Birds* (предмет) – *Пока не умрем или не будем свободны* (событие). В других случаях как, например, в случае с русским фильмонимом *Im Juli* (2000) (время) – *In July* (время) – *Солнце ацтеков* (предмет), переводчик стремится конкретизировать, о чем идет речь в фильме, делая акцент на кольце с символом солнца ацтеков, которое фигурирует в фильме, и переход в категорию «предмет» происходит из категории «время».

К категории «предмет» мы также относим фильмонимы, которые носят абстрактный характер. Например, *Das letzte Wort* (2020) – *The Last Word* – *Последнее слово*; *Der freie Wille* (2006) – *The Free Will* – *Свободная воля*. Такие названия способствуют воображению зрителя, не раскрывая полностью сюжет и сохраняя интригу.

Второй по частотности соотношения для каждого из трех языков следует **категория «человек»**. Здесь номинированы имена главных персонажей или группы персонажей. *Der Fischer und seine Frau* (2005) – *The Fisherman and His Wife* – *Рыбак и его жена*; *Emil und die Detektive* (2001) – *Emil and the Detectives* – *Эмиль и детективы*; *Habermann* (2010) – *Habermann* – *Хаберманн*; *Hannah Arendt* (2012) – *Hannah Arendt* – *Ханна Арендт*; *Goethe!* (2010) – *Young Goethe in Love* – *Götte!* Подобные заголовки несут в себе главную информацию о фильме – кто главный герой, о ком идет речь в киноленте. Оставляя такое название, переводчик сохраняет намерение авторов фильма привлечь внимание зрителя к определенной персоне или группе людей. И, тем не менее, в данной категории видим, что в случае перевода показатели актуализации данной категории ниже (на 7 случаев или 9,5% для английского языка, и 3 или 4% для русского). При выборе альтернативного перевода названия фильма переводчики могли решить, что более подходящим будет не просто перевести имя главного героя, но дополнительно добавить информацию о событии, предмете или другом важном элементе фильма, который несет особое значение для сюжета – *Der Parfumeur* (2022) (человек) – *The Perfumier* (человек) – *Парфюмер: утраченный аромат* (человек + предмет). В русской адаптации названия это могло быть сделано для разграничения новой картины и фильма 2006 года «Парфюмер. История одного убийцы», и в то же время для создания ассоциации с этим популярным фильмом, чтобы заинтересовать зрителя. В некоторых случаях переход названия из категории «человек» в другую связан с отсутствием эквивалента в русском языке, что вынуждает прибегнуть к преобразованию – *Schlussmacher* (2013) (человек) – *The Break Up Man* (человек) – *Поможем расстаться* (событие). Еще один пример перехода в другую категорию встречаем сразу в английском и русском названиях – *Elser* (2015) (человек) –

13 Minutes (время) – *Взорвать Гитлера* (событие). Все фильмонимы связаны с покушением на Адольфа Гитлера, которое планировал плотник Георг Эльзер, но ему не хватило *13 минут*, чтобы изменить ход мировой истории. Тем не менее русская адаптация названия дает больше информации о событиях фильма, чем оригинальная немецкая и перевод на английский. Чаще всего именно этим мотивированы преобразования – стремлением уточнить, конкретизировать и привлечь внимание зрителя к ключевым моментам сюжета.

Третья по частотности группа фильмонимов в языке оригинала представлена **«смешанной» категорией**. В ней приведены названия фильмов, сочетающие в себе признаки нескольких категорий. Такое решение автора или переводчика можно объяснить желанием донести больше информации в названии, то есть с какой-то стороны раскрыть суть фильма, чтобы вызвать больший интерес, но при этом сохранить интригу: *Anonyma – Eine Frau in Berlin* (2008) – *A Woman in Berlin* – *Безымянная – одна женщина в Берлине* (человек + пространство); *Die Abenteuer des Huck Finn* (2012) – *The Adventures of Huck Finn* – *Приключения Гекльберри Финна* (событие + человек); *Als Hitler das rosa Kaninchen stahl* (2019) – *When Hitler Stole Pink Rabbit* – *Как Гитлер украл розового кролика* (человек + событие).

Отметим, что при переводе фильмонимов данной группы на английский и русский язык достаточно часто происходит сужение и конкретизация понятия, и в языке перевода фильмонимы смешанной категории представлены значительно реже (на 6 случаев или 13,3% в английском языке, и на 12 случаев или 26,7% в случае с русским языком). Например, *Ferdinand von Schirach – Glauben* (2021) (человек + событие) – *The Allegation* (событие) – *Обвинение* (событие); *Gespensterjäger – Auf eisiger Spur* (2015) (человек + пространство) – *Ghosthunters: On Icy Trails* (человек + пространство) – *Ловушка для привидения* (предмет); *Ingeborg Bachmann – Reise in die Wüste* (2023) (человек + пространство) – *Ingeborg Bachmann – Journey into the Desert* (человек + пространство) – *Объясни мне, любовь* (событие); *Doctor's Diary – Männer sind die beste Medizin* (2008) (предмет + человек) – *Doctor's Diary* (предмет) – *Дневник доктора* (предмет). Можем предположить, что при переводе таких фильмонимов они звучат громоздко и избыточно выполняют свою информативную функцию, которая с точки зрения Л. В. Сахарного является главной функцией названия, поскольку названия должны в лаконичной форме передать всю суть сюжета, являясь «текстами-перформативами» [Сахарный, 1991: 133].

Далее в нашей выборке следуют **категории «событие» и «пространство»**, имеющие схожие показатели. Что касается фильмонимов, входящих в категорию «событие», то здесь в названиях часто заложена основная идея ситуации, представленной

в фильме: *Nicht mein Tag* (2014) – *Not My Day* – *Факан, или хуже не бывает*; *Die Vermessung der Welt* (2012) – *Measuring the World* – *Измеряя мир*; *Gestern waren wir noch Kinder* (2022) – *Yesterday We Were Still Children* – *Еще вчера мы были детьми*. Интересно, что данная категория является третьей по частотности в вариантах перевода немецких фильмонимов на английский и русский язык, и составляет там примерно 1/6 от всех фильмонимов (15,3% и 15,7% соответственно).

Фильмонимы категории «пространство» можно условно разделить на несколько групп. Например, те, в которых фигурируют топонимы, обозначающие какую-то местность: *Almanya – Willkommen in Deutschland* (2011) – *Almanya: Welcome to Germany* – *Альмания – Добро пожаловать в Германию*. Названия, которые указывают на какое-то помещение или здание: *Colonia Dignidad – Es gibt kein Zurück* (2015) – *Colonia – Колония Дигнидад*; *Das Lehrerzimmer* (2023) – *The Teachers' Lounge* – *Учительская*; *Das Sommerhaus* (2014) – *The Summer House* – *Загородный дом*. И наконец, названия, указывающие на неоднозначное место действия, которые интригуют зрителя: *Auf der anderen Seite* (2007) – *The Edge of Heaven* – *На краю рая*; *Dunkelstadt* (2020) – *Darktown* – *Темный город*; *Feuchtgebiete* (2013) – *The Wetlands* – *Запретная территория*.

Мало представленной оказалась категория «время», что неудивительно, так как подобные заголовки фильмов вряд ли могут оказать больше влияния на реципиента, чем, например категория «событие» или «человек», так как фильмонимы этой категории содержат меньше информации о фильме, чем вышеописанные: *3096 Tage – 3096 Days – 3096 дней*; *8 Tage* (2019) – *8 Days – 8 дней*; *Die kommenden Tage* (2010) – *The Coming Days* – *Грядущие дни*; *Im Juli* (2000) – *In July* – *Солнце ацтеков*. В случае с перечисленными фильмами догадаться, о чем идет речь в фильме можно только прочитав его описание.

В ходе проведенного анализа также было выявлено, что часто переводчики полностью или частично меняют название фильма, вследствие чего название на английском и / или русском языках следует отнести в отличные от оригинала категории: *Alle Anderen* (2009) – *Everyone Else* – *Страсть не знает преград*; *Das Lied in mir* (2010) – *The Day I Was Not Born* – *День, когда я не родилась*; *Das wilde Leben* (2007) – *Eight Miles High* – *Дикая жизнь*; *Liebe Mauer* (2009) – *Beloved Berlin Wall* – *Любовь за стеной*; *Schlussmacher* (2013) – *The Break Up Man* – *Поможем расстаться*.

Выводы

Исследование выявило, что согласно когнитивно-тематическому принципу при номинации кинолент доминирующее значение имеют фильмонимы, выражающие категории «предмет» и «человек» как наиболее информативные, способные в ёмкой и

лаконичной форме отобразить в названии события фильма. В сумме фильмонимы этих двух категорий составляют более половины их всех проанализированных названий фильмов для каждой из языковых групп (50,7% в немецком, 52% – в английском, 53,4% – в русском языке). Третью по частотности группу в немецком языке составили фильмонимы «смешанной» категории (15%), включающие признаки сразу нескольких категорий. При переводе таких фильмонимов на английский и русский языки часто происходит смена категории и смешанная группа в языке перевода составляет лишь пятое место (13% в английском и 11% в русском языках), с незначительным отставанием уступив место фильмонимам категории «событие» и «пространство». Категория «время» реже всего актуализируются в фильмонимах как в языке оригинала – немецком языке, так и в их переводе на английский и русский языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О. И., Николаева У. А. Стратегии перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки // Вестник РУДН. Сер. Теория Языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 113-122.
2. Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 435-459.
3. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 24-27.
4. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Москва: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
5. Веденева Ю. В. Функциональная парадигма заглавий поэтических произведений на материале англоязычных стихотворений, предназначенных для детей // Вестник СамГУ. 2008. № 60. С. 140-142.
6. Воронцова И. И., Ткаченко Н. Л. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка // Новый филологический вестник. 2015. № 3 (34). С. 139-149.
7. Вяткин Р. М. Способы актуализации прагматического потенциала фильмонимов при переводе с английского языка на русский // Сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2019. Ч. I. С. 244-251.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 138 с.
9. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. Вып. 10. С. 26-37.
10. Лазарева Э. А. Заголовок в тексте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 84 с.
11. Ламзина А. В. Заглавие // Введение в литературоведение. Москва: Высшая школа, 1999. С. 45.
12. Мишкевич М. В. Классификация англо- и немецкоязычных фильмонимов по когнитивно-семантическому признаку и их контекстуальный анализ // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. Минск: БГУ, 2022. С. 390-397.

13. Петрова Е. Ю. К проблеме несовпадений переводов англоязычных названий фильмов // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 193-198.
14. Пешкова Ю. В. Взаимосвязь синтаксической структуры и функций заголовков немецких новостных текстов // Вестник ВГУ. 2011. № 1. С. 147-150.
15. Подымова Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 2006. 205 с.
16. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. Москва: Наука, 1991. С. 221-237.
17. Суртаева А. В. Заглавие художественного текста как элемент его информационной структуры (на материале заглавий англоязычных художественных произведений XX – XXI вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2012. 21 с.
18. Тураева З. Я. Текст: структура и семантика. Москва: Просвещение, 1986. 127 с.
19. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». Санкт-Петербург: Symposium, 2005. 91 с.
20. Bozkurt F., Kolahdouz M. A Corpus-Based Socio-Onomastic Analysis on Turkish and American Horror Film Naming // *Cinej Cinema Journal*, 2023. Vol. 11.2. P. 419-445.
21. Clair R. *Cinema Yesterday and Today*. Michigan: Dover Publications, 1981. 260 p.
22. Gabrić P., Brajković I., Licchetta L., Bezuh J., Kelčec Ključarić D. A comparative and diachronic analysis of film title translations and appellative effect transfer into Croatian and German // *Hieronymus: Journal of Translation Studies and Terminology*, 2021. 4(1). P. 1-27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322386323_A_comparative_and_diachronic_analysis_of_film_title_translations_and_appellative_effect_transfer_into_Croatian_and_German. (accessed: 16.10.2024).
23. Hellwig P. Titulus oder über den Zusammenhang von Titeln und Texten // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, 1984. 12(1). S. 1-20. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249937819_Titulus_oder_uber_den_zusammenhang_von_titeln_und_texten_Titel_sind_ein_Schlussel_zur_Textkonstitution. (accessed: 16.10.2024).
24. Krzhizhanovskij S. D. Poetika zaglavij. *Sobranie sochinenij v pyati tomah / T. 4. Poetika zaglavij. Filosofema o teatre. Strany, kotoryh net. Fragmenty o SHekspire. Iskustvo epigrafa [Pushkin]. Dramaturgicheskie priyomy Bernarda SHou*, 2006. 848 p.
25. Nord C. Der Titel – ein Mittel zum Text. Überlegungen zu Status und Funktionen des Titels // Reiter, Norbert (Hg.) (1989): *Sprechen und Hören. Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums*, Berlin, Tübingen: Max Niemeyer, 1988. S. 519-528.
26. Qiushi Gu, Ling Yang The translation of animation titles: A case study on English, Japanese, and Chinese titles // *Forum for Linguistic Studies*, 2024. 6(1): 1961. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377484637_The_translation_of_animation_titles_A_case_study_on_English_Japanese_and_Chinese_titles. (accessed: 16.02.2023).
27. Schubert Ch. Die Appellwirkung englischer Filmtitel und ihrer deutschen Neutitel: Techniken interkulturellen Transfers // *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik (AAA)*. 29/2004, Heft 2. Tübingen: Gunter Narr. S. 239-259.
28. Surduk A., Urban, A. Mistranslations of film titles: between fidelity and advertising. In *Glottodidactica*. Adam Mickiewicz University Press. Poznan. 2016. 18 p. Available at: <https://doi.org/10.14746/gl.2016.43.1.12>. (accessed: 16.02.2023).
29. Zhou D. Research on Appeal of English Movie Title Translation based on Schema Theory // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 101. 4th International Conference on Education, Management and Computing Technology

(ICEMCT 2017). Atlantis Press. 2017. P. 90-93. Available at: <https://doi.org/10.2991/icemct-17.2017.20>. (accessed: 16.02.2023).

REFERENCES

1. Aleksandrova, O. I., Nikolaeva, U. A. (2016). Strategii perevoda sovremennykh angloyazychnykh filmonimov na russkiy i ispanskiy yazyki [Strategies for translating modern English-language filmonyms into Russian and Spanish]. In *Vestnik RUDN. Ser. Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika*. No 2. Pp. 113-122. (In Russ.).
2. Anisimov, V. E., Borisova, A. S., Konson, G. R. (2019). Lingvokulturnaya lokalizatsiya kinozagolovkov [Linguocultural localisation of film titles]. In *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika*. Vol 23. No 2. Pp. 435-459. (In Russ.).
3. Arnold, I. V. (1978). Znachenie silnoy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The importance of a strong position for interpreting a fiction text]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. No 4. Pp. 24-27. (In Russ.).
4. Babenko, L. G. (2005). *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic analysis of the artistic text. Theory and practice]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
5. Vedeneva, Yu. V. (2008). Funktsionalnaya paradigma zaglaviy poeticheskikh proizvedeniy na materiale angloyazychnykh stikhotvoreniy, prednaznachennykh dlya detey [Functional paradigm of titles of poetic works based on the material of English-language poems for children]. In *Vestnik SamGU*. No 60. Pp. 140-142. (In Russ.).
6. Vorontsova, I. I., Tkachenko, N. L. (2015). Tendentsii perevoda filmonimov v kontekste sovremennogo rossiyskogo kinematograficheskogo rynka [Trends in the translation of filmonyms in the context of the modern Russian film market]. In *Novyy filologicheskiy vestnik*. No 3(34). Pp. 139-149. (In Russ.).
7. Vyatkin, R. M. (2019). Sposoby aktualizatsii pragmaticheskogo potentsiala filmonimov pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy [Ways of actualising the pragmatic potential of filmonyms in translation from English into Russian]. In *Sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh*. Ekaterinburg: OOO «Izdatelstvo UMC UPI». Ch. I. Pp. 244-251. (In Russ.).
8. Galperin, I. R. (1981). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Gorshkova, V. E. (2014). Nazvanie filma kak edinitsa perevoda i sostavlyayushchaya obraza-smysla [Film title as a unit of translation and a component of image-meaning]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. Iss. 10. Pp. 26-37. (In Russ.).
10. Lazareva, E. A. (2004). *Zagolovok v tekste* [Title in text]. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
11. Lamzina, A. V. (1999). Zaglavie [Title]. In *Vvedenie v literaturovedenie*. Moskva: Vysshaya shkola. P. 45. (In Russ.).
12. Mishkevich, M. V. (2022). Klassifikatsiya anglo- i nemetskoyazychnykh filmonimov po kognitivno-semanticheskomu priznaku i ikh kontekstualnyy analiz [Classification of English- and German-language filmonyms by cognitive-semantic feature and their contextual analysis]. In *Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya*. Minsk: BGU. Pp. 390-397. (In Russ.).
13. Petrova, E. Yu. (2016). K probleme nesovpadeniy perevodov angloyazychnykh nazvaniy filmov [On the problem of inconsistencies in translations of English-language film

titles]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (28). Pp. 193-198. (In Russ.).

14. Peshkova, Yu. V. (2011). *Vzaimosvyaz sintaksicheskoy struktury i funktsiy zagolovkov nemetskikh novostnykh tekstov* [The relationship between syntactic structure and functions of headlines in German news texts]. In *Vestnik VGU*. No 1. Pp. 147-150. (In Russ.).

15. Podymova, Yu. N. (2006). *Nazvaniya filmov v strukturno-semanticheskom i funktsionalno-pragmaticheskom aspektah* [Film titles in structural-semantic and functional-pragmatic aspects]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Maykop. (In Russ.).

16. Sakhar'nyy L. V. (1991). *Teksty-primitivy i zakonomernosti ikh porozhdeniya* [Primitive texts and patterns of their generation]. In *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi*. Moskva: Nauka. Pp. 221-237. (In Russ.).

17. Surtaeva, A. V. (2012). *Zaglavie khudozhestvennogo teksta kak element ego informatsionnoy struktury (na materiale zaglaviy angloyazychnykh khudozhestvennykh proizvedeniy XX – XXI vv.)* [Fiction text title as an element of its information structure (based on the material of titles of English-language works of fiction of XX - XXI centuries)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

18. Turaeva, Z. Ya. (1986). *Tekst: struktura i semantika* [Text: structure and semantics]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

19. Eko, U. (2005). *Zametki na polyakh «Imeni rozy»* [Notes in the margins of 'The Name of the Rose']. Sankt-Peterburg: Symposium. (In Russ.).

20. Bozkurt, F., Kolahdouz, M. (2023). A Corpus-Based Socio-Onomastic Analysis on Turkish and American Horror Film Naming. In *Cinej Cinema Journal*. Vol. 11.2. Pp. 419-445.

21. Clair, R. (1981) *Cinema Yesterday and Today*. Michigan: Dover Publications.

22. Gabrić, P., Brajković, I., Licchetta, L., Bezuh, J., Kelčec, Ključarić D. (2021). A comparative and diachronic analysis of film title translations and appellative effect transfer into Croatian and German. In *Hieronymus: Journal of Translation Studies and Terminology*. 4(1). Pp. 1-27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322386323_A_comparative_and_diachronic_analysis_of_film_title_translations_and_appellative_effect_transfer_into_Croatian_and_German. (accessed: 16.10.2024).

23. Hellwig, P. (1984). *Titulus oder über den Zusammenhang von Titeln und Texten*. In *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 12(1). S. 1-20. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249937819_Titulus_oder_uber_den_zusammenhang_von_titeln_und_texten_Titel_sind_ein_Schlussel_zur_Textkonstitution. (accessed: 16.10.2024).

24. Krzhizhanovskij, S. D. (2006). *Poetika zaglavij*. *Sobranie sochinenij v pyati tomah / T. 4. Poetika zaglavij. Filosofema o teatre. Strany, kotoryh net. Fragmenty o SHekspire. Iskustvo epigrafa [Pushkin]. Dramaturgicheskie priyomy Bernarda SHou*. (In Russ.).

25. Nord, C. (1988). *Der Titel – ein Mittel zum Text. Überlegungen zu Status und Funktionen des Titels*. In *Reiter, Norbert (Hg.) Sprechen und Hören. Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums*. Berlin. Tübingen: Max Niemeyer. S. 519-528.

26. Qiushi, Gu, Ling, Yang (2024). The translation of animation titles: A case study on English, Japanese, and Chinese titles. In *Forum for Linguistic Studies*. 6(1): 1961. Available at: https://www.researchgate.net/publication/377484637_The_translation_of_animation_titles_A_case_study_on_English_Japanese_and_Chinese_titles. (accessed: 16.10.2024).

27. Schubert, Ch. (2004). *Die Appellwirkung englischer Filmtitel und ihrer deutschen Neutitel: Techniken interkulturellen Transfers*. In *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik (AAA)*. 29. Heft 2. Tübingen: Gunter Narr. S. 239-259.

28. Surduk, A., Urban, A. (2016). *Mistranslations of film titles: between fidelity and advertising*. In *Glottodidactica. Adam Mickiewicz University Press*. Poznan. Available at: <https://doi.org/10.14746/gl.2016.43.1.12>. (accessed: 16.09.2024).

29. Zhou, D. (2017). Research on Appeal of English Movie Title Translation based on Schema Theory. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 101. 4th International Conference on Education, Management and Computing Technology (ICEMCT 2017). fAtlantis Press. Pp. 90-93. Available at: <https://doi.org/10.2991/icemct-17.2017.20>. (accessed: 16.09.2024).

Ломова Оксана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (e-mail: oelomova@sfedu.ru), Южный федеральный университет, 344006, Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Lomova Oksana E. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication (e-mail: oelomova@sfedu.ru), Southern Federal University, 93, lane University, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 21 октября 2024 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), междустрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *sœur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
Отдельный том многотомного издания	Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
Статья из сборника	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

Том 20 Выпуск 4 (66) 2024

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 06.12.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,01.
Тираж 100 экз. Заказ № 24дек156/2.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.